

№ 52. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 29 Декабря 1879 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Баской.

Этнографическій романъ **Л. Симоновой.**

(*Окончаніе.*)

Глава IX.

А время шло своею чередою. Жаркіе дни стали смѣняться туманными, холодными ночами. Сѣнокосъ кончился, крестьяне со страхомъ посматривали на медленно спѣющій яровой хлѣбъ. Поздно посѣянный по случаю поздней весны, онъ еще далеко не обѣщалъ скорой жатвы, а люди начинали бояться, что вслѣдъ за туманными ночами вдругъ нагрянутъ морозные утренники и разомъ истребятъ плодъ многихъ трудовъ,—предметъ, къ которому стремились общіе помыслы. Коса все также голодала; тамъ померли двое ребятишекъ, «мучамшись животомъ». Въ Каменкѣ было сравнительное довольство. Здѣсь находили еще возможность дѣлиться съ косинцами кусками хлѣба. Любовь къ школѣ и учителю съ каждымъ днемъ крѣпла. «Баской» не замѣтилъ убывшихъ изъ его рукописи листовъ. Онъ ее почти не перечитывалъ, а продолжалъ записывать такія мысли, такія воспоминанія, которыми не могъ дѣлиться съ окружающими. Фекла чувствовала, что все болѣе и болѣе привязывается къ учителю. Блаженствовалъ и Софроній. Онъ, потирая руки отъ удовольствія, нетерпѣливо поглядывалъ изъ своего окна на дорогу: не проѣдетъ-ли экстренная почта, не проскачутъ-ли необычные путешественники. Не спокойна была только чета—Сидоръ съ женою. Дарья была испуганною и задумчивою до того, что втеченіи двухъ недѣль не ходила ни разу въ Каменку спровѣдать сынишку; Сидоръ приставалъ къ ней съ распросами о причинѣ такой перемѣны. Она отгрызалась, какъ умѣла, отъ его допросовъ; весь испытываемый ужасъ переживала одна. Страстная любовь къ Баскому томила и мучила ее; Дарья порывалась овладѣть еще частью записокъ молодого человѣка, но боязнь новаго вмѣшательства нечистой силы останавливала ее. Наконецъ, она рѣшилась идти и посовѣтываться съ матерью. День для этого Дарья выбрала не жаркій, пасмурный, сѣренькій денекъ, когда съ минуты на минуту можно было ожидать, что вотъ припрыснетъ освѣжающій дождь и обмоетъ окрестность. Шла она въ раздумьи съ поникшею головою и медленными шагами приближалась къ жалкой, пересохшей рѣченкѣ.

Въ то утро, проснувшись съ зарею, Баской предложилъ дядѣ Перфилу замѣнить его въ заготовкѣ дровъ на зиму и вмѣстѣ съ Феклой отправился для рубки къ указанному Сидоромъ Ивановичемъ мѣсту по сю сторону рѣчушки,—на

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ДУНИНА.

Цвѣты. Рѣзано на деревѣ въ «**Варшавской политипажнѣ**».

берегу ея. Цѣлое утро слышался въ этой сторонѣ стукъ топоровъ, молодые люди не знали отдыха и уже послѣ обѣда Баской съ непривычки сильно усталъ, прилегъ на часокъ и закурилъ трубку. Фекла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него сидѣла на корточкахъ передъ кустомъ дикой малины и быстро наполняла ею опорожненный туясокъ. Дѣвушка часто поглядывала въ ту сторону, гдѣ лежалъ ея ненаглядный, онъ-же напротивъ не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Онъ лежалъ на самомъ скатѣ, ступнями касаясь самой воды. Голова, подпертая рукою, была склонена къ землѣ, лицо—задумчиво. Онъ и не слыхалъ, когда Фекла, набравъ ягодъ, подкралась къ нему и присѣла на карточкахъ около. Онъ опомнился только тогда, когда она совершенно неожиданно обвила его шею руками и припала щекою къ его щекѣ.

— О чемъ ты тоскуешь-то? спросила она, любовно заглядывая въ его глаза.

— Нѣтъ, не тоскую я, а такъ задумался.

— О чемъ? приставала она къ нему.

— А вотъ, слушай, заговорилъ онъ серьезно, смотря задумчиво куда-то вдаль.—Представляется мнѣ далекій домъ. Чистая-чистая горница, вся въ зелени и цвѣтахъ, съ лампадкой у образа, съ угольничкомъ, покрытымъ бѣлой салфеткой въ переднемъ углу, съ бѣлымъ, какъ снѣгъ, половикомъ, покрывавшимъ полъ.

— Ну? перебила его съ любопытствомъ Фекла.

— Представилась мнѣ мать моя, тихая, добрая старушка, съ яснымъ, ласкающимъ взглядомъ, съ сѣдыми волосами, повязанными темною косынкою и вѣчно въ темномъ платьѣ. И вотъ старушка эта и ласкаетъ меня, и плачетъ со мною, и радуется моимъ радостямъ. Представилось мнѣ счастливое, беззаботное дѣтство дома и много-много хорошихъ дней: то подлѣ отца на берегу рѣки съ удою въ рукахъ, то подлѣ матери въ огородѣ, между грядъ бобовъ да гороху...

Фекла широко раскрыла удивленные глаза и слушала, даже раскрывъ ротъ.

— Вспомнился мнѣ отецъ, продолжалъ Баской,—маленькій, сгорбленный старичекъ-священникъ...

— Да ну, что ты? вырвалось у Феклы. Она быстро схватила его за плечо и начала трясти.

Онъ взглянулъ на нее и опомнился.

— Это я тебѣ сказку говорю! проговорилъ онъ быстро и, замолчавъ, легъ навзничъ, положивъ обѣ руки подъ затылокъ.

Лицо ея въ мигъ успокоилось. Веселая улыбка озарила черты, глаза выражали любопытство.

— Ну, сказывай, сказку-то, дальше, не разманивай попусту, проговорила она, опускаясь подлѣ него на траву и положивъ обѣ руки на его плечо.

— Не веселая сказка-то, нечего и сказывать!

— Нѣтъ, говори.

— Ну вотъ: вспомнилось мнѣ, какъ отецъ мой провожалъ меня въ школу изъ села въ городъ... Лицо Феклы опять выразило удивленіе. Онъ замѣтилъ это и оговорился.

— Чего удивляешься-то? Не забудь, что это сказка.

Она, молча, спокойно улыбнулась.

— Ну, такъ вотъ, видишь-ли, провожаетъ онъ меня и говоритъ: будь справедливъ;.. люби истину; за правду постой, хоть-бы и пострадать пришлось. Жизни за нея не жалѣй. Блаженны бо гонимые за правду. Слабому помоги, защити его отъ руки сильнаго. Замѣть эти слова, Фекла. И вотъ я будто-бы слушаю-слушаю и каждое слово отцовское въ памяти и сердцѣ точно ножемъ врѣзываю. И точно врѣзалъ—не забывалъ. Да и можно-ли бы было забыть, если потомъ много разъ и читалъ, и слышалъ тоже самое, только въ другихъ фразахъ, другихъ выраженіяхъ. Баской совершенно позабылъ о присутствующей и говорилъ какъ-бы самъ съ собой.

— Такъ вотъ и помнилъ отъ слова до слова, повторялъ себѣ эти слова, по нимъ жилъ и вдругъ... О, я проклинаю себя, тотъ день... вдругъ попралъ всѣ права человѣческія, право на свободу и жизнь другого лица, попралъ законы гражданскіе и божескіе, совершилъ преступленіе, самое тяжкое преступленіе... вотъ тебѣ и врѣзалъ! Ха! ха!

Онъ тяжело дышалъ, лицо его было блѣдно, глаза, смотрѣвшіе въ даль, особенно блестѣли.

Фекла смотрѣла на него съ испугомъ. Онъ-же вдругъ истерически захохоталъ, приподнялся и проговорилъ со злобою:

— И что тутъ забавно вышло, такъ это то, что сильный, расправившись съ слабымъ, своей-то свободы и пожалѣлъ, спрятался, скрылся и лжетъ. Все, стало быть, въ разрѣзъ вышло тому, что твердилъ.

— Больно ты что-то мудренъ сегодня,—я ничего не пойму.

— Ахъ ты тутъ, Феклуня? произнесъ онъ удивленно и взялъ ее за руку.—Слушай, Феклуня, сестра моя, спасительница, другъ мой, мнѣ такъ тяжко сегодня, такъ тяжко. Знаешь-ли, какія минуты бываютъ у человѣка, когда въ прошломъ лежитъ на немъ черное пятно, когда онъ и дѣло дѣлаетъ, и забыть старается, а это черное—нѣтъ-нѣтъ да и выглянетъ, то во снѣ, то на яву, точно картиной передъ глазами встанетъ и сердце сжимаетъ тоской; все въ мірѣ мрачнымъ, холоднымъ станетъ. Слушай! Сегодня во снѣ подходитъ ко мнѣ женщина...

— Ну?!

— Съ перерѣзаннымъ горломъ...

— Ой! вскрикнула Фекла и отклонилась съ ужасомъ.

— Что! Всѣ вы одинаковы! проговорилъ онъ зло, насмѣшливо и, махнувъ на Феклу рукою, отвернулся.

Она тотчасъ же одумалась и, понявъ инстинктивно, что съ нимъ происходитъ нѣчто особенное, схватила его голову обѣими руками, поцѣловала въ лобъ и начала шептать:

— Милый, желанный, повѣдай мнѣ все, что у тя на сердцѣ накипѣло, все свое тяжкое мнѣ обскажи. Умретъ Фекла, а твоего—не выдастъ.

— Такъ вѣдь сама-то ты отвернешься, дорогая моя, не приголубишь больше, какъ узнаешь, кто такой Павелъ Баской.

— Въ горѣ не бросаютъ дорогихъ сердцу.

— Презирать будешь, ненавидѣть будешь, а дѣлать нечего, давно мнѣ хочется открыться тебѣ, повѣдать кто я, и если ты меня возненавидишь, чистая, ясная душа, то пусть буду наказанъ; отъ этого наказанія мнѣ легче станетъ, я все-таки буду знать, что передъ тобою не лгу, а лгать и притворяться передъ тобою мнѣ тяжело. Ты другъ испытанный! Помнишь горячку, бредъ... все то—правда!

Фекла чувствовала, что члены ея цѣпенѣютъ, духъ захватываетъ, но она пересиливала ощущеніе ужаса и продолжала ласкать его тихою, нѣжною ласкою. Онъ, убаюканный этимъ, ея покоемъ, сталъ говорить безъ нервныхъ порывовъ, медленно, съ тоскою въ голосѣ

— Учился я хорошо, любилъ свою науку, докторомъ готовился быть и вдругъ все пропало... Жилъ я въ крошечной горенкѣ, отъ жильцовъ нанималъ, отецъ мнѣ посылалъ денегъ изрѣдка да и самъ я зарабатывалъ мало. Жилъ бѣдно, никуда не ходилъ, никто у меня не бывалъ. А у хозяйки моей дочка была лѣтъ восемнадцати, хорошенькая, очень хороша была.

Онъ задумался и отвернулся.

— Что-же дальше-то? спросила Фекла, сдерживая дыханіе,—ты, видать, полюбилъ ее?

Онъ молчалъ.

— Полюбилъ, должно, больше, чѣмъ душу, полюбилъ, какъ я?..

— Полюбилъ больше, чѣмъ душу, проговорилъ онъ.—Маленькая она такая была, тоненькая, легкая, какъ перышко, нѣжное лицо, голубые глаза и свѣтлые волосы изъ кольца въ кольцо вились. Добрая она мнѣ показалась, очень ласкова была, а главное, жалѣлъ я ее, часто плакала и хворала. Не зналъ я тогда этой ея хворости, и доброты сердечной не понялъ. Мать ея къ тому-же была скверная баба, часто пьяною видалъ я ее. Кутежи тамъ у нихъ за стѣною происходили, пьяные голоса слышались, пѣсни, ругань. И чѣмъ больше я ненавидѣлъ мать, тѣмъ болѣе жалѣлъ и любилъ плачущую дочь, а ходить на ихъ кутежи никогда не ходилъ. Вотъ только одинъ разъ тамъ особенно буйно было, заниматься я не могъ и все ходилъ сердитый такой да обдумывалъ, какъ-бы мнѣ имъ долгъ уплатить да съѣхать съ квартиры. Слышу ругань, драка, плачъ даже—и вдругъ влетаетъ она ко мнѣ. Лиза избитая, растрепанная и съ рыданіями бросается на шею. И какъ теперь я слышу ея слова:

— Защити меня, мною мать торгуетъ, не могу я, мнѣ жизнь опостылѣла!

Вслѣдъ за нею въ комнату врывается и мать—яростная, пьяная и кидается къ дочери.

— Не троньте ее! сказалъ я и загородилъ Лизу собою

— Я мать, кричитъ она,—а ты кто? подай мою дочь.

— Лиза невѣста моя! проговорилъ я и самъ не знаю, какъ это у меня вырвалось, и самъ задрожалъ отъ своихъ словъ.

Голосъ Баскова и теперь дрожалъ. Фекла сидѣла, пригорюнившись, и тяжело дышала:

— Съ этихъ моихъ словъ все и началось. На недѣлю кутежи прекратились, черезъ недѣлю насъ обвѣнчали, а на свадьбу явились всѣ пріятели моей тещи, напились пьяными, дерзко шутили съ моею женою, смѣялись надо мной. На другой же день я, разумѣется, выѣхалъ отъ тещи, но Лизу не спасъ, а себя погубилъ. Ей, какъ потомъ оказалось, и не нужно было спасенія, только въ тотъ вечеръ, когда вбѣжала ко мнѣ, отъ побоевъ пряталась, да отъ какого-то пьянаго старика, давшаго матери большія деньги. Да, Фекла, жена моя оказалась развращенною до корня, ласки ея былъ развратъ, хворость—пьянство. А было ей всего восемнадцать лѣтъ! Я уговаривалъ ее, ласкалъ, баловалъ, какъ ребенка, сердился и ждалъ, что исправится, ничто не брало. А любилъ я ее, любилъ страстно и ждалъ исправленія, жаждалъ его больше всего въ жизни. Вышла она за меня, чтобы голову прикрыть, а не любила меня и скучала со мною, бѣгала къ матери, приводила къ намъ гостей—старыхъ пріятелей своихъ, уходила съ ними, пропадала сутками. Бросить-бы мнѣ ее да уйдти! Такъ не могъ! И любилъ сильно и хотѣлъ поставить на своемъ. Стали у насъ выходить страшныя ссоры, я грозилъ, она смѣялась, издѣвалась надо мною, дразнила, хвасталась своими похожденіями. Я сталъ такимъ, что себя не узнавалъ, ходилъ постоянно точно въ чаду, голова кружилась, мѣста отъ сердечной боли нигдѣ не находилъ, отъ сна, отъ пищи отбился, бросилъ занятія, а тоска и злоба душили меня, ихъ я только и чувствовалъ и будто нарочно берегъ, носился съ ними и ждалъ того часа, ждалъ и зналъ, что прорветъ меня.

Онъ вдругъ поблѣднѣлъ и нахмурился, глаза засвѣтились злобою, точно снова въ эту минуту онъ переживалъ то ужасное прошлое.

Фекла боялась пропустить слово. Глаза ея, широко раскрытые, впились въ его глаза. Онъ же сталъ говорить отрывочно, безпорядочно:

— Пропадала она одинъ разъ двое сутокъ,

вернулась пьяная, растрепанная, истерзанная и бухнула на постель.

У меня въ глазахъ потемнѣло и чувствую я, что что-то страшное настаетъ.

— Гдѣ ты была? говорю я, не говорю, а шепчу, потому что голосъ у меня вдругъ пропалъ.

— А гдѣ была, тамъ меня нѣтъ! вскрикиваетъ она и хохочетъ пьянымъ голосомъ.

Я задрожалъ весь, зубы у меня стиснулись, я подошелъ къ ней близко, близко.

— Офицеръ, говоритъ она, тебѣ гостинчекъ прислалъ и бросила мнѣ фотографическую карточку; то былъ портретъ ея во весь ростъ безъ всякаго признака одежды...

Онъ прижалъ обѣ руки къ груди еще болѣе, поблѣднѣлъ и нахмурился, губы его дрожали.

— Въ глазахъ у меня все потемнѣло, духъ захватило, продолжалъ онъ, — все-все куда-то исчезло, забылось, кромѣ того, что берегъ. Оно наступило и охватило всего. Тутъ. . на камодѣ бритва была брошена, валялась, а можетъ-быть я брился или бриться хотѣлъ, не помню, только ее одну я въ ту минуту и увидѣлъ... одинъ ударъ... она вскочила, обливаясь кровью, вскрикнула и тутъ-же рухнулась на полъ. Только одинъ разъ вскрикнула, но этотъ крикъ... я и теперь его часто слышу, а много дней прошло, ужасный крикъ, онъ все во мнѣ перевертываетъ. Забыть его хочется... все это забыть...

Самъ не зная, что дѣлаетъ, онъ схватилъ Феклу и такъ сжалъ, что у той кости хрустнули, но это было мгновеніе, тотчасъ же выпустилъ ее изъ рукъ и опрокинулся навзничь на траву.

— Крикъ этотъ тогда пробудилъ меня, все совершенно ясно увидѣлъ я и сознадъ. Была минута рѣшимости бѣжать и объявить себя преступникомъ, но въ эту минуту вошла ея мать съ двумя близкими пріятелями... бритва была еще у меня въ рукѣ. Меня схватили и вмѣсто порыва искренняго сознанія вдругъ охватила меня жажда свободы, страхъ передъ правосудіемъ; я рванулся и кинулся по лѣстницѣ. Слышалъ погоню, слышалъ крики: «ловите! держите! убійца!» И эти крики я и теперь часто слышу, иногда по ночамъ отъ нихъ просыпаюсь! Не поймали они меня, да и не удержали бы, я былъ въ такомъ состояніи, что, кажется, стѣну пробилъ бы, камень своротилъ бы, если бы они преградили мнѣ путь. Кто-то на дворѣ схватилъ меня за полу, я его наотмашь сбросилъ на камни... вечеръ былъ темный... темный переулокъ, проходной дворъ, тамъ еще переулокъ, другой, — и вотъ я скиталецъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Люди добрые отъ стужи спасали, не зная, что спасаютъ и грѣютъ убійцу! Съ бурлаками лямку тянулъ и тѣхъ обманывалъ и всѣмъ до сихъ поръ лгу. Ты что-жь не бѣжишь отъ меня, Феклуня? Не проклинаешь, не открещиваешься?

— Люблю я тебя теперь еще больше, шептала она, рыдая и прижимая заплаканное лицо къ его плечу.

— Милая, дорогая, не люби, не стою! Мнѣ и самому теперь любить нельзя, потому что кто-жь мнѣ теперь повѣритъ? Какая дѣвушка не побоится такого... убійцу.

— Кто пойметъ, не побоится! Любилъ бы ты меня хоть капельку. Я бы жизнь за тебя отдала. Нѣтъ во мнѣ ни терпѣнія, ни силушки молчать дольше.

— Феклуня, милая, дорогая, я и самъ давно о тебѣ думаю и самъ бы сказалъ тебѣ словечко, что давно съ языка просится, да боялся двухъ причинъ: первая, которую ты только-что слышала, вторая—я не могу жениться, Феклуня, не могу вить гнѣзда, нельзя мнѣ, долженъ бобылемъ остаться, всю жизнь бродить изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, такое дѣло выбралъ, его и долженъ держаться, а безъ этого дѣла что я за человѣкъ буду, не выжить мнѣ, ни за что не выжить столько лѣтъ, сколько остается.

Онъ сильно сжалъ ея руки, голосъ его былъ горячъ, убѣдителенъ.

— Не всѣмъ жениться, не всѣмъ и замужъ выходить! прошептала Фекла, наклонившись къ самому лицу его.—Люби, пока любится.

Она коснулась его губъ и вдругъ отклонилась.

— Да полно, любится-ли? Въ голосѣ звучало сомнѣніе и робость.

— Видитъ Богъ, проговорилъ онъ и, прижавъ дѣвушку къ груди своей, сталъ осыпать лицо и шею ея поцѣлуями.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ, тихо разобравъ сосновыя вѣтви, выглянулъ Петръ. Вонъ кого ласкаетъ, вонъ кого любитъ Фекла! подумалъ парень въ отчаяніи. Теперь ужь всякая надежда пропала! Поглядитъ-ли она на меня, коли Баскова любитъ? И онъ тихо побрелъ въ деревню, самъ того не замѣчая, что у него, у дюжаго парня, слезы одна за другой такъ и катятся. Въ то же самое время съ противоположной стороны къ берегу рѣченки подходила Дарья и, замѣтивъ Феклу съ Баскимъ, притаилась за деревомъ. Вся кровь прилила къ ея сердцу, бѣшеная ревность овладѣла женщиной. Едва сдерживая себя, она видитъ, какъ Фекла наклоняется къ нему, какъ они тихо разговариваютъ, какъ она наклоняется еще ниже, какъ обнимаетъ, цѣлуетъ его. Дарья замерла на мѣстѣ. А вотъ и онъ отвѣчаетъ Феклѣ такими же ласками.

— Вонъ кто его обошелъ! вскрикнула Дарья и кинулась по дорогѣ въ Косу.—Ворогъ, матушка! ворогъ у меня, супостатъ! кричала Дарья внѣ себя, то жалобнымъ, то угрожающимъ тономъ, впопыхахъ вбѣгая въ избу своей матери.

На другой день, утромъ, Фекла полола гряды на своемъ огородѣ. Послѣ туманной ночи гряды долго оставались влажными, удобными для полотья. Счастье сказывалось въ каждомъ движеніи дѣвушки.

— Укажи, какую траву дергать, проговорилъ Баской, вотъ я тебѣ эту гряду выполю да и пойду къ ребятишкамъ, скоро собираться начнутъ.

— А все и поли. Тамъ кромѣ картофельныхъ стеблей все трава, ишь она всю гряду покрыла, заглушитъ совсѣмъ молодую картофель, отвѣтила Фекла, подойдя вмѣстѣ съ нимъ къ картофельной грядѣ.—Съ косьбой да дровами совсѣмъ я огородъ запустила.

— Не бѣда! Гляди, какимъ я тебѣ помощникомъ буду, сегодня послѣ школы приду и все покончимъ.

— Ладно, спасибо! молвила она съ улыбкой и взглянула на него счастливыми глазами.

— Милая! прошепталъ онъ и, взявъ обѣими руками ея лицо, приблизилъ къ себѣ и поцѣловалъ въ губы.

— Прощенья просимъ! послышался изъ-за плетня голосъ Дарьи.

Оба обернулись, но не испуганно, не отскочивъ другъ отъ друга, а напротивъ Баской обвилъ рукою шею Феклы, когда пожелалъ Дарьи «хорошаго пути» и просилъ кланяться Сидору.

— Ладно! Буду кланяться! крикнула Дарья зловѣщимъ голосомъ и быстро пошла изъ Каменки.—Будешь ты меня помнить! прошипѣла она, кинувъ послѣдній взглядъ на огородъ дядя Перфила.

— Матка! когда еще на почевку придешь? спросилъ ухватившійся за ея сарафанъ сынишка.

— Пошто ты бѣжишь-то со мною, пострѣлъ? я и не замѣтила. Ступай къ учителю. Можетъ, завтра, а то послѣ завтра приду, коли отецъ пуститъ. Теперь часто стану на ночевку ходить. Ха, ха! Прощай!

— Мнѣ кажется, давеча отецъ видѣлъ, какъ мы цѣловались, проговорила Фекла, счастливо смѣясь.

— Ну, и пусть его видитъ! отвѣтилъ Баской, наклоняясь къ грядѣ.

— А какъ повѣнчаться велитъ?

— Велитъ, такъ и повѣнчаемся. Меня вѣдь тутъ только одно безпокоитъ, что загублю я тебя этой женитьбой, отъ стараго гнѣзда оторву, а новаго не совью. Чрезъ три года уйду въ какую-нибудь другую Каменку, открывать новую школу, а ты останешься связанная по рукамъ и по ногамъ.

— Не останусь я, Павелъ. Вѣнчаная али не вѣнчаная, все одно за тобой пойду!

— Наголодаешься со мной, нужду да стужу терпѣть придется. Плохой я кормилецъ-поилецъ.

Фекла засмѣялась.

— Нашелъ чѣмъ стращать! Чать видишь: мы, здѣшнія бабы да дѣвки, не изъ-за мужниныхъ да отцовскихъ спинъ кормимся.

— Такъ! проговорилъ онъ задумчиво,—знаю я, кабы не эти руки, изба дяди Перфила не столая бы такъ крѣпко. (Онъ сильно пожалъ руку Феклы.) Много здѣсь баба трудится, да много надъ нею власти мужикъ имѣетъ и часто мужикъ не стоющій и ея мезинца. Одно только хорошее могу я дать тебѣ, какъ мужъ, — это свободу. Никогда ни въ чемъ не буду стѣснять тебя, ни въ чемъ не помѣшаю, милая, дорогая... Онъ не договорилъ и, вдругъ поблѣднѣвъ, схватился за голову.

— Сдержу и я свое слово, что въ дѣлѣ твоемъ помѣхой не буду, хоть бы и не говорилъ мнѣ, такъ сама догадалась давно, что безъ дѣла этого тебѣ жизнь не въ жизнь будетъ.

— И какъ это все странно вышло, Феклуня, чудно вышло, не скажи ты мнѣ вчера въ лѣсу, что любишь меня, не откройся я тебѣ во всемъ, можетъ быть, я такъ и не заикнулся бы, что люблю тебя. Пожалуй, во всѣ три года глядѣлъ бы на тебя, какъ на хорошую дѣвушку, какъ на красивую Феклуню, зазнобушку всѣхъ парней, и всѣ три года, пожалуй, сторонился бы отъ тебя, говоря себѣ: на чужой каравай рта не разѣвай!

Оба засмѣялись. Черезъ дорогу на дворѣ дяди Ивана собирались ребятишки, нѣсколько громкихъ голосовъ послышалось оттуда.

— Пора мнѣ идти! встрепенулся Баской, — заговорился и гряды тебѣ не выпололь да и тебя отъ дѣла оторвалъ, ну, ужо наверстаю, сама поглядишь, какъ мужики полютъ, коли захотятъ!

Часа черезъ два Фекла, вся потная, разгорѣвшаяся, вошла въ избу и жадно схватилась за жбанъ съ квасомъ, стоявшій тутъ же на столѣ.

— Не хорошъ у насъ съ тобой, дѣвка, вчерашній квасъ вышелъ, отецъ-отъ глотнулъ да сплюнулъ, «съ горчинкой», баитъ. Неужто всю корчагу выливать придется? сказала ей Марфа, хлопотавшая у печи.

Но Фекла, быстро и съ жадностью осушившая жбанъ, никакой горчинки не почувствовала. Проворно вытерѣвъ лицо рукавомъ, она ужь собиралась выходить изъ избы, да записки Баскова, валявшіяся на лавкѣ, обратили на себя ея вниманіе. Ея одежда также была сброшена.

— Чудно! подумала дѣвушка и спросила:—Кто у насъ былъ, матушка?

— А никого, кромѣ Дарьи. Пришла я съ водой, гляжу, сидитъ она въ переднемъ углу. «Забѣжала, говоритъ, я на имянины васъ звать, пива да браги столько, говоритъ, сварила, что хоть всю Каменку опою». Ха, ха! Ладимъ съ отцомъ-то идти.

— А чего она рылась-то тутъ?

— Чего рыться? Станетъ она рыться! Поди, вѣтромъ сдуло.

Баской кончалъ уже свой передобѣденный урокъ, ребята внимательно прислушивались къ объясняемому имъ новому ариѳметическому дѣйствію. Тишина была полная, звучалъ только мѣрный голосъ учителя; всѣ глазенки дѣтей были обращены на самодѣльной работы доску, гдѣ онъ углемъ выводилъ крупныя, ясныя цифры.

— Ну, поняли? хотѣлъ онъ спросить и повернулся къ слушателямъ, какъ вдругъ во дворъ опрометью вбѣжалъ Петръ, весь блѣдный, взволнованный ужасно. Онъ дернулъ за рукавъ Баскова и, смотря въ сторону, быстро проговорилъ хриплымъ, прерывающимся голосомъ:

— Бѣги... Фекла... помираетъ... не ладно...

Присутствующіе еще не успѣли опомниться отъ удивленія, какъ Петръ уже несся вдоль деревни къ избѣ баушки-лекарки. Въ свою очередь, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Баской въ два прыжка перебѣжалъ улицу и очутился у крыльца избы дяди Перфила. Вслѣдствіе криковъ Петра, въ избу ужь набралось много народа. Всѣ крестились, вздыхали, охали, всѣ жалѣли любимую деревней дѣвушку.

— Что съ Феклой? спрашивалъ Баской шепотомъ, пробираясь сквозь толпу.

— А испорчена, вишь ты, дѣвка-то! Испорчена бѣдная! отвѣчали ему тоже шепотомъ.—Кричитъ, вишь, на разные голоса, бьется, корчится, всѣ волосы на себѣ прирвала!

Глазамъ Баскова представилась Фекла въ безпамятствѣ, лежащая среди избы, на полу, съ пѣной у рта, съ мутнымъ взоромъ. Онъ взялъ дѣвушку въ охабку и бережно опустилъ ее на ту же лавку, на которой когда-то самъ лежалъ въ горячечномъ бреду. Въ это время въ избу вошла лѣкарка въ сопровожденіи Петра. Парень такъ и замеръ на мѣстѣ, такъ и впился глазами въ глаза старухи. Не менѣе тревожно было и лицо Баскова, пока старуха дѣлала свой осмотръ.

— Ничего! проговорила она, обращаясь сперва къ плачущимъ отцу съ матерью, а потомъ и ко всѣмъ присутствующимъ,—порча сильна, да не вѣчная, Господь Богъ поможетъ! Знаю я эту пѣну, знаю и глаза эти мутные, все какъ рукой снимемъ! Старуха начала шептать и отплевываться кругомъ себя, а затѣмъ, перекрестившись три раза, потребовала воды и парного молока.

— Ладно-же! проговорилъ Петръ, ударивъ кулакомъ правой руки по ладонѣ лѣвой. Онъ обратился къ Баскому:—Теперь твое дѣло здѣсь быть, а мое тамъ.

Странно блестѣли глаза парня, мрачно было выраженіе его лица, движенія поспѣшны, когда онъ выбѣжалъ изъ избы и бѣгомъ пустился къ лѣсу, а тамъ тропинкой — прямою дорогою къ Косѣ.

— Аспидъ! бормоталъ онъ,—за что испортила дѣвушку? Кому она ворогъ, кому зло сдѣлала? Чѣмъ не поглянулась она дочери твоей, такой же вѣдьмѣ, какъ и ты? Ладно же! Ладно! Проклятая колдунья, не стерплю я, не пропущу тебѣ этого!

Петръ бѣжалъ безъ остановки, и то стоналъ и плакалъ, то ругался и грозилъ. Еще не успѣли Феклу привести въ чувство, еще народъ, дожидавшійся этого мгновенія, не разошелся, какъ къ избѣ Перфила подъѣхалъ въ качалкѣ становой съ сотскими. Ихъ сопровождалъ отецъ Никаноръ. Этотъ пріѣздъ произвелъ новый переполохъ въ избѣ. Народъ закашлялъ, заволновался, задвигался. На лицѣ Баскова выразилась тревога, онъ поблѣднѣлъ и пристально въ упоръ смотрѣлъ въ глаза станового.

— Вонъ онъ самый и есть Павелъ Баской, школьный учитель, указалъ на него пальцемъ отецъ Никаноръ.

Волосы на головѣ Баскова поднялись дыбомъ. Безсознательно, молча, онъ сдѣлалъ два шага впередъ и хотѣлъ сказать что-то, но языкъ его не послушался.

— Вы Анатолій Ивановъ, бывшій студентъ, сынъ священника? спросилъ выступившій впередъ становой.

— Я! отвѣчалъ Баской какъ-то беззвучно и покорно опустилъ голову. «Свобода, дѣло, любовь, все пропало!» мелькнуло въ головѣ молодого человѣка.

— Кандалы! крикнулъ становой, обращаясь къ своимъ спутникамъ. Глаза «Баскова» какъ-то вдругъ особенно блеснули, онъ отпрянулъ въ уголъ избы и сорвалъ со стѣны ружье. Прошло мгновеніе: ногою взведенный курокъ щелкнулъ и тѣло учителя съ кровавымъ пятномъ во лбу рухнуло на полъ. Присутствующіе задрожали и попятились. Изба была безмолвна, паника овладѣла всѣми.

Молча, въ недоумѣніи, какъ бы боясь проронить слово, разошлись каменцы въ разныя стороны, не дождавшись результата хлопотливыхъ трудовъ баушки-лѣкарки. Фекла втеченіи нѣсколькихъ дней никого не узнавала, припадки судорогъ возобновлялись нѣсколько разъ. Однако страданія ея, благодаря тщательному уходу лекарки, начали мало-по-малу стихать и, наконецъ, къ величайшей радости окружающихъ она сознательно обвела избу глазами и спокойнымъ голосомъ попросила «испить». Ей подала воды баушка-лекарка, на днѣ ковша лежалъ кипарисный крестъ, поверхъ воды плавали три уголька. Фекла перекрестилась, отпила нѣсколько глотковъ и, благодарно взглянувъ на лѣкарку, заснула сномъ выздоравливающаго. Петръ, убѣжавшій въ лѣсъ въ то утро, когда заболѣла Фекла, еще не возвращался. Никто не удивлялся этому, такъ какъ онъ особенно въ послѣднее время, часто уходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ на нѣсколько дней. Парень бродилъ около Косы, выжидая удобной минуты для мщенія. Никто не подозрѣвалъ созрѣвшаго въ его головѣ плана и въ тотъ вечеръ, какъ Фекла пришла въ себя, въ Косѣ шла суматоха, люди бѣгали къ рѣкѣ и обратно, слышались испуганные крики и плачъ дѣтей. Густые сумерки прорѣзывало пламя горящей избы. Вечеръ былъ тихій и дымъ подымался прямо кверху и ложащійся туманъ, и снующія фигуры освѣщались непрошеннымъ, нежеланнымъ яркимъ свѣтомъ. То горѣла изба знахарки Василисы—матери Дарьи. Въ самомъ разгарѣ пожара въ избѣ слышались чьи-то стоны; одинъ изъ сосѣдей кинулся было на стѣны, но его остановила жена словами:

Куда суешься-то, не видалъ развѣ, что дверь была приперта коломъ снаружи, стало—вышла старуха, а стонетъ тамъ домовой, его она и приперла.

— Домовой и есть, подтвердили другіе и никто ужь не кинулся на помощь стонущему. А голосъ вскорѣ затихъ. Сначала косинцы совались безъ толку взадъ и впередъ, потерявъ головы отъ ужаса, но вскорѣ сообразили, что спасти избы старой Василисы нѣтъ возможности и принялись спасать сосѣднія избы. Дѣло это особенно подвинулось, когда изъ лѣса выбѣжалъ къ нимъ на помощь свѣжій человѣкъ. То былъ Петръ изъ Каменки съ ружьемъ за плечами, охотившійся, по его словамъ, не подалеку. Парень оказался особенно расторопенъ, смѣтливъ и старателенъ. Всѣ плетни и заборы, сообщавшіе горящую избу съ другими сосѣдними, были живо общими силами уничтожены. Подъ его руководствомъ люди работали топоромъ и водой такъ быстро, что пожаръ не успѣлъ распространиться, и на слѣдующій день павдинскій писарь имѣлъ возможность составить донесеніе, въ которомъ говорилось, что отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ крестьянки Василисы Лукьяновой, загорѣлась ея изба, но что, благодаря быстрой распорядительности волостного старшины и его десятниковъ, пожаръ былъ тотчасъ же прекращенъ и огнемъ уничтожена только одна изба виновницы пожара, Василисы Лукьяновой. Косинцы, конечно, удивились бы, еслибъ прочли это донесеніе, такъ какъ никто изъ нихъ волостного старшины на своемъ пожарѣ не видѣлъ, а дано ему было знать только на разсвѣтѣ, когда все успокоилось.

Первое лицо, попавшееся на глаза проснувшейся Феклы, былъ Петръ. Онъ сидѣлъ задумчиво, встревоженный, блѣдный, съ впалыми глазами. Феклѣ онъ улыбнулся и проговорилъ:

— Слава тѣ, Господи, тебѣ лучше! а колдуньи, что тебя испортила, нѣту больше, сгорѣла вѣдьма и съ избой своей проклятой. Люди-то баятъ: Божіе попущеніе! Ну, и пускай себѣ, а у насъ теперь всѣ дѣла лучше пойдутъ и порченныхъ не будетъ! Поди вѣдь и на Баскова-то бѣду она напустила.

Фекла встревожилась. Петръ передалъ ей о происшествіи, какъ самъ слышалъ отъ сосѣдей.

Горе дѣвушки произвело на него тягостное впечатлѣніе. Онъ снова понурилъ голову и молчалъ, такъ какъ утѣшить Феклу не умѣлъ, да и не былъ въ состояніи. Приподняться съ лавки дѣвушка не могла, она чувствовала сильную головную боль, слабость, боль подъ ложечкой и въ желудкѣ и только металась, плакала да стонала.

— Чего ужь убиваться-то такъ, проговорилъ, наконецъ, Петръ,—чать у тя отецъ, мать, братишко есть, слезами мертваго не воротишь! И то все общество, всѣ хрещеные ходятъ, опустя головы, ровно ихъ кто обухомъ по головамъ хватилъ. А ты себя-то береги, оправляйся! Знамо другого Баскова не сыщешь. Онъ замолчалъ и потупился.

— Охъ, Петръ, Петръ, вѣдь ты не знаешь вѣдь онъ, Павелъ-то... я тѣ, ровно на духу открываюсь, любила я его!

— Знаю я все, не говори, не ворочай ножа въ сердцѣ. Лучше оправляйся, а пока я за тебя, буде что понадобится по хозяйству, помогу дядѣ Перфилу. Онъ отвернулся и смигивалъ слезы. Она поняла его совершенно и замолчала, затаивъ свое отчаяніе. Участіе, которое Петръ принималъ въ семьѣ во время болѣзни Феклы, его воспоминанія о Баскомъ, какъ о человѣкѣ любимомъ, полезномъ деревнѣ, очень сблизили молодыхъ людей. При немъ Фекла чувствовала себя не такъ одинокою. Петръ сумѣлъ возбудить къ себѣ ея полное довѣріе и былъ счастливъ. Онъ почти безотлучно былъ въ избѣ дяди Перфила. Фекла такъ привыкла къ нему, что сама шла за нимъ, если онъ замѣшкивался дома. Дядя Перфилъ радовался этому сближенію и смотрѣлъ на парня какъ на жениха, избраннаго Феклой. Мало-по-малу, видя безграничную любовь и преданность къ себѣ парня, она и сама стала останавливать на немъ задумчивый, мягкій взглядъ и не сердилась, какъ прежде, когда онъ заговаривалъ о сватахъ. Осенью Фекла обвѣнчалась съ Петромъ.

Прошли годы. Со смертью Баскова школа каменская тотчасъ же пала, да не поднялась отъ этого и павдинская, заправляется по прежнему Софроніемъ. Въ офиціальныхъ учителяхъ чувствовался недостатокъ, не было ихъ и не въ одной Каменкѣ, добровольцы туда также не являлись болѣе.

Спитъ Каменка и ея окрестности по прежнему безмятежнымъ сномъ. Острыя впечатлѣнія памятнаго лѣта давно миновали. Порою лишь встаютъ воспоминанія о сказкахъ учителя, какъ о снахъ минувшихъ лѣтъ. «Эхъ, кабы еще забрелъ къ намъ такой же Баской», проговоритъ ктонибудь, тяжело вздохнувъ, и снова все смолкнетъ. Только слышится лѣтомъ стонъ о безхлѣбицѣ, а зимою тканье да крики на цугомъ запряженныхъ лошадей...

КОНЕЦЪ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Ф. КАУЛЬБАХА.

Рѣшительная минута.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

Будущему году.

Стих. Кн. Дм. Голицына.

Пронеслись, чередуясь, печальные дни...
Мнѣ тяжелую скорбь приносили они
И лилася слеза за слезою.
Новый годъ настаетъ... Что несетъ онъ съ собой?
Обращаюсь я къ Богу съ горячей мольбой,
Какъ предъ новой ужасной грозою.

Старый годъ, ты исчезни и проклятъ ты будь!
Скорбь рвала при тебѣ мою бѣдную грудь,
Изнывала души моей сила.
Старый годъ, ты исчезни, тебя мнѣ не жаль!
При тебѣ я кручину терпѣлъ и печаль
Жизнь тоску въ мои думы вносила.

Мы томились тяжелой печалью, тоской...
Новый годъ, принеси намъ блаженства покой,
Осуши ты отчаянья слезы.
Ты, быть можетъ, внесешь благодатную тишь
Въ мои думы и жажду души утолишь,
Приведешь въ исполненіе грёзы.

Какъ невѣдомый даръ напередъ полюбя,
Посмотри, какъ весельемъ встрѣчаютъ тебя,
Какъ звенятъ за столами бокалы!
Мы страдали въ напрасной душевной борьбѣ;
Вѣримъ мы, что несется блаженство въ тебѣ,
Что свершатся мечты, идеалы.

Но надежды страдальцевъ исполнишь-ли ты,
Ты исполнишь-ли ихъ идеалы, мечты?
Оправдай, новый годъ, ихъ веселье,
Чтобъ въ слезахъ не забытъ былъ счастливый нашъ смѣхъ,
Замѣнить не могло тѣхъ веселыхъ утѣхъ
Годовое похмѣлье.

Исповѣдь синьоры Дореты.

(Переводъ съ итальянскаго.)

— А, отлично, синьоръ Анзельмо, говорила Дорета, протягивая обѣ руки только что вошедшему господину. — Вы пришли, какъ разъ во-время. На исповѣдь я не люблю ходить, но старому другу дома, который видѣлъ меня еще ребенкомъ и почти могъ-бы быть моимъ отцомъ...

— Покорно благодарю..

— За что?

— Да за это «почти».

— Ну, словомъ, продолжала молодая женщина, — я готова передъ вами каяться, открыть вамъ свою душу... Вы будете меня исповѣдывать.

— Ахъ, вы думаете...

— Да, я хочу, хочу непремѣнно. Это первая услуга, которой я прошу отъ васъ... Вы не должны отказываться.

— Если вы думаете, что это необходимо...

— Совсѣмъ необходимо. Сами посудите... Я только два дня какъ пріѣхала сюда повидаться съ родными и вдругъ мужъ затѣваетъ противъ меня процесъ.

— Милая Дорета, прервалъ Анзельмо, — нельзя-ли отнестись къ этому спокойнѣе, напримѣръ, усѣсться?

— Сядемте, сказала Дорета.

Но и сидя, она не умѣрила своей пылкости. Дорета любила перемывать косточки своихъ ближнихъ.

— Вы знаете, о чемъ идетъ рѣчь?

— Правду сказать, я знаю очень мало.

— Полно. Лучше меня еще знаете. Дѣло идетъ о маленькомъ поручикѣ Барольди, который будто-бы за мной ухаживаетъ и съ которымъ я, по ихъ словамъ, кокетничаю. Чистѣйшая ложь. Я въ первый разъ увидѣла Барольди три мѣсяца тому назадъ у графини Орели... т. е. она вовсе не графиня, но хочетъ, чтобъ ее такъ величали: нынче кого не встрѣтишь, всѣ знатнаго происхожденія и даже кухарка моя увѣряетъ, что она приходится сродни Перуци. Впрочемъ, дѣло не въ этомъ, терпѣть не могу разглагольствованій. И такъ, мы были у графини Орели. Насъ было человѣкъ двѣнадцать всего. У самой Орели болѣла голова, а потому въ гостиной горѣли только двѣ карсельскія лампы, на одной былъ розовый абажуръ, на другой зеленый. Хозяйка дома, сидя возлѣ зеленаго свѣта, походила на кислый лимонъ, сестра ея Дерилери, сидѣвшая подъ розовымъ колпакомъ, напоминала свеклу... Посрединѣ сидѣла тетка; у нея профиль съ одной стороны былъ зеленый, съ другой розовый и каждый въ своемъ родѣ былъ восхитителенъ. Впрочемъ, онѣ обѣ, и Орели, и Дерилери, женщины пожилыя, но тѣмъ не менѣе не желаютъ еще уступать мѣсто молодымъ. Вся Флоренція говоритъ про связь Орели съ...

— Дорета!..

— Ахъ, связь чисто-платоническая. Вообразите съ какимъ-то членомъ кассаціоннаго департамента. Старикъ останется старикомъ, хотя бы даже онъ и ѣздилъ каждое лѣто въ Ороно въ водолѣчебное заведеніе. А Дерилери приписываютъ, не знаю, можетъ по злости, стараго генерала Ротіо; ее называютъ пріютомъ инвалидовъ, потому что, говорятъ, передъ этимъ у нея былъ отставной полковникъ Мерили, который потерялъ одну ногу при С. Мартино. Про тетку не думаю, чтобъ говорили что-нибудь. Еще-бы съ ея-то лицомъ, да съ ея фигурой! Эта педантичная особа если сама не говоритъ, то засыпаетъ среди разговора, а когда противъ обыкновенія рѣшается замолчать и не засыпаетъ, то наводитъ на васъ головокруженіе, потирая безпрестанно одну руку объ другую, какъ-будто она ихъ моетъ.

— Но вѣдь это, Дорета, вовсе не относится къ дѣлу.

— Какъ не относится? Еще какъ относится! Вы видите, что изъ всѣхъ присутствующихъ дамъ въ этой гостиной одна я была молода; изъ мужчинъ было двое дежурныхъ при обѣихъ сестрахъ, т. е. статскій совѣтникъ и генералъ, потомъ господинъ, который, какъ говорятъ, обогатился при помощи трехъ банкротствъ, былъ еще одинъ депутатъ, не знаю, которой стороны — правой или лѣвой, но безтолковый во всякомъ случаѣ, былъ крохотный литераторъ — Боже меня избави, отъ ему подобныхъ! Былъ мой мужъ и былъ Барольди. Отнимите Барольди и меня и посудите сами, что это было за общество. Потому что, скажу по правдѣ, мужъ мой отличный человѣкъ, но вы сами однако сознаетесь, что онъ прескучный; ужь одно то, что мужъ; и это, кажется, свойство, общее всѣмъ мужьямъ. Нечего головой качать. Вы не можете въ этомъ дѣлѣ быть судьей, синьоръ Анзельмо. Еслибъ вы пробыли хотя съ недѣлю женщиной, да къ тому же замужней, тогда-бы вы увидѣли! Мужья, если и бываютъ любезны внѣ дома, у себя въ домѣ всегда грубы и ворчливы. Ничѣмъ не угодишь имъ, они готовы придраться ко всякому случаю, чтобъ прочесть длинное предлинное правоученіе. Они пришпилены къ вашимъ юбкамъ, когда вы хотѣли-бы, чтобъ они ушли; уходятъ, когда намъ нужно, чтобъ они оставались; все-то они дѣлаютъ не во-время. А когда они выходятъ съ нами гулять или въ театръ, дѣлаютъ такія постныя рожи, пока остаются съ нами вдвоемъ и только тогда становятся веселыми, когда встрѣчаются съ чужими женами. Такъ что, въ концѣ-концовъ, намъ, женщинамъ, еще менѣе худо приходится, когда случается составить двойную пару такъ, чтобъ было два мужа и двѣ жены. Въ такомъ случаѣ можетъ произойдти chassez-croisez, не лишенное своего рода привлекательности... Но бѣда, если мужъ пожелаетъ остаться въ такомъ кружкѣ, гдѣ нѣтъ другихъ женщинъ, кромѣ его жены, а вмѣсто того есть нѣсколько мужчинъ. Тогда онъ непремѣнно мѣшаетъ всякому разговору, онъ какъ-будто нарочно выбираетъ тэмы самыя сальныя, самыя неприличныя. А если попадаются такія вещи, которыхъ положительно нельзя сказать громко, онъ нагибается къ своему сосѣду и нашептываетъ ему на ухо какую-нибудь пошлость; и тогда вокругъ раздается сдержанный хохотъ, точно простудившіяся кошки чихаютъ!

— Милая Дорета, вы очень умны, но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ маленькое замѣчаніе?

— Говорите.

— Я хотѣлъ сказать, что если мы такъ будемъ продолжать, я никогда не узнаю того, что мнѣ слѣдовало узнать... Вы забываете, о чемъ идетъ рѣчь.,.

— Совсѣмъ нѣтъ. О, какую длинную рѣчь мнѣ пришлось-бы держать. Но довольно. Буду говорить, какъ можно короче. Я описала вамъ среду, въ какой находилась при первой встрѣчѣ съ Барольди. Можете себѣ представить, какъ онъ тоже скучалъ. Маленькій литераторъ прицѣпился къ нему, завлекъ его въ уголъ и подъ тѣмъ предлогомъ, что Барольди любитъ стихи, декламировалъ ему вполголоса свои собственныя произведенія. Наконецъ, когда молодой человѣкъ избавился отъ своего мучителя, онъ приблизился ко мнѣ и мы принялись болтать. Онъ самыми яркими красками описалъ мнѣ тяжелое положеніе, въ какомъ находился за нѣсколько минутъ. Молодой поэтъ крѣпко сжималъ ему колѣно и потому-ли, что онъ говорилъ съ такимъ жаромъ, или затѣмъ, чтобъ остальные не слышали того, что онъ говоритъ, но онъ такъ близко наклонялся къ Барольди, что тотъ постоянно чувствовалъ на себѣ его дыханіе... и еще кое-что! Барольди говорилъ, что ему казалось, точно будто онъ стоитъ возлѣ водопада, который съ ногъ до головы обдаетъ его брызгами, проникающими подъ платье и даже въ самое тѣло... Ну, посмѣялись мы немножко надъ литераторомъ, немного надъ окружающимъ насъ обществомъ... Мы, должно быть, отдѣлились немного отъ остальныхъ гостей, но какое мнѣ дѣло до этихъ мумій! Мужъ мой безпрестанно поглядывалъ на меня, такой противный! Не угодно-ли ему еще, чтобъ я забавляла его, вступала съ нимъ въ разговоры? На слѣдующій день Барольди оставилъ свою визитную карточку — Людовикъ Барольди. Поручикъ артиллеріи. А въ углу графская корона. Впрочемъ, эта корона не производитъ болѣе никакого впечатлѣнія, потому что она есть у всѣхъ. Вѣроятно, ее печатаютъ заранѣе на карточкѣ. На этой же недѣлѣ Барольди лично явился ко мнѣ. Это такъ и слѣдовало, этого требовала вѣжливость. Впрочемъ, онъ меня не засталъ одну. У меня была Рипуччи со стекляннымъ глазомъ, та, что носитъ каучуковый турнюръ, она, говорятъ, одинъ разъ потеряла его на улицѣ. Можетъ, это правда, а можетъ, и ложь. Я, впрочемъ, говорю только, чтобъ показать, что мы не оставались вдвоемъ. Но Рипуччи сплетница и тотчасъ принялась за свое обычное злословіе. По ея словамъ, я назначила Барольди свиданіе въ «Кассино» *). Надо именно быть такимъ уродомъ, какъ она, чтобъ придумать подобныя нелѣпости! Конечно, я сказала Барольди, что когда бываю во Флоренціи, то хожу въ «Кассино» гулять въ четыре часа... вѣдь надо о чемъ нибудь говорить... Но чѣмъ я виновата, что это время показалось и ему удобнымъ для прогулки? Я ѣхала въ экипажѣ, онъ шелъ пѣшкомъ; понятно, на площади экипажи останавливаются и пѣшеходы подходятъ и здороваются со своими знакомыми. Одинъ разъ только, больше затѣмъ, чтобъ размять ноги, я вышла и прошлась...

— Съ поручикомъ?..

— Да, съ поручикомъ, и даже изумилась, увидавъ въ одной изъ аллей маркизу Даль-Поццо, объясняющуюся въ любви съ его превосходительствомъ; лучше-бы было, еслибъ его пр-ство оста-

*) Мѣсто для прогулки во Флоренціи.

валось въ Римѣ, а то, благодаря подобнымъ выходкамъ господъ депутатовъ, въ палатѣ никогда не бываетъ достаточнаго числа членовъ... Впрочемъ, я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла... Я, кажется, прошлась всего минутъ десять. Всѣ подняли такой гвалтъ... Мнѣ запретили ходить въ Кассино въ четыре часа, а потомъ увезли въ Болонью, чтобъ провести нѣсколько недѣль со своими. Теперь новый casus belli: зачѣмъ Барольди пріѣхалъ тоже въ Болонью?.. Да я-то тутъ при чемъ? Развѣ я его полковникъ? Развѣ люди не имѣютъ права путешествовать по желѣзной дорогѣ, когда имъ вздумается? И свекровь тоже пишетъ мнѣ нравоученія, она бы лучше мѣшалась въ свои дѣла и подумала-бы о томъ, что разсказываютъ про грѣхи ея молодости... Теперь никто, пожалуй, не догадается, что и она была молода...

Въ эту минуту въ гостиной пробили часы...

— Три часа? спросила Дорета.

— Нѣтъ четыре.

— Четыре! Батюшки мои! Не могу оставаться ни минуты! Я заказала карету къ тремъ!...

— Но, Дорета, теперь я долженъ говорить.

— Другой разъ. Сегодня невозможно... Исповѣдь моя кончена.

— Я долженъ замѣтить вамъ, дочь моя, что вы каялись особенно въ чужихъ грѣхахъ... Что касается до вашихъ...

— Ахъ, мои такіе маленькіе, что заслуживаютъ полнаго прощенія. Я не сомнѣваюсь, что вы постараетесь убѣдить моихъ родителей.

— Минуту одну!..

— Некогда, некогда!.. Благодарю васъ, синьоръ Анзельмо, до свиданія.

И Дорета быстро выбѣжала изъ комнаты, оставивъ своего собесѣдника съ длиннѣйшимъ носомъ.

Ночи.

Стих. Вл. Юрьева.

1.

Туманъ волнистый стелется
Надъ синею рѣкой.
Тростникъ едва шевелится,
Колеблемый волной.

Съ тоскою затаенною,
Какихъ-то думъ полна,
Глядитъ на землю сонную
Красавица луна...

2.

Въ поляхъ окончены работы,
Косцы вернулися домой.
Пора забыть свои заботы
И трудъ въ поту въ палящій зной!
Село затихло... За горою
Садится солнце въ облакахъ...
И искрой блѣдно-золотою
Звѣзда сверкнула въ небесахъ.
Свѣжѣетъ... Сѣномъ и цвѣтами
Запахло съ дремлющихъ полей
И ночь чарующими снами
Даритъ трудившихся людей....

3.

Осень глубокая... Ночь, какъ могила, темна!
Камнемъ тяжелымъ на землю ложится она.
Вѣтеръ поблекшіе листья съ деревьевъ сорвалъ;
Воетъ онъ въ полѣ, какъ будто голодный шакалъ.
Осень глубокая... Нѣтъ уже солнечныхъ дней!
Замерло все и безмолвно смирилось предъ ней.
Грустно мнѣ, милая: мы распрощались съ тобой!
Дни золотые любви пролетѣли толпой,
Время разлуки настало, разбились мечты
И на груди моей долго проплакала ты...
Осень глубокая... Ночь, какъ могила, темна!
Другъ мой, надѣйся... Должна-же вернуться весна!..

4.

Подъ полозьями легкихъ саней
Бѣлый снѣгъ, разсыпаясь, хруститъ
И, какъ рой драгоцѣнныхъ камней,
При лунѣ яркимъ свѣтомъ блеститъ.
Безконечная степь предо мной;
Въ бѣлый саванъ одѣта она.
Только слышно копыто порой,
А вокругъ и въ душѣ—тишина...

5.

Догораетъ свѣча у меня;
Мигъ настанетъ,—не будетъ огня
И, холодной охваченный тьмой,
Я засну и забудусь душой!
Отчего-же все кажется мнѣ,
Что и въ этомъ таинственномъ снѣ
Свѣтъ знакомый мнѣ будетъ сіять
И въ края лучезарные звать?

Изъ исторіи романтизма.

Ст. Диллетанта.

(Окончаніе.)

VIII.

Для поколѣнія тридцатыхъ годовъ «Эрнани» былъ несомнѣнно тѣмъ, чѣмъ для современниковъ Корнеля былъ «Сидъ». Все, что тогда было молодо, влюблено, поэтично, было какъ бы охвачено поэтическимъ дуновеніемъ. Эти героическія, кастильскія выходки, великолѣпная испанская напыщенность, гордый, но въ то же время естественный и простой языкъ, бросали молодыхъ романтиковъ въ лихорадку своею опьяняющею поэзіей. Теперь, спустя безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ, изъ этихъ романтиковъ, присутствовавшихъ на первомъ представленіи «Эрнани», осталось очень немного. Время успокоило страсти, примирило враговъ и «Эрнани» не нуждается уже въ своихъ храбрыхъ защитникахъ: никто не думаетъ нападать на драму. Публика послѣдовала примѣру донъ-Карлоса, она простила Эрнани и возвратила ему всѣ его титулы, а руки доны Соль окружаютъ его шею, на которой виситъ орденъ Золотого Руна... Если бы не рискованное условіе, заключенное имъ съ Рюи Гомезомъ, Эрнани былъ бы на верху блаженства.

Благодаря Эрнани, побѣда романтизма была полная, но не окончательная; сраженія и стычки продолжались еще долгое время, пока, наконецъ, классицизмъ не былъ окончательно уничтоженъ. Къ этимъ эпизодамъ борьбы можно причислить представленіе «Чаттертона», драмы Альфреда де-Виньи (1835 г.) и пьесы Александра Дюма «Антоній» (1831 г.). Молодое поколѣніе упивалось тогда искуствомъ, страстью, поэзіей; мозгъ кипѣлъ, сердце дрожало... Эта экзальтація можетъ казаться теперь странной, почти не понятной, но она была во всякомъ случаѣ необыкновенно искренней. Партеръ, на виду у котораго декламировалъ Чаттертонъ, былъ переполненъ блѣдными юношами съ длинными волосами, которые твердо вѣрили, что въ мірѣ существуетъ только одно дѣло, достойное человѣка,—писать стихи,—заниматься искуствомъ, какъ тогда выражались, — и... презирать буржуа. Буржуа назывались въ то время почти всѣ безъ исключенія люди, занимавшіеся какимъ-либо практическимъ дѣломъ: банкиры, мѣнялы, нотаріусы, комерсанты, лавочники, отцы семействъ. Никогда еще такая жажда славы не сжигала человѣческія уста. Понятно, поэтому, какой взрывъ восторга долженъ былъ произвести Чаттертонъ, заключающій въ себѣ исторію страданій молодого поэта, дѣлающагося жертвой дѣйствительности и прозы,—сюжетъ по преимуществу романтическій. Теперь Чаттертонъ уже забытъ, фальшь нѣкоторыхъ положеній очевидна, блестки, казавшіяся тогда алмазами, потускнѣли и никого не обманываютъ; но дѣло было сдѣлано...

Тоже можно сказать и объ «Antony» Александра Дюма. Теперь эта пьеса возбуждаетъ чувство, подобное тому, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ встрѣчается съ своей первой любовью, передъ которою онъ млѣлъ и таялъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Какъ и этотъ увядшій предметъ любви, пьеса постарѣла, покрылась морщинами, пожелтѣла и потухла, но въ свое время она была молода, блестѣла красотой и видѣла у ногъ своихъ сотни тысячъ поклонниковъ. Въ вечеръ перваго представленія зрители, наполнявшіе театръ, были въ какомъ-то бѣшенствѣ: аплодировали, рыдали, плакали, кричали. Страсть, изображаемая въ пьесѣ, такъ сказать, сожигала сердца. Всѣ дамы, и старыя, и молодыя, обожали Антонія; молодые люди готовы были стрѣляться изъ-за Адели д'Эрвэ. Современная любовь великолѣпно олицетворялась въ группѣ, которой актеръ Бокажъ и г-жа Дорваль придавали необыкновенную интенсивность жизни. Генрихъ Гейне въ своихъ письмахъ о Франціи, послѣ параллели между Киномъ и Фредерикомъ Леметромъ, выражается слѣдующимъ образомъ о Бокажѣ: «Было бы несправедливо ничего не сказать о другомъ великомъ актерѣ. Бокажъ пользуется здѣсь столь же громадной репутаціей, какъ и Леметръ, и его личность, если не такъ замѣчательна, то, по крайней мѣрѣ, такъ же интересна, какъ и личность его собрата. Бокажъ — красивый мужчина, съ манерами и движеніями необыкновенно изящными. Его металлическій голосъ также способенъ передавать громовые порывы страсти и бѣшенства, какъ и самый нѣжный шопотъ любви. Во взрывахъ страсти онъ всегда сохраняетъ грацію и достоинство искуства и никогда не прибѣгаетъ къ грубымъ вспышкамъ Фредерика Леметра, который, благодаря имъ, достигаетъ по временамъ замѣчательныхъ эфектовъ, но эфектовъ, лишенныхъ поэтической красоты. Леметръ—натура исключительная; онъ не столько управляетъ своей демонической страстностью, сколько самъ управляется ею; вотъ почему я и сравниваю его съ Киномъ. Бокажъ такъ же созданъ, какъ и прочіе смертные; онъ отличается только отъ нихъ большимъ совершенствомъ организаціи. Это не уродливый отпрыскъ Аріэля и Калибана, но существо гармоническое, возвышенная и красивая фигура, въ родѣ фигуры Феба Аполона. Его глазъ не такъ значителенъ, но онъ можетъ производить необыкновенные эфекты, въ особенности извѣстнымъ движеніемъ головы, когда онъ презрительно отбрасываетъ ее назадъ; его безстрастные, ироническіе вздохи рѣжутъ сердце, точно сталь ножа. Въ его голосѣ бываютъ такія слезы и такія страданія, что кажется, будто онъ истекаетъ кровью. Когда онъ скрываетъ лицо руками,—точно слышишь смерть, говорящую: пусть будетъ ночь! Потомъ, когда онъ улыбается, кажется, что солнце восходитъ на его лицѣ!..»

Что же касается г-жи Дорваль, то она поражала своею женскою изящностью. По свидѣтельству современниковъ, хотя она и не была особенно хороша, она, тѣмъ не менѣе, была необыкновенно привлекательна; своимъ взволнованнымъ, какъ бы помутившимся голосомъ, который, казалось, звучалъ среди слезъ, она закупала сердце и съ первыхъ же фразъ овладѣвала публикой гораздо сильнѣе, чѣмъ другая, геніальная актриса, необыкновенной красоты. Въ голосѣ у ней были такія интонаціи, которыя буквально фанатизировали зрителей. Первая, попавшаяся фраза, въ родѣ, напр.: «comment faire?» или «je suis bien malheureuse!» или, наконецъ, «mais je suis perdue moi!» были предлогомъ самыхъ удивительныхъ и неожиданныхъ сценическихъ эфектовъ. Современники утверждаютъ даже, что и этого было не нужно: когда она развязывала ленты своей шляпки и бросала ее на кресло, — зрители ощущали пе-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ КЕППЕНА.

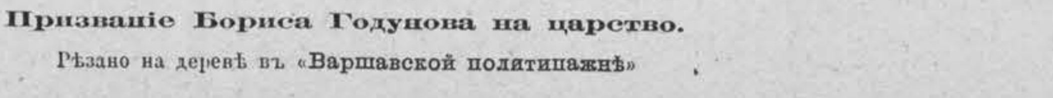
Стреноживаніе.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ А. ЗЕМЦОВА.

Призваніе Бориса Годунова на царство.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ»

вольно волненіе, какъ при самой трагической сценѣ.

Впечатлѣніе, произведенное этой странной, но талантливой пьесой и этой удивительной игрой было громадно. Александръ Дюма разсказываетъ, что при выходѣ изъ театра слишкомъ горячіе и необузданные романтики съ яростью бросились на него и разорвали на клочки его зеленый фракъ, желая сохранить на память хоть маленькій кусокъ его!..

IX.

Импульсъ, данный романтической школой литературѣ, поэзіи, живописи, скульптурѣ, музыкѣ, даже архитектурѣ нѣсколько позднѣе, — былъ такъ силенъ, такъ могущественъ, такъ богатъ содержаніемъ, что движеніе, произведенное имъ, продолжается и нынѣ. Даже у большинства настоящихъ реалистовъ мы встрѣчаемъ черты, родственныя романтизму и едва-ли, покрайней мѣрѣ, можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что современная реалистическая школа есть не болѣе, какъ побочная, своеобразная вѣтвь романтизма. Движеніе, вызванное школой тридцатыхъ годовъ, по своему блеску, богатству содержанія, изяществу формы, количеству талантовъ во всѣхъ отрасляхъ искуства можетъ быть сравнено только съ расцвѣтомъ драмы въ Англіи въ XVI столѣтіи. Какъ тутъ, такъ и тамъ аналогичныя общественныя и политическія сообщенія, условія времени, настроеніе массъ вызвали аналогическія явленія въ области искуства, и если Шекспиръ романтической школы, — Викторъ Гюго́, уступая величайшему изъ всемірныхъ поэтовъ, во всякомъ случаѣ является единственнымъ великимъ поэтомъ современной Европы.

Благодаря импульсу, данному романтической школой, поблекшая и безсодержательная живопись снова возрождается съ такимъ богатствомъ и разнообразіемъ силъ, какое мы замѣчаемъ только въ эпоху возрожденія. Имена служителей новаго искуства въ настоящую минуту извѣстны всѣмъ и каждому; я упомяну только о величайшихъ изъ нихъ, наиболѣе оригинальныхъ, лучше и полнѣе другихъ выразившихъ стремленія времени, — Деларошъ, Делакруа, Теодоръ Руссо, Деверіа, Бари, Гаварни... Наиболѣе выдающимся представителемъ новой школы былъ, безъ сомнѣнія, Поль Делакруа. Теперь, когда тишина и спокойствіе окружили это великое имя, — одно изъ тѣхъ, которые не будутъ забыты человѣчествомъ, — невозможно себѣ представить среди какихъ нападокъ и шума онъ жилъ. Каждая его картина вызывала градъ насмѣшекъ, безконечные споры. Его называли маньякомъ, дикимъ, сумашедшимъ, котораго надо отправить въ домъ умалишенныхъ. Классики увѣряли, что онъ любитъ одно только безобразное, тривьяльное, грязное, что онъ не знаетъ рисунка, что онъ выливаетъ на коверъ цѣлыя ведра красокъ, что онъ пишетъ не кистью, а **пьяной метлой**; въ особенности, эта послѣдняя метафора понравилась и повторялась съ удовольствіемъ. Но съ энергіей, по истинѣ изумительной, съ настойчивостью и увѣренностью геніальнаго человѣка, онъ не смущался этою бранью и продолжалъ начатое дѣло. Делакруа былъ реформаторъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова и не только реформаторъ, а борецъ. Предшествующая школа живописи до такой степени злоупотребляла греками и римлянами въ ихъ тогахъ школы Давида, — что въ концѣ концовъ сдѣлалась безсодержательной и безсмысленной. Вотъ почему Делакруа въ живописи былъ исключительно романтиченъ; онъ ничего не заимствовалъ изъ формъ античнаго искуства. Предметы, выбираемые имъ для картинъ, были сравнительно современны, заимствованные изъ исторіи среднихъ вѣковъ, отъ Данта, Шекспира, Гёте, лорда Байрона, Вальтеръ-Скота. Онъ всегда и вездѣ искалъ характеристическія черты, страсть, какую-нибудь исключительную, и странную жизненную ноту. Его рисунокъ, не смотря на видимыя несовершенства, чрезвычайно типиченъ; контуры его какъ будто мѣняются, дрожатъ вокругъ формъ; краски съ необыкновенной смѣлостью накопляются въ центральномъ пунктѣ драмы, какъ бы злоупотребляя сильнымъ ощущеніемъ, которое художникъ вызываетъ волшебствомъ своей кисти. Въ самомъ незначительномъ эскизѣ, какъ и въ тщательно законченной картинѣ, всѣ аксесуары, — небо, почва, деревья, море, — участвуютъ въ сценѣ, которую окружаютъ; вотъ почему ихъ нельзя перенести въ другую картину, отдѣлить ихъ отъ художественной драмы; они сливаются съ нею. Все тѣсно и органически связано. Въ живописи одинъ только Рембрандтъ обнаруживаетъ подобное органическое единство и гармонію...

Въ музыкѣ не менѣе великимъ и колосальнымъ представителемъ романтизма былъ Гекторъ Берліозъ. То, что поэты романтической школы стремились произвести въ поэзіи, то предпринялъ сдѣлать Берліозъ въ музыкѣ со смѣлостью и своеобразностью, которыя и теперь еще поражаютъ. Изъ отвращенія къ рутиннымъ формамъ, изъ желанія выразить въ музыкѣ то, что еще не было въ ней выражено, — Берліозъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, романтикъ. Было бы совершенно излишнимъ распространяться здѣсь о заслугахъ Берліоза, какъ композитора, но необходимо прибавить, что эти заслуги долгое время не были признаваемы. Его «Symphonie fantastique» произвела въ первый разъ такое же впечатлѣніе, какое произвелъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Тангейзеръ Вагнера въ Парижѣ: она была освистана самымъ жестокимъ образомъ. Она вызвала цѣлыя бури, ожесточенные споры. Тѣмъ не менѣе, хотя Берліоза, по большей части, считали просто маньякомъ, онъ возбуждалъ къ себѣ какой-то непонятный ужасъ. Сквозь странности, неясности, преувеличенія чувствовалась колосальная энергія. Одна черта изъ его жизни ярко объясняетъ его характеръ. Во время своего пребыванія въ Римѣ онъ съ большимъ интересомъ посѣщалъ спектакли англійскихъ актеровъ, дававшихъ Шекспира. Восхищаясь Офеліей, Корделіей и Порціей, онъ въ концѣ концовъ влюбился въ миссъ Смитсонъ, актрису большого таланта и замѣчательной красоты, на которой нѣсколько позднѣе онъ женился. Гейне разсказываетъ, что Берліозъ во время своей любви съ цѣлью приблизиться къ предмету своей страсти и, можетъ быть, не имѣя денегъ, чтобъ каждый день присутствовать въ театрѣ, поступилъ въ оркестръ литаврщикомъ и съ бѣшенствомъ каждый вечеръ колотилъ въ свои литавры, подобно тому, какъ негритянскій король Фрейлихратъ съ яростью колотилъ въ свой барабанъ, — въ особенности при выходѣ на сцену обожаемой актрисы.

Викторъ Гюго, Поль Делакруа, Гекторъ Берліозъ, — натуры родственныя и имѣющія одно и тоже значеніе, каждый въ области собственнаго искуства. Они дѣйствительные и наиболѣе высокіе представители французскаго романтизма. Они — реформаторы, внесшіе новыя формулы, новые элементы въ искуствѣ; натуры страстныя, незнающія мѣры, но несомнѣнно необыкновенно богатыя и сильныя... Но романтизмъ, развиваясь, все болѣе и болѣе обнаруживалъ слѣды своего происхожденія. Возникнувъ какъ протестъ, какъ освобожденіе отъ старыхъ формъ, онъ невольно подчинился разъ данному импульсу, величіе и гармонія формы была пожертвована страстности выраженія; преувеличенія, условная напыщенность, странности стали господствующими и роковымъ образомъ понизили уровень искуства. Тоже самое замѣчается и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ общественной и умственной жизни первой половины XIX столѣтія; развитіе точныхъ наукъ, расширеніе промышленности, свободная мысль сдѣлали то, что люди, отрѣшившись отъ преданій, руководившихъ ихъ вѣрованій, подвергли критикѣ все прошлое. Нравственность, религія, политика — все подверглось пересмотру. Старыя зданія были превращены въ развалины; приходилось строить новыя.

Такой порядокъ вещей чрезвычайно сильно повліялъ на умъ. Въ немъ и объясненіе, и причина романтизма. Первенствующая личность, т. е. личность, занимавшая сцену міра, вызывавшая симпатіи и сочувствіе зрителей, — воплощалась въ печальномъ и задумчивомъ честолюбцѣ — Ренэ, Фаустѣ, Вертерѣ, Манфредѣ, Оберманѣ, — ненасытномъ, смутно-тревожномъ и не излечимо-несчастномъ. «Всѣ преграды, сдерживавшія умъ, пали и передъ нимъ открылось обширное, необъятное пространство. Съ безпредѣльною пытливостью и честолюбіемъ онъ искалъ абсолютной истины и безконечнаго счастья. Ни любовь, ни слава, ни наука, ни власть, въ томъ видѣ, въ какомъ они намъ представляются, не въ состояніи были его удовлетворить, а невоздержимость его желаній, раздраженныхъ недостаточностью пріобрѣтеній и ничтожностью наслажденій, погружала его въ уныніе надъ развалинами самого себя въ то время, какъ его надломавшееся, безсильное, опустившееся воображеніе не въ состояніи было представить ни того **куда-то**, къ которому онъ стремился, ни того **нѣчто**, котораго ему не достаетъ. Эта болѣзнь была названа болѣзнію вѣка, сорокъ лѣтъ тому назадъ она свирѣпствовала во всей своей силѣ; она существуетъ еще и теперь подъ наружною холодностью и мрачнымъ равнодушіемъ положительнаго ума». Эта болѣзнь, слѣдствіе романтизма, замѣчается въ философской поэзіи Англіи, Франціи, Германіи, въ измѣненіи и обогащеніи языка, въ созданіи новыхъ родовъ и типовъ, въ слогѣ и чувствахъ всѣхъ великихъ романтическихъ писателей отъ Шатобріана до Бальзака, отъ Гёте до Гейне, отъ Купера до Байрона, отъ Альфіери до Леопарди. Тѣже симптомы встрѣчаются въ рисункѣ, въ лихорадочномъ, тяжеловатомъ археологическомъ стилѣ, въ стремленіи къ драматическимъ эфектамъ, въ практическомъ анализѣ, въ мѣстномъ колоритѣ, въ сбивчивомъ смѣшеніи школъ, въ искаженіи пріемовъ, въ глубокомъ и новомъ пониманіи природы, породившемъ оригинальность и необычайное совершенство пейзажа, и въ особенности въ крайнемъ и роскошномъ развитіи музыки... Высшее и окончательное выраженіе романтизма, такимъ образомъ, сосредоточивается въ пейзажѣ и музыкѣ...

* * *

Стих. Д. Ушакова.

Я въ жизни испыталъ счастливыя мгновенья...
И снова возвратить теперь-бы я желалъ
И трепетъ, и мечты, и юныя волненья,
И грезы въ тишинѣ, и чудный идеалъ.

Я вѣрилъ и любилъ, страдалъ и утѣшался,
И смутныя мечты мнѣ волновали грудь;
Весь жизнью я дышалъ и ею наслаждался,
И видѣлъ впереди широкій, славный путь.

Въ мечтахъ я улеталъ въ невѣдомыя дали;
Мнѣ близокъ былъ въ тотъ мигъ мой свѣтлый идеалъ;
Я жизнью жилъ иной, безъ горя и печали,
И въ тоже время я томился и страдалъ.

Въ груди моей пылалъ огонь святой; видѣнья
Роились пламенной, обманчивой толпой...
Но дорогія тѣ умчалися мгновенья,
Какъ мимолетный сонъ души моей больной.

Золото и имя.

(Романъ г-жи **Шварцъ**.)

(Окончаніе.)

Успокоившійся капитанъ продолжалъ:

— Пока въ лавкѣ осматривали бумажку, Бромеръ, какъ мы знаемъ, выскочилъ на улицу и увидалъ, что Августъ стоитъ у сосѣдняго дома.

— Твою жену арестуютъ, бумажка оказалась фальшивою, сказалъ онъ, — Агда послала меня просить тебя спасаться бѣгствомъ.

— А, какъ же Агда? прошепталъ Августъ.

— Бѣги, говорю тебѣ; отецъ спасетъ ее; я сейчасъ отправлюсь въ Тимасіо. Все пропало, если тебя поймаютъ.

«Выйдя изъ воротъ, Августъ поспѣшно направился къ любекскому пароходу, уѣзжавшему въ 12 часовъ. Д. тоже успѣлъ скрыться.

Агда скрыла свое имя, но отъ квартирной хозяйки узнали, что фамилія ея мужа — Фрисъ изъ Стернгаса, что подтвердилось письмами, найденными въ забытомъ имъ бумажникѣ.

«Поѣхавъ въ Тимасіо съ увѣренностью, что Гарленъ не откажется спасти свою дочь, Бромеръ ошибся; фабрикантъ указалъ ему на дверь. Карлъ разсказалъ, будто Агда до того опустилась, что распространяла фальшивыя деньги, выпущенныя Августомъ. Гарленъ не желалъ знать дочери, считая ее соучастницею Августа, даже не обратилъ вниманія на слова Бромера, что дочь его близка къ смерти. Черезъ недѣлю Агда умерла, родивъ дочь въ тюрьмѣ.

«Лотти получила дозволеніе оставаться при Агдѣ, Бромера также допускали къ ней. Передъ смертью Агда взяла съ него обѣщаніе заботиться объ ея ребенкѣ, не отдавать его въ зависимость Карла, а воспитывать въ неизвѣстности о несчастной судьбѣ матери и преступленіи отца.

«Бромеръ, давая это обѣщаніе, зналъ, что отецъ несчастной женщины не захочетъ признать ребенка.

— Милордъ, сказалъ Штромъ, обращаясь къ Эдвину, — ребенокъ, родившійся при этихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, была леди Кастертонъ!

— Лотти также обѣщала скрывать тайну родителей отъ дѣвочки, продолжалъ капитанъ.— Отдавъ ребенка въ вѣрныя руки, Агда при послѣднемъ издыханіи молилась о мужѣ, причинѣ всѣхъ ея несчастій. Дѣвица Малинъ, страданія которой тронуть отца пропадали напрасно, разсердилась на его жестокость и пріѣхала въ столицу, куда прибыла на другой день смерти Агды. Отецъ Августа, сильно горевавшій о преступленіи сына, умеръ отъ удара. Его похоронили вмѣстѣ съ Агдой; дѣвица Малинъ поставила надъ ними простой памятникъ. Она каждый день посѣщала ребенка, желая убѣдиться, что онъ ни въ чемъ не нуждается. Черезъ нѣсколько времени она написала письмо фабриканту, извѣщая его о томъ, что тотъ самый Бромеръ, котораго онъ выгналъ за воровство и запретилъ принимать его у себя въ домѣ, призналъ дочь Агды своимъ ребенкомъ:—«Преступленіе отца лишило дѣвочку имени, сказалъ Бромеръ,—отецъ ея матери утаилъ ея состояніе, я же знаю одно: бѣдный презираемый воръ и игрокъ не умретъ, не добывъ дочери Агды фон-Гарленъ, состоянія и имени». Это письмо не дошло до Гарлена. Карлу удалось скрыть его. Когда фабрикантъ поручилъ ему узнать, гдѣ находилась его внучка, Карлъ, вернувшись изъ города, объявилъ, что ребенокъ вѣроятно умеръ вскорѣ послѣ матери, такъ какъ никому не было извѣстно, куда онъ пропалъ. Карлъ отправлялъ обратно письма Малинъ къ брату нераспечатанными, надѣясь, что она перестанетъ болѣе писать. Черезъ полгода послѣ ссоры между братомъ и сестрою, пришло извѣстіе о смерти дѣвицы Малинъ. Послѣдняя связь, соединяющая ребенка Агды съ отцемъ, порвалась; Карлъ могъ безпрепятственно продолжать свою игру. Черезъ годъ фабрикантъ уѣхалъ изъ Швеціи, подаривъ полковнику Тимасіо и предоставивъ Форсвикъ въ его распоряженіе.

«Что касается Августа, ему удалось скрыться въ Англіи, гдѣ сестра его жила уже нѣсколько лѣтъ. Каролина Дальстромъ была гувернанткой въ шведскомъ семействѣ, проживавшемъ въ Англіи; тамъ вышла она замужъ за англичанина, управляющаго въ Гартонкуртѣ, имѣніи маркизы Бризье. Образованная, скромная Каролина скоро сдѣлалась любимицею маркизы и проводила цѣлые дни въ ея обществѣ, когда та жила въ Гартонкуртѣ. Между гордою, знатною англичанкою и женою управляющаго, установилась дружба. Каролина искренно привязалась къ маркизѣ; она сообщила ей о бракѣ Августа какъ только получила извѣстіе отъ отца, такъ же о томъ, что онъ проигралъ приданное жены и почти безъ денегъ вернулся въ Швецію. За грустными извѣстіями послѣдовали болѣе радостныя; старикъ Дальстромъ постоянно расхваливалъ Агду и Каролина, не зная невѣстки, полюбила ее.

«Черезъ два года она получила изъ Швеціи письмо съ черною печатью, съ двумя траурными билетами, написанными Бромеромъ, съ извѣщеніемъ о смерти отца и невѣстки. Вскорѣ послѣ этого, въ одинъ темный осенній вечеръ въ Гартонкуртѣ появился человѣкъ, въ лохмотьяхъ, спрашивавшій ее. Каролина, восемь лѣтъ не видавшая брата, тотчасъ же узнала его въ изорванномъ нищемъ. Не буду описывать, что они говорили между собою, но только послѣ его ухода Каролина сообщила тайну маркизѣ, но мужу побоялась передать ее, зная, что онъ ни за что не согласится укрывать производителя фальшивыхъ денегъ. Августъ пришелъ къ сестрѣ безъ копѣйки; два дня онъ ничего не ѣлъ. Выслушавъ разсказъ Каролины, маркиза обѣщала помочь ему. Пробывъ нѣсколько недѣль въ Гартонкуртѣ, Августъ едва не сошелъ съ ума, при полученіи письма Бромера, съ описаніемъ смерти старика Дальстрома и Агды, а также при извѣстіи, что Бромеръ усыновилъ дочь Агды. Онъ не могъ перенести мысли, что былъ причиною смерти отца и жены и что дочь его должна находиться въ рукахъ отъявленнаго игрока Бромера. Самая крѣпкая натура не въ силахъ вынести такого моральнаго потрясенія; сознаніе вины и несчастныхъ послѣдствій ея для тѣхъ, кого мы любимъ,—ужасны. Августъ захворалъ сильнымъ воспаленіемъ въ мозгу; нѣкоторое время грозила опасность для его жизни, но судьба рѣшила иначе. Поправившись, онъ пожелалъ принять участіе въ войнѣ, поступивъ на службу во французскую армію въ Алжирѣ. Маркиза обратилась къ Вильяму Кастертону, имѣвшему черезъ жену связи во Франціи, и Августъ былъ принятъ во французскую службу. Одѣленный маркизою деньгами и рекомендаціями къ лорду Кастертону, Августъ уѣхалъ, давъ торжественное обѣщаніе вернуться въ отечество къ своему ребенку только тогда, когда честнымъ образомъ дѣйствій заслужитъ всеобщее уваженіе.

— «Я сжалилась надъ вами, сказала ему на прощанье маркиза,—надѣясь сдѣлать доброе дѣло. По молодости, изъ желанія добыть денегъ, вы поступили противузаконно, постарайтесь исправить сдѣланное зло, заслужите уважаемое имя, которое тогда смѣло передадите своей дочери.

«Познакомясь съ Дальстромомъ во Франціи, я вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Алжиръ и поступилъ въ одинъ полкъ. Черезъ четыре года шведскія газеты извѣстили о смерти Дальстрома въ Алжирѣ. Умирая, онъ просилъ меня отомстить за Агду, что, кажется, я довольно удачно исполнилъ. Мнѣ остается разсказать объ оставшихся въ живыхъ. Фабрикантъ продолжалъ жить за границею, рѣдко переписываясь съ своими и то только по дѣламъ. Онъ жилъ въ Италіи; Карлъ узналъ отъ знакомыхъ, встрѣчавшихъ Гарлена за границею, что онъ подъ чужимъ именемъ живетъ въ уединенной виллѣ съ однимъ слугою. Черезъ годъ, по выходѣ Эльвиры изъ пансіона, къ Карлу явился комисіонеръ отъ Гарлена съ письмомъ и просьбою извѣстить его о мѣстопребываніи Бромера и есть-ли у него дочь. Онъ объявилъ, что ему удалось собрать нѣкоторыя свѣденія о Бромерѣ, бывшемъ закладчикѣ въ Парижѣ; говорили, что онъ въ настоящее время уѣхалъ на какія-то нѣмецкія воды, кажется, въ Висбаденъ. Карлъ, испугавшійся, чтобы тесть не сдѣлалъ чего-нибудь для внучки, самъ отправился за границу. Онъ повезъ жену, нѣсколько лѣтъ страдавшую изнурительною болѣзнью, въ Висбаденъ, намѣреваясь развѣдать, видался-ли Гарленъ съ Бромеромъ, или не требовалъ-ли къ себѣ внучки. Вскорѣ онъ узналъ, что Бромеръ съ дочерью въ Висбаденѣ и что они не получали никакихъ извѣстій отъ Гарлена. Разъ какъ-то, въ библіотекѣ, читая газеты, Карлъ замѣтилъ старика, внезапно вскрикнувшаго по шведски: «Какая низкая ложь»! Узнавъ тестя, Карлъ побѣжалъ за нимъ. Догнавъ его, онъ поздоровался со старикомъ, выражая притворное удивленіе и радость; потомъ спросилъ, получилъ-ли онъ письмо о дочери Агды (разумѣется, онъ никогда не писалъ его), въ которомъ онъ, Карлъ, просилъ тестя помочь несчастной дѣвушкѣ, которую ему удалось найдти. Рѣшась дѣйствовать по обдуманному плану, Карлъ прежде всего удостовѣрился, что старику еще неизвѣстенъ адресъ Бромера. На вопросъ о причинѣ его пріѣзда, Гарленъ объявилъ, что желаетъ видѣть внучку. Карлъ разсказалъ тогда, что Бромеръ, проигравъ все состояніе, уѣхалъ изъ Висбадена, и что онъ, Карлъ, намѣревается ѣхать въ Швецію за Бромеромъ, желая вырвать дочь Агды изъ рукъ человѣка, который, обанкрутившись, вѣроятно, станетъ торговать красотою дѣвушки. Тронутый его словами, старикъ довѣрчиво объявилъ о своемъ намѣреніи помочь внучкѣ. Карлъ готовъ былъ рѣшиться на все, не желая допустить, чтобы состояніе, казавшееся ему собственностью, на половину уменьшилось изъ-за каприза старика, рѣшившагося оказать справедливость внучкѣ. Повѣривъ, что Карлу извѣстно мѣстопребываніе Бромера, Гарленъ спѣшилъ отъѣздомъ въ Швецію. Карлъ уговаривалъ его остаться, зная заранѣе, что онъ не измѣнитъ разъ принятаго рѣшенія, но, по крайней мѣрѣ, посѣтить Нину, пріѣхавшую въ Висбаденъ лечиться.

— «Нѣтъ, я уѣзжаю завтра, отвѣчалъ старикъ.—Я не совсѣмъ доволенъ Ниною, она первая выдала Агду. Поклонись ей отъ меня и скажи, что моего камердинера убили.

— Убили! вскричалъ обрадованный Карлъ; казалось адскія силы помогали исполненію его плана.

«На слѣдующее утро, онъ пришелъ къ Гарлену, предлагая помочь ему въ Швеціи, если Бромеръ вздумаетъ скрыть дочь Агды. Вечеромъ они пріѣхали въ Стокгольмъ и, по совѣту Карла, не останавливаясь, сѣли въ карету и отправились въ Альтропъ, гдѣ воспитывалась дочь Агды, и гдѣ можно было узнать отъ пасторши Брогренъ о ея мѣстопребываніи и безъ скандала отнять ее отъ Бромера. Старикъ соглашался на все. Предполагая, что вечеромъ неловко пріѣхать въ Альтропъ, Карлъ предложилъ переночевать въ его имѣніи. Они пріѣхали очень поздно; Карлъ провелъ Гарлена въ жилой домъ, занятый старымъ солдатомъ, находившимся въ полной власти полковника, спасшаго его отъ послѣдствій какого-то плутовства. Солдатъ, не видя старика на другой день, сталъ подозрѣвать, что Карлъ скрылъ его куда-нибудь, но не смѣлъ высказать своего мнѣнія, боясь лишить себя и свое семей-

КАРТИНА ГРЮЦНЕРА.

Во время призыва къ молитвѣ. Рѣзалъ на деревѣ г. Рихтеръ, въ С.-Петербургѣ.

ство покровительства полковника. Упрятавъ Гарлена въ комнату рядомъ со своею и забивъ окно, Карлъ объявилъ ему, что при малѣйшемъ крикѣ о помощи или стараніи уйти, онъ убьетъ его; а затѣмъ пустилъ въ газетахъ слухъ, что Гарленъ убитъ и ограбленъ, всего вѣроятнѣе своимъ пропавшимъ камердинеромъ. Извѣстіе о смерти отца убило Нину. Умирая, она просила Карла Брогрена напомнить мужу, чтобы онъ отдалъ дочери сестры причитающуюся ей часть состоянія. Зная эту тайну, Брогренъ принудилъ полковника оказать ему протекцію при поступленіи на службу.

«Черезъ два года я явился въ Швецію, намѣреваясь черезъ Лотти узнать подробности о дочери Агды. Раньше еще я встрѣтился съ Бромеромъ и получилъ отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія; въ день свадьбы Эльвиры, онъ подвелъ ее къ окну, чтобы показать мнѣ. Съ перваго взгляда я полюбилъ ее. Лотти нечаянно въ разговорѣ упомянула о томъ, что Карлъ продалъ Тимасіо и безвыѣздно живетъ въ небольшомъ имѣніи. Ненавидя его, я рѣшился узнать причину, принуждавшую его жить въ этомъ имѣніи. Слухъ о томъ, будто онъ, послѣ смерти фабриканта, нашелъ кладъ и до того сталъ подозрителенъ, что допускаетъ въ свою комнату одного Флинка, не нанимая другой прислуги изъ боязни воровъ, навелъ меня на истину. Не буду разсказывать, какъ мнѣ удалось вывѣдать отъ Флинка, что полковникъ пріѣхалъ со старикомъ, который вслѣдъ затѣмъ исчезъ. Я сейчасъ же отправился въ Италію, гдѣ пришелъ къ заключенію, что Гарленъ не умеръ, а находится во власти Карла, который, не имѣя смѣлости убить старика, похоронилъ его заживо, держа въ заключеніи. Этой тайнѣ я обязанъ властью надъ свободою и честью Карла.

«Уединенное заключеніе лишило старика зрѣнія; отъ слабости онъ даже впалъ въ дѣтство. Мнѣ удалось уговорить его, для избѣжанія скандала, при людяхъ выдавать себя за моего отца. Единственнымъ его желаніемъ было увидать внучекъ и, возвративъ дочери Агды законныя права, сдѣлать ее наслѣдницею половины имущества. Онъ уже обнялъ дочь Нины, смерть похитила дочь Агды.

Марта сидѣла, облокотясь на руку, полковникъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, лордъ Кастертонъ рукою придерживалъ повязку.

— Теперь, милордъ, помолчавъ сказалъ Штромъ,—мнѣ остается только пояснить вамъ нѣкоторые поступки вашей супруги. Впрочемъ, къ чему можетъ это послужить; она умерла и прошлое похоронено съ нею! Ограничусь лучше передачею письма, назначеннаго милорду, но украденнаго, почему и не дошло по назначенію. Оно писано сэромъ Сиднеемъ въ минуту отправленія на дуэль съ Бромеромъ; выѣзжая изъ дому Лембурнъ отправилъ его къ вамъ, желая, чтобы оно дошло до васъ, каковъ бы ни былъ исходъ дуэли.

Марта скрыла лице въ носовой платокъ, когда Штромъ протянулъ письмо Эдвину; если она и согрѣшила, то была достойно наказана въ эту минуту.

— Все же я желаю объявить милорду, въ присутствіи особъ здѣсь находящихся, продолжалъ капитанъ,—что леди была искренно привязана къ милорду. Въ день третьей разлуки, она получила письмо отъ Фредерика Брогрена, просившаго ее пріѣхать въ Альтронъ для полученія свѣдѣній объ ея рожденіи, которыя она поручила ему собрать по пріѣздѣ въ Тимасіо. Фредерикъ, встрѣтя ее въ саду, сообщилъ, что отецъ ея поддѣлалъ ассигнаціи, мать, изъ любви къ нему желавшая скрыть преступленіе, попала въ тюрьму, гдѣ и скончалась. Вотъ причина, побудившая вашу супругу ѣхать въ Альтронъ. Вы за нѣсколько часовъ отправились въ Скокгофъ, по полученіи письма отъ моей жены, писавшей вамъ о происхожденіи вашей супруги. Я не знаю, что произошло между вами; мнѣ извѣстенъ только результатъ разговора, а именно поѣздка ваша въ Крымъ. Боюсь, не вина-ли это моей жены, вмѣшавшейся въ вашу семейную тайну.

— Нѣтъ, г. капитанъ, прервалъ его Эдвинъ,—ваша супруга напрасно безпокоилась; передъ смертью, маркиза разсказала мнѣ исторію родителей Эльвиры. Осмѣлюсь напомнить вамъ, г-жа Штромъ, что я посѣтилъ васъ единственно изъ желанія сообщить вамъ, что знаю о происхожденіи моей супруги; я даже имѣлъ смѣлость, если не ошибаюсь, сказать вамъ, что леди Кастертонъ приходится вамъ кузиною.

— Ты мнѣ ничего не сказала, мой ангелъ, замѣтилъ капитанъ;—однако, оставимъ этотъ разговоръ; мнѣ остается только прибавить, что Арвидъ Штромъ былъ убитъ въ Алжирѣ, Августъ же Дальстромъ присвоилъ себѣ его имя. Я — бѣжавшій мужъ Агды, унизившійся до того, что допустилъ ее подвергнуться наказанію за мое преступленіе. Я, мужъ Марты, никто иной, какъ поддѣлыватель ассигнацій Августъ Дальстромъ.

Наступило молчаніе; смертельно блѣдная Марта сидѣла, высоко закинувъ голову, полковникъ походилъ на призракъ.

— Теперь когда всѣмъ извѣстно, кто я, мнѣ остается представить м-съ Бровъ. Она—моя сестра, тетка леди Кастертонъ. Это она предупредила милорда о намѣреніи Эльвиры выйдти на сцену. Сестра разсказала мнѣ объ интригахъ, окружавшихъ мою дочь; она убѣдила Эльвиру въ коварствѣ Армиды, дѣйствовавшей изъ ревности и жадности, и сообщила ей, что лорду давно извѣстна тайна ея происхожденія. Она провожала Эльвиру, пожелавшую раздѣлить опасности мужа или умереть съ нимъ, въ Крымъ. Смерть расторгла бракъ, къ расторженію котораго стремились многіе. Одинъ лордъ можетъ рѣшить, счастливѣе-ли онъ теперь.

— Прочь повязку! вскричалъ Эдвинъ, поднимаясь во весь ростъ, и срывая повязку,—не хочу больше разъигрывать роль слѣпого!

Твердыми шагами направился онъ къ окну, гдѣ стояла Марія, взялъ ее на руки и вынесъ на середину комнаты.

— Леди Кастертонъ не умерла, она жива и прощаетъ врагамъ своимъ и ея матери, сказалъ онъ.

Поставивъ свою легкую ношу на полъ, онъ прибавилъ, цѣлуя ея руки:

— Ахъ, Марія, съ первой минуты я узналъ Эльвиру; прости мнѣ, что я представился слѣпымъ изъ желанія испытать сердце, чтобы въ счастливый день, какъ сегодня, узнать, какъ сильно оно меня любитъ!

Прижавъ жену къ своей груди, онъ подвелъ ее къ капитану.

Въ то время, когда раскаявшійся отецъ въ первый разъ обнялъ дочь, полковникъ пробормоталъ, схвативъ Марту за руку:

— Выйдемъ отсюда!

Пройдя нѣсколько шаговъ онъ покачнулся и упалъ; съ нимъ сдѣлался ударъ.

VIII.

Настала ночь, въ комнатѣ, гдѣ скончалась маркиза Бризье, лежалъ полковникъ Стангенскіольдъ. Докторъ, Марта и Штромъ находились при больномъ, лежавшемъ безъ сознанія, Штромъ, безъ прежней строгости, съ участіемъ и состраданіемъ смотрѣлъ на Марту, убитую горемъ отъ неожиданнаго потрясенія. Исходъ удара былъ неизвѣстенъ. Къ утру полковникъ пришелъ въ себя, что подало надежду на выздоровленіе, но докторъ боялся, что онъ останется калѣкою.

Черезъ недѣлю послѣ этихъ событій, возвратившихъ Гарлену—внучку, Лотти—воспитанницу, Эльвирѣ мужа и отца, лордъ и леди Кастертонъ готовились къ отъѣзду изъ Тимасіо, желая вернуться въ Англію и тамъ спокойно предаться съ трудомъ достигнутому счастью. М съ Бровъ должна была ѣхать съ ними. Эльвира желала взять съ собой дѣда, но Гарленъ захотѣлъ остаться въ Тимасіо у мужа Марты, которому былъ обязанъ свободою и притомъ съ нимъ однимъ онъ могъ говорить про возлюбленную дочь. Лордъ Кастертонъ подарилъ отцу Эльвиры Тимасіо. Армидѣ, по просьбѣ Эльвиры, оставлена ея пенсія. Лотти получила въ подарокъ Альтронъ; она пожелала остаться при слѣпомъ отцѣ Агды.

— Богъ исполнилъ мою молитву, сказала она,—давъ мнѣ дожить до дня, въ который я вижу Эльвиру счастливой, уважаемой и богатой. Мнѣ остается теперь посвятить себя ухаживанью за отцемъ моей возлюбленной госпожи, такъ какъ дочь ея не нуждается больше во мнѣ.

Согласившись съ Лотти, счастливые супруги простились со Швеціей. Армида, потерявшая всякую возможность вредить Эльвирѣ, предалась ханжеству, все-таки надѣясь играть какую-нибудь выдающуюся роль въ свѣтѣ.

IX.

Въ родовомъ имѣніи Эдвина дѣлались большія приготовленія къ встрѣчѣ лорда съ его воскресшей супругою. Онъ писалъ, чтобы встрѣтили достойнымъ образомъ леди, слухъ о смерти которой къ счастію оказался ложнымъ.

Сентябрьское солнце ярко освѣщало Кастертонъ въ то время, когда лордъ въ экипажѣ четверней въѣзжалъ во дворъ своего дома, гдѣ собралась парадно-одѣтая прислуга. Ворота и лѣстница были убраны цвѣтами и зеленью. Прислуга, къ немалому своему удивленію, узнала въ леди Кастертонъ бывшую сидѣлку Марію.

Черезъ нѣсколько часовъ супруги вдвоемъ сидѣли въ той библіотекѣ, гдѣ мы видѣли въ послѣдній разъ больного съ его сидѣлкою Маріею. Эльвира заняла свое прежнее мѣсто на низкомъ стулѣ у дивана, на которомъ сидѣлъ Эдвинъ. Облокотясь на его колѣни, она со страстною любовью смотрѣла на мужа; его рука покоилась на ея плечѣ, онъ тоже смотрѣлъ на нее.

— Теперь, моя дорогая, возлюбленная Эльвира, сказалъ онъ,—ты получишь давно ожидаемое объясненіе; я нарочно ждалъ перваго вечера на родинѣ. Какъ пріятно звучатъ слова «наша родина», какъ долго пришлось мнѣ ждать минуты, въ которую я вправѣ сказать: «ты моя вполнѣ».

— Всегда-ли эта любовь была въ твоемъ сердцѣ, Эдвинъ? сказала Эльвира.—Моя любовь къ тебѣ была причиною всѣхъ моихъ промаховъ.

— Нѣтъ, Эльвира, возразилъ Эдвинъ, проведя рукою по ея гладкому лбу, — причиною всѣхъ несчастій была не твоя любовь, а странное положеніе, въ которое мы поставили себя съ самаго начала: ты — твоимъ дѣтскимъ стремленіемъ за именемъ, я — принужденный пожертвовать собою ради денегъ. Я увѣренъ, что случись мнѣ встрѣтиться съ тобой не по требованію маркизы, мы были бы счастливы съ самаго начала.

— Мы не были достойны счастья, судя по тому, сказала Эльвира,—что оно такъ долго не давалось намъ.

— Можетъ быть! Все случилось къ лучшему, какъ мнѣ кажется, сказалъ Эдвинъ, цѣлуя ее, потомъ продолжалъ, вынимая письмо изъ кармана: — многіе старались разъединить насъ и не допустить сближенія, что доказывается этимъ письмомъ. Попадись оно мнѣ раньше въ руки, мы непремѣнно объяснились бы и я не отправился бы въ Крымъ. Это письмо Сиднея.

— Добрый, благородный другъ! прошептала Эльвира. — Зачѣмъ поддавалась я оскорбленной гордости, не слушая его совѣтовъ!

— Желаешь ты прочесть его письмо?

— Прочти лучше ты! отвѣчала Эльвира, кладя голову на колѣни Эдвина

«Лордъ Кастертонъ! Я берусь за перо съ полной увѣренностью, что письмо это будетъ послѣднимъ, написаннымъ мною. Мой часъ насталъ, завтра меня не будетъ на свѣтѣ. Хорошо если это случится, леди Кастертонъ проститъ мнѣ несдержанное обѣщаніе. Выдаю довѣренную мнѣ тайну въ полной увѣренности, что завтра я буду убитъ. Унести ее съ собою значило бы похоронить ея и твое счастье; я же хочу, чтобы моя смерть принесла благополучіе ей—единственной женщинѣ, которую я любилъ, и тебѣ — моему единственному другу. Передаю ея собственныя слова, сказанныя мнѣ, когда я пріѣхалъ въ Тимасіо, съ цѣлью потребовать объясненія. «Я пріѣхала въ Висбаденъ, сказала она, — съ дѣтскимъ желаніемъ сдѣлать блестящую партію и получить имя честное и извѣстное. Сердце мое было полно тщеславія и высокомѣрія; черезъ недѣлю отецъ объявилъ мнѣ, что я могу сдѣлаться супругою благороднаго лорда. Онъ, вѣроятно, видѣлъ меня, такъ какъ переговорилъ съ д'Орбо о желаніи быть мнѣ представленнымъ. Я отправилась въ театръ полная тщеславныхъ надеждъ. Увидавъ лорда Кастертона, я въ душѣ пожелала, чтобы онъ былъ безъ имени и состоянія, тогда я осмѣлилась бы полюбить его. Онъ на другой день сдѣлалъ мнѣ предложеніе, что въ одно время осчастливило меня и навело на меня грусть. Какъ кажется, я уже тогда любила его, меня мучила мысль, что его знатное имя не принесетъ намъ счастья. Послѣ его отъѣзда, я познакомилась съ вами. Въ моей дружбѣ къ вамъ много нѣжности, къ будущему мужу я чувствовала такую сильную привязанность, что она даже пугала меня. Я желала спокойно любить его, какъ васъ, но не смотря на это скорѣе согласилась бы умереть, чѣмъ отказаться отъ этого неспокойнаго, сильно волнующаго, но прекраснаго чувства. По выходѣ за него замужъ, для меня не существовало другихъ мужчинъ, но съ усиленіемъ моей любви, я стала замѣчать, что онъ не любитъ меня, въ чемъ удостовѣрилась, подслушавъ вашъ разговоръ съ нимъ. Я рѣшилась не служить болѣе бременемъ для любимаго человѣка, гордость побуждала меня разойдтись съ нимъ. Не смотря на то, что я не могла полюбить другого, я скорѣе согласилась бы разорвать свое сердце, чѣмъ показать человѣку, женившемуся на мнѣ изъ разсчета, какъ сильно я люблю его; никогда не могла я рѣшиться на униженіе предложить ему любовь, на которую онъ не отвѣчалъ; я умерла бы отъ стыда за свою слабость». Вотъ тайна, довѣренная мнѣ Эльвирою, я обѣщалъ свято хранить ее! Не держу обѣщанія въ надеждѣ принести пользу твоей женѣ. Забылъ еще прибавить, твоя жена намѣревалась выйдти на сцену, желая освободить тебя отъ обѣщанья, даннаго тобою маркизѣ: не разрывать вашего брака. Леди Кастертонъ думала, что поступленіемъ на сцену, она возвратитъ тебѣ свободу пользоваться счастьемъ съ Мартою, къ чему, по ея мнѣнію, она одна стояла преградою. Всѣ ея проступки были слѣдствіями любви и самопожертвованія; она созналась мнѣ въ этомъ на вечерѣ у шведскаго посланника. Тебѣ извѣстно теперь, Кастертонъ, какъ сильно твоя жена любитъ тебя; я знаю, что самъ ты привязанъ къ ней съ ревнивою страстью. Почему бы вамъ не объясниться? Ты такъ близокъ къ счастью, тебѣ стоитъ только протянуть руку и ты завладѣешь имъ! Относительно Марты Стангескіольдъ, мнѣ остается прибавить, что она злѣйшій врагъ твоей жены; замѣтя мою любовь къ Эльвирѣ, она всѣми силами старалась внушить мнѣ мысль, что я любимъ ею, надѣясь заставить меня забыть долгъ чести и предаться голосу любви. Тутъ только понялъ я старанія миссъ Армиды убѣдить меня, что любовь Эльвиры къ Карлу Брогрену проснулась снова, въ этотъ же вечеръ объяснился я съ нею... Я умру спокойно, если пуля Карла Брогрена лишитъ меня жизни, съ сознаніемъ, что любилъ какъ честный человѣкъ, и что женщина, любимая мною, достойна любви моего лучшаго друга... Будь здоровъ, лордъ Кастертонъ, кланяйся той, чей образъ сойдетъ со мною въ могилу. Старайся осчастливить Эльвиру, люби ее такъ же свято и глубоко, какъ твой искренній другъ

Сидней Лембурнъ».

Долго молчали они, чтеніе письма напомнило имъ о благороднѣйшемъ и лучшемъ другѣ.

— Каждое слово этого письма вѣрно изображаетъ его характеръ, сказала Эльвира. — Ахъ, возлюбленный мой, ты не знаешь еще какъ много я обязана ему! Онъ первый, открывъ мое намѣреніе выступить на сцену, направилъ м-съ Бровъ на настоящій слѣдъ и уговорилъ г-жу М. явиться въ рѣшительную минуту. Онъ одинъ спасъ меня изъ пропасти, въ которую я едва не попала! Ослѣпленная, цѣлые мѣсяцы я подготовлялась къ этому шагу, появляясь въ Парижѣ, Вѣнѣ, Римѣ и даже въ Лондонѣ богатою свѣтскою леди Кастертонъ, чтобы, когда всѣ узнаютъ меня, принудить тебя нарушить обѣщаніе, данное маркизѣ. Я готова была на всякій шагъ, унижающій меня какъ твою жену, изъ желанія освободить тебя, такъ мучили меня слова, написанныя тобою Мартѣ: «Выбрось эту женщину изъ моей жизни и я буду счастливѣйшимъ смертнымъ!»

— Что было не совсѣмъ легко, такъ какъ я самъ не желалъ этого, улыбаясь сказалъ Эдвинъ.

— Къ сожалѣнію, я узнала объ этомъ слишкомъ поздно! отвѣчала Эльвира. — Но мнѣ все-таки не ясно твое удаленіе въ Крымъ; я понимаю теперь, что не извѣстіе о моемъ происхожденіи побудило тебя отправиться туда? Зачѣмъ прикинулся ты слѣпымъ, когда узналъ меня раненый на полѣ битвы?

— Объясненіе очень просто, сказалъ Кастертонъ.—Поѣхавъ, по указанію Армиды, въ Альтропъ, я увидалъ тебя съ мужчиною, котораго въ сумерки принялъ за Карла Брогрена; мнѣ настолько извѣстенъ шведскій языкъ, что я понялъ слѣдующія слова, сказанныя тобою: «я брошусь къ ногамъ мужа и сознаюсь въ своемъ позорѣ, онъ, можетъ быть, оттолкнетъ меня, но все же проститъ». Потомъ ты сказала что-то о любви, доведшей до преступленія; вѣроятно ты говорила о твоей матери, я же предположилъ, что ты имѣешь въ виду себя. Не стану описывать впечатлѣнія этого разговора на меня. Долго бродилъ я по лѣсу, потомъ вернулся въ Тимасіо ночью, съ твердымъ намѣреніемъ уѣхать, покинуть тебя навсегда безъ злости, скандала и обвиненія. Обдумавъ прошлое, я рѣшилъ, что я не въ правѣ дѣлать тебѣ упреки. Когда я, раненый узналъ тебя, я вообразилъ, что тебя привело въ Крымъ раскаяніе; но мнѣ нужно было убѣдиться въ этомъ; мнѣ помогло воспаленіе глазъ и согласіе доктора увѣрить тебя, что я ослѣпъ. Отъ камердинера и м-съ Бровъ, единственныхъ личностей, знавшихъ тебя, я узналъ о твоемъ запрещеніи сообщать мнѣ, что сама ты выдала одну изъ умершихъ сидѣлокъ за леди Кастертонъ.

— Да, я воспользовалась ея смертью, желая освободить тебя отъ жены, по милости которой ты искалъ смерти.

— Но которую нашелъ однако любящею и готовою пожертвовать собою, сказалъ Эдвинъ, заключая Эльвиру въ свои объятія.

Счастье, такъ долго недававшееся обоимъ супругамъ, сопутствовало имъ безъ малѣйшей тучки всю остальную жизнь. Эдвинъ сдѣлался извѣстнымъ ораторомъ Англіи. Эльвира подарила ему двухъ сыновей, что еще болѣе увеличило счастіе родителей.

Посѣщая отца Эльвиры въ Швеціи, они съ удовольствіемъ замѣчали, что разслабленіе полковника, продолжавшееся до смерти, послужило къ сближенію между Мартой и Штромомъ, такъ что они жили дружно и спокойно, если и не вполнѣ счастливо; Штромъ былъ постоянно добръ съ женою, но не могъ забыть прошлаго, раздѣлявшаго ихъ.

Гарленъ спокойно уснулъ черезъ два года послѣ соединенія Эльвиры съ лордомъ Кастертономъ; тѣло его покоится на томъ же кладбищѣ, гдѣ похоронена маркиза.

Лотти, удалившаяся послѣ его смерти въ Альтропъ, ведетъ спокойную жизнь, радуясь счастью, выпавшему на долю Эльвиры.

Графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ.

20 декабря, въ 2 часа пополудни скончался одинъ изъ полезнѣйшихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ. Человѣкъ добрый, умѣвшій входить въ положеніе людей, къ нему обращавшихся, графъ Игнатьевъ возбуждалъ къ себѣ симпатію въ представителяхъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ классовъ. При этомъ онъ обладалъ рѣдкимъ безкорыстіемъ: занимая разомъ нѣсколько должностей, онъ бралъ жалованье по одной изъ нихъ, отказываясь отъ содержанія, присвоеннаго другимъ, занимаемымъ имъ должностямъ. Въ послѣднее время своей жизни онъ состоялъ: предсѣдателемъ комитетовъ—министровъ и кавказскаго, членомъ государственнаго совѣта, предсѣдателемъ коммисіи прошеній, членомъ императорскаго человѣколюбиваго общества, почетнымъ членомъ академіи наукъ, московскаго университета и петербургской медико-хирургической академіи; жалованья же онъ получалъ всего 12,000 руб. по званію члена государственнаго совѣта.

Павелъ Николаевичъ родился 7 іюня 1797 года; онъ происходитъ изъ дворянъ тверской губерніи; образованіе получилъ въ московскомъ университетѣ. Въ службу онъ вступилъ въ 1814 году въ преображенскій полкъ подпрапорщикомъ; первый офицерскій чинъ получилъ въ 1817 году; назначенъ флигель-адъютантомъ къ государю императору въ 1825 году; въ 1828 году онъ былъ уже полковникомъ; въ 1829 году онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи, на которую было возложено изслѣдованіе злоупотребленій, по различнымъ частямъ управленія въ оренбургскомъ краѣ; въ 1834 году онъ былъ назначенъ директоромъ пажескаго корпуса, а въ 1835 произведенъ въ генералъ-маіоры; въ 1841 году былъ назначенъ начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній. Въ 1846 году, оставаясь начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній, Павелъ Николаевичъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба его величества; въ томъ же году онъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ къ его императорскому величеству. Въ 1848 году генералъ Игнатьевъ былъ назначенъ попечителемъ императорской медико-хирургической академіи, а въ 1850 году избранъ въ почетные члены этой академіи; въ 1852 году назначенъ членомъ государственнаго совѣта; въ 1853 году назначенъ витебскимъ, могилевскимъ и смоленскимъ генералъ-губернаторомъ, а на слѣдующій годъ—петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ; въ 1855 году избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета, а въ 1856 году членомъ академіи наукъ; произведенъ въ генералы отъ инфантеріи въ

1859 году. Въ 1861 году генералъ Игнатьевъ уволенъ отъ должности петербургскаго военнаго губернатора. Съ тѣхъ поръ генералъ Игнатьевъ, состоя членомъ государственнаго совѣта и дѣятельно участвуя въ его работахъ, занималъ много должностей въ различныхъ комитетахъ и комиссіяхъ. Въ 1867 году, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія служенія его въ офицерскихъ чинахъ, Павлу Николаевичу пожалованъ орденъ Андрея первозваннаго. Въ 1864 году генералъ Игнатьевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи прошеній, а въ 1872 году предсѣдателемъ комитета министровъ. 12 декабря 1877 года Павелъ Николаевичъ возведенъ въ графское достоинство съ нисходящимъ потомствомъ.

числу лучшихъ произведеній Грюцнера: здѣсь художникъ предлагаетъ не этюдъ съ натуры отдѣльнаго какого-нибудь католическаго монаха, а цѣлую группу, цѣлую сцену, удачно задуманную, очень ловко исполненную, полную свойственнаго художнику юмора.

Въ пивной. Вотъ и еще пиръ, но пиръ, вызывающій не улыбку, а чувство грусти, — пиръ въ грязненькомъ придорожномъ шинкѣ, — пиръ подонковъ городскихъ низшихъ классовъ. Здѣсь все пьяно, все буйно. Среди этой пирующей толпы только одна молодая личность возбуждаетъ сочувствіе: это молодой работникъ, снарядившійся въ дорогу, быть можетъ, готовый отплыть въ Америку искать новаго счастья въ «Новомъ

я промыслилъ на превысочайшую царскую степень такого великаго и праведнаго царя». Христіанство православное было въ недоумѣніи, въ скорби многой, въ плачѣ неутѣшномъ...» Такъ говорится объ этой сценѣ избранія на царство Бориса Годунова, которую передаетъ рисунокъ.

Рѣшительная минута. Сынъ знаменитаго художника К. Каульбаха, Ф. Каульбахъ, давно уже стяжалъ себѣ за границей довольно почетную извѣстность. Одно изъ послѣднихъ, вышедшихъ изъ-подъ его кисти произведеній, «Рѣшительная минута», очень граціозна: передъ зрителемъ одно изъ уединенныхъ мѣстечекъ парка, на скамьѣ сидитъ пара влюбленныхъ, онъ повидимому задаетъ ей одинъ изъ тѣхъ вопросовъ,

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ГЕНЦЕЛЕРА.

Въ пивной.

Рѣзано на деревѣ въ Лейпцигѣ.

Добрую память оставилъ по себѣ покойный графъ, какъ человѣкъ гуманный и безукоризненной честности и полезный государственный дѣятель.

Къ рисункамъ.

Во время призыва къ вечерней молитвѣ. Картина Грюцнера переноситъ насъ въ монастырскій погребокъ, именно въ ту минуту, когда съ монастырской колокольни послышался призывъ къ вечерней молитвѣ: пирующіе мгновенно стихли, какъ бы замерли на минуту въ тѣхъ позахъ, въ которыхъ ихъ засталъ первый ударъ колокола, набожные монахи, очевидно, творятъ вслухъ молитву... Тутъ каждая фигура полна экспресіи и жизни. Эта картина принадлежитъ къ

Свѣтѣ». Его останавливаютъ, ему предлагаютъ выпить, надъ нимъ смѣются, но онъ уже всталъ и готовъ бѣжать отъ этой оргіи гуляющей нищеты. Вотъ содержаніе этой небольшой, но прекрасно исполненной картины нѣмецкаго художника.

Призваніе Бориса Годунова на царство. «Въ понедѣльникъ (тяжелый день!) на масляницѣ, 20 февраля 1598 года, послѣ молебна, патріархъ Іовъ, этотъ смиренный слуга Бориса Годунова, съ духовенствомъ, боярами и всенароднымъ множествомъ, отправился въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ Борисъ жилъ съ сестрою; со слезами били эти люди челомъ, много молили Годунова о принятіи царскаго вѣнца и получили отказъ, такъ какъ Годуновъ отвѣчалъ: «Какъ прежде я говорилъ, такъ и теперь говорю, не думайте, чтобъ

которые опредѣляютъ все будущее женщины. Страстное и настойчивое выраженіе его лица, испугъ, написанный на ея лицѣ, схвачены очень удачно и вы понимаете, что дѣйствующія лица переживаютъ дѣйствительно «рѣшительную минуту», что дѣло идетъ о «жизненномъ вопросѣ». Мы не объясняемъ остальныхъ картинъ, такъ какъ ихъ содержаніе ясно само собою: дѣвочка съ цвѣтами» и «мальчикъ, стреноживающій лошадь»,—это этюды съ натуры.

Смѣсь.

— Еще объ исправленіи носовъ. Редакція получила замѣтку слѣдующаго содержанія: «Въ № 29 «Живописнаго Обозрѣнія» за 1879 г. помѣщена статья: «Исправленіе носовъ». Въ статьѣ

этой говорится, что нѣмцы берутся даже за исправленіе носовъ. Можно изъ этого заключить, что русскіе этого дѣлать не могутъ. Въ опроверженіе чего я прилагаю рисунокъ искуственнаго носа, оперированнаго докторомъ Орловымъ, въ г. Боровичахъ (новг. губ.) у 16-лѣтней дѣвицы. Изъ двухъ прилагаемыхъ рисунковъ на 1-мъ имѣются остатки носа, хрящи и черная дыра—мѣсто надпереносья, гдѣ лежатъ носовыя кости въ нормальномъ состояніи, и которые въ такомъ случаѣ

Графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ.

не существуютъ; болѣе темный фонъ около дыры, мѣсто язвы, распространившейся на окружность. На рисункѣ 2-мъ изображенъ искуственный носъ, закрывшій дыру, язву и совершенно измѣнившій физіономію, и взятый съ лба, какъ это еще видно по штрихамъ расходящимъ отъ корня носа въ сторону по лбу.

— **Совpасы безъ узды, — юмористическіе разсказы Н. А. Лейкина.** Нѣтъ никакого сомнѣнія, что новый томъ разсказовъ Н. А. Лейкина будетъ встрѣченъ публикой съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ были встрѣчены и прежнія его изданія. Г. Лейкинъ — почти единственный у насъ талантливый юмористъ, выбравшій себѣ предметомъ наблюденій мелкое купечество и дворниковъ Петербурга. Понятно, какъ широко, можно сказать, безгранично поле его наблюденій. Они-то и составляютъ типъ «совpасовъ безъ узды», — слѣдуя выраженію г. Лейкина, — которыхъ онъ изучаетъ съ интересомъ и даже съ любовью, — любовью художника, конечно. Изучаетъ онъ ихъ во всѣхъ особенностяхъ ихъ жизненной обстановки, въ частной жизни, на поприщѣ ихъ общественной дѣятельности, дома и на улицѣ, въ гостинномъ дворѣ и на гуляньи, въ сношеніяхъ съ публикой и въ семейной обстановкѣ. Онъ знакомитъ насъ съ ихъ общественными идеалами, политическими мнѣніями, взглядами на семью, литературу, нравственность. Однимъ словомъ, разсказы г. Лейкина, это, — если можно такъ выразиться, — обширная и довольно обстоятельная монографія въ белетристической формѣ, — купца, дворника, горничной, лакея, перевозчика. Можетъ быть, въ этой монографіи читатель замѣтитъ нѣкоторое однообразіе психическихъ чертъ, увидитъ нѣкоторую односторонность и шаржъ въ изображеніи типическихъ особенностей, можетъ быть, онъ скажетъ даже, что такая картина не только одностороння, но даже, пожалуй, поверхностна, такъ какъ авторъ изображаетъ одними и тѣми же красками, какъ купца, такъ и дворника, или солдата, надѣляетъ ихъ одними и тѣми же своеобразными выраженіями, видитъ въ нихъ одно лишь проявленіе того, что называется: нраву моему не препятствуй, — но если въ частностяхъ картина не полна, карикатурна, схвачена на лету, — то въ цѣломъ она все-таки знакомитъ насъ съ нашими Титъ Титычами и даетъ вѣрное понятіе о ихъ нравственномъ и умственномъ кругозорѣ, — даетъ въ легкой, талантливой и остроумной формѣ.

— **Ель** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Эти дни ель играетъ большое значеніе въ жизни оби-

тателей столицы. Не мѣшаетъ познакомиться болѣе близко съ этимъ деревомъ. Ель принадлежитъ къ семейству елевыхъ изъ отряда шишконосныхъ или хвойныхъ. У насъ ель заходитъ на сѣверъ до мѣстъ съ температурой + 1°. Южная граница распространенія ея слѣдующая: отъ сѣверныхъ уѣздовъ волынской губерніи черта поднимается къ верху чрезъ сѣверный уголъ кіевской губерніи, проходитъ затѣмъ чрезъ черниговскую губернію, перебираясь въ уѣзды брянскій, карачевскій и трубчевскій орловской губерніи; въ тульской губерніи ели нѣтъ, а является она опять въ рязанской, тянется затѣмъ на сѣверо-востокъ чрезъ сѣверныя половины тамбовской и пензенской губерній и, завернувъ чрезъ самарскую, достигаетъ уральскихъ горъ пониже Уфы. Ель можетъ достигать до 22 саженъ (150 футовъ) высоты и до 300-лѣтняго возраста. Не вдаваясь въ естественно-историческое описаніе ели, такъ какъ каждый можетъ легко ознакомиться съ нею въ натурѣ, скажемъ лишь о той пользѣ, которую она приноситъ. Мнѣ случалось слышать не только отъ женщинъ, но даже и отъ мужчинъ мнѣніе, что ель идетъ лишь на дрова и елки. Ель служитъ какъ подстилка для скота. Кора ея употребляется для дубленія кожъ тамъ, гдѣ дубовая кора обходится очень дорого. Дубильное вещество находится только въ лубяномъ слоѣ коры. Затѣмъ ель употребляется съ успѣхомъ для живыхъ изгородей, а также въ крестьянскихъ постройкахъ. Сѣмена ель приноситъ только въ позднемъ возрастѣ, рѣдко ранѣе 50 лѣтъ. Кромѣ обыкновенной ели въ лѣсахъ Россіи растетъ еще ель сибирская. Этотъ видъ ели отличается преимущественно по шишкамъ.

— **Изящное изданіе.** С.-петербургскій фотографъ, г. Шапиро, издалъ альбомъ, заключающій въ себѣ портреты пяти извѣстныхъ русскихъ писателей: гг. Гончарова, Достоевскаго, Салтыкова (Щедрина), Тургенева и покойнаго Некрасова. Всѣ портреты исполнены хорошо и обведены красивой рамкой въ русскомъ стилѣ. Цѣна альбома, принимая въ расчетъ изящество изданія, недорогая: 5 руб. Альбомъ можно пріобрѣтать и въ красивой папкѣ, цѣна которой, отдѣльно отъ альбома, 1 руб. Этотъ альбомъ можетъ служить очень хорошимъ подаркомъ во время праздниковъ.

— **Картина Сальватора Роза** найдена въ маленькомъ городкѣ Богеміи. Она изображаетъ бурю на берегу Адріатическаго моря и оцѣнена въ 1,250 ф. ст.

— **Землетрясеніе.** 4-го декабря были признаки землетрясенія въ Женевѣ.

— **Подкрашиванье кофе.** Среди множества фальсификацій, поддѣлокъ, подмѣшиваній и подкрашиваній тѣхъ или другихъ товаровъ, подкрашиванье кофе занимаетъ не послѣднее мѣсто. Почти весь кофе, получаемый напримѣръ у насъ, или подкрашивается, или подмѣшивается разными дешевыми сурогатами. Въ какихъ размѣрахъ производится эта фальсификація, это уже видно изъ того, что, напримѣръ, въ Гамбургѣ этому дѣлу отведенъ цѣлый очень обширный домъ, рисунокъ котораго мы заимствовали изъ альбома г. Циммермана. Въ этомъ домѣ поддѣлка кофе идетъ почти исключительно для Россіи. Само зданіе очень оригинально по постройкѣ: здѣсь вы видите входныя двери, похожія на ворота, во всѣхъ этажахъ; въ эти двери по доскамъ можно втянуть мѣшки; изъ этихъ дверей легко спустить внизъ мѣшки съ кофе.

— **Смерть въ различные часы дня.** Извѣстный лондонскій врачъ, Лаусонъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій сообщаетъ множество интересныхъ наблюденій надъ временемъ смерти. Оказывается, что въ хроническихъ болѣзняхъ смерть наступаетъ преимущественно въ 8—10 ч. утра и рѣже всего вечеромъ. Въ острыхъ же болѣзняхъ умираютъ или рано утромъ, или поздно вечеромъ. Это наблюденіе вполнѣ согласно съ теоріей, такъ какъ утромъ жизнедѣятельность очень слаба, а къ вечеру возрастаетъ, то отсюда ясно, почему хроническіе больные умираютъ чаще всего утромъ. Усиленіе же лихорадочныхъ припадковъ по вечерамъ и происходящее вслѣдствіе этого ослабленіе организма служитъ причиной того, что въ острыхъ болѣзняхъ умираютъ большею частью вечеромъ.

— **Дѣйствіе лимона на долговѣчность.** Вильгельмъ Шмоле, докторъ философіи и медицины и профессоръ патологіи, издалъ недавно книгу, въ которой даетъ наставленіе «какимъ образомъ продлить и усладить человѣческую жизнь новыми средствами раціональной медицины». Германскій докторъ совѣтуетъ людямъ съѣдать извѣстное количество лимоновъ и гарантируетъ имъ жизнь на вѣки. Онъ зналъ, какъ самъ говоритъ, извѣстную даму, которая въ свою очередь знала одного господина, дожившаго до 120 лѣтъ; это былъ графъ Вальдеекъ, извѣстный художникъ въ Парижѣ. Гр. Вальдеекъ съѣдалъ каждую весну цѣлыя горы моркови, приправленной лимоннымъ сокомъ, и этому именно обязанъ онъ столь долгой жизнью. Не столько морковь, сколько именно лимоны произвели, по мнѣнію ученаго доктора, это благопріятное вліяніе на организмъ старика. Книга доктора Шмоле напечатана въ Боннѣ въ мѣстной университетской типографіи и заключаетъ цѣлыя наставленія о долговѣчности съ помощью лимоннаго сока. Докторъ изъ Бонна даетъ слѣдующій совѣтъ: женщины, которымъ стукнуло сорокъ лѣтъ, должны начинать лимонное лѣченіе, съѣдая по два лимона ежедневно, мужчины того же возраста однимъ больше. Затѣмъ съ каждымъ новымъ десяткомъ лѣтъ нужно увеличивать ежедневную порцію однимъ лимономъ: такъ что, напр., шестидесятилѣтнія бабушки должны были бы съѣдать ежедневно 6, а старички 7 лимоновъ. Пріятнаго апетита! Сосчитаемъ теперь, сколько лимоновъ долженъ былъ бы съѣдать человѣкъ, который на сорокъвомъ году своей жизни началъ бы пользоваться совѣтами докт. Шмоле и желаетъ дожить до лѣтъ гр. Вальдеека, т. е. до 120 лѣтъ. Старичекъ этотъ на сотомъ году своей жизни съѣдалъ бы уже сборъ цѣлой плантаціи, а на 120-мъ году вся Италія съ трудомъ доставляла бы ему это раціонное средство противъ смерти. Мечты о садахъ Геспериды, яблоки Фреи, которыя придавали богамъ вѣчную молодость, перешли-бы, судя по словамъ доктора Шмоле, въ дѣйствительность. Авторъ лимоннаго лѣченія признается, что долго въ званіи доктора работалъ въ Америкѣ, что прочелъ все, что относится къ медицинѣ, и слушалъ лекціи извѣстнѣйшихъ научныхъ свѣтилъ. Жаль только, прибавляетъ одна изъ французскихъ газетъ, что почтенный профессоръ патологіи не признается, гдѣ онъ получилъ дипломъ на званіе доктора и благодѣтеля человѣчества.

— **Изъ-за телеграмы.** Въ одну изъ телеграфныхъ станцій Парижа пришелъ недавно какой-то господинъ и подалъ телеграму. Чиновникъ, прочтя ее, подозрительно взглянулъ на подателя и попросилъ его подождать. Чрезъ нѣсколько минутъ является полицейскій комисаръ. Телеграфистъ, указавши ему на поданную телеграму, высказалъ предположеніе, что здѣсь кроется, должно быть, ужасное преступленіе. Содержаніе ея: «Я нашелъ хорошее средство отправить Ф. на тотъ свѣтъ. Мери», показалось подозрительнымъ также и комисару, почему онъ и поспѣшилъ арестовать подателя телеграмы, ждавшаго въ сосѣдней комнатѣ. Въ тотъ же день дѣло разъяснилось. Оказалось, что податель, драматическій писатель Мери, увѣдомлялъ своего товарища, Дюкола, съ которымъ онъ вмѣстѣ писалъ драму, что онъ нашелъ средство заставить умереть героя пьесы, Фору. Префектъ полиціи поспѣшилъ извиниться предъ писателемъ, такъ неожиданно попавшимъ въ бѣду.

— **Происшествіе въ звѣринцѣ.** Въ Тованда, въ Пенсильваніи, давалось недавно представленіе волтижеровъ, привезшихъ съ собою и звѣринецъ. По окончаніи представленія происходило, по обыкновенію, при зрителяхъ кормленіе звѣрей, которые при этомъ были отведены въ различныя клѣтки; точно также было поступлено съ двумя львами и тигрицей, отдѣленныхъ другъ отъ друга только опускною рѣшеткою. Но прежде, чѣмъ животные кончили свой обѣдъ, рѣшетку эту нечаянно отворили; предъ тигрицей лежалъ еще кусокъ сырого мяса и она уже намѣревалась схватить желанную добычу, какъ вдругъ царь звѣрей наложилъ на нее свою лапу. Укротитель, Дональдъ, приказалъ ему подняться, но такъ какъ левъ не слушался его, онъ попытался насильно вырвать у него мясо вилою. Левъ страшно зарычалъ. Тогда, ко всеобщему изумленію и ужасу, Дональдъ вбѣжалъ въ клѣтку и всталъ между звѣрями, левъ бросился на хозяина и, ударивъ его лапою въ грудь, вырвалъ мясо, повалилъ на землю и разодралъ ему когтями бедро, когда подоспѣвшій на помощь товарищъ Дональда оттащилъ этого послѣдняго къ двери. Зрѣлище было ужасное; многія дамы упали въ обморокъ, дѣти кричали, поднялось всеобщее замѣшательство, какъ вдругъ укротитель звѣрей, собравъ послѣднія силы, поднялся на ноги и, устремивъ на льва пристальный взглядъ, подошелъ къ нему и ласково сказалъ: «Недь, что это съ тобой? неужели ты хочешь умертвить лучшаго твоего друга?» Левъ, какъ бы понявъ смыслъ каждаго изъ сказанныхъ словъ, посмотрѣлъ на землю, приблизился къ куску мяса, указалъ на него, затѣмъ кротко улегся у ногъ укротителя и сталъ лизать ему руки.

— **Штраусъ — носильщикъ гробовъ.** Царь вальсовъ Іоганъ Штраусъ имѣлъ обыкновеніе продавать тряпичнику свое поношенное платье; но, конечно, черезъ кого-нибудь, такъ чтобы покупатель не зналъ имени владѣльца. Однажды тряпичникъ, пересматривая принесенные ему для продажи сюртукъ и фракъ, замѣтилъ принесшему ихъ:

— Надо бы посовѣтовать этому господину не всегда переносить на лѣвомъ плечѣ!

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что если бы онъ иногда, хотя бы для разнообразія, несъ на правомъ плечѣ, вещи не были бы истерты всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Что съ вами? Неужели вы думаете, что господинъ, которому принадлежитъ это платье, носильщикъ?

— Ужъ знаю, сказалъ тряпичникъ, подмигивая съ видомъ знатока.—Меня не проведешь, я съ перваго раза догадался, что это платье продаетъ мнѣ одинъ изъ представителей погребенія.

Конечно, читатель догадывается, что постояннымъ треніемъ скрипки о лѣвое плечо, образовались пятна, которыя и сдѣлались причиною этого недоразумѣнія.

— **Покровъ.** Къ числу религіозныхъ обязанностей султана относится ежегодная посылка въ Мекку драгоцѣннаго шелковаго покрова для священнаго храма въ Каабѣ. Доставка этого покрова поручается придворному чиновнику, который отправляется изъ Константинополя, черезъ Бейрутъ прямо въ Дамаскъ, гдѣ и пристраивается къ большому каравану богомольцевъ, отправляющемуся въ Мекку. Въ Алеппо, (въ Сиріи) живетъ одинъ престарѣлый дервишъ, который уже 59-й разъ сопровождаетъ султанскій подарокъ къ мѣсту назначенія. Путь туда и обратно продолжается 5 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, въ настоящемъ году, почтенный дервишъ совершаетъ прогулку въ 60-й разъ. Шейхъ-Ибрагимъ, такъ зовутъ старца, во время тяжкой болѣзни далъ обѣтъ сопровождать ежегодно султанское покрывало и обѣтъ этотъ исполняется имъ свято.

— **Загадочное дѣтоубійство.** Въ окрестностяхъ города Греца близъ Штофтинской долины толпа играющихъ дѣтей замѣтила изящно одѣтую молодую даму, которая несла въ рукахъ шкатулку. Пройдя нѣсколько разъ взадъ и впередъ, дама остановилась поодаль отъ дѣтей около дерева; тутъ она зарыла что-то въ землю и затѣмъ поспѣшно удалилась. Лихорадочное волненіе дамы и необыкновенная быстрота, съ которою она спѣшила удалиться, бросилась въ глаза игравшимъ дѣтямъ; они побѣжали разсказать объ этомъ происшествіи. Собрался народъ, стали отрывать землю и нашли шкатулку; когда раскрыли ее, то изумленнымъ взорамъ присутствующихъ представился трупъ новорожденнаго ребенка, тщательно уложенный въ деревянную шкатулку. Толпа бросилась вслѣдъ за скрывшей-

ся дамой; ее удалось настигнуть на дорогѣ; она оказалась нѣкоей дѣвицей Камиллой, учительницей французскаго языка, вращающейся въ самыхъ высоко-аристократическихъ домахъ. Дальнѣйшее слѣдствіе обнаружило, что она не можетъ подлежать подозрѣнію въ дѣтоубійствѣ, такъ какъ врачебная экспертиза констатировала ея дѣвственность. Личность преступницы пока неизвѣстна.

— **Разводъ.** Самое большее число случаевъ развода насчитывается въ штатѣ Огіо, въ Америкѣ. Тамъ на 10 свадебъ непремѣнно случается одинъ разводъ. Въ 1878 году, въ Огіо заключено было 25,796 браковъ, а вначалѣ этого года состоялось 1,394 бракоразводныхъ процесовъ. Число это, постепенно увеличиваясь, дошло къ концу настоящаго года до 2,024. Количество оконченныхъ процесовъ равняется 1,432.

— **Крупная торговля.** 25 октября происходило въ Парижѣ торжественное открытіе расширеннаго зданія извѣстныхъ «Grands magasins du Lovre». — Въ настоящее время всѣхъ соединенныхъ залъ магазина — 365, столько, сколько дней въ году. О движеніи и дѣятельности этого громаднаго предпріятія можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Апараты, контролирующіе число лицъ, посѣщающихъ ихъ магазины и устроенные при трехъ главныхъ входахъ отъ площади Пале-Рояль, улицъ — Риволи, Маренго и св. Гоноріи, показали, что впродолженіи этого дня въ магазины Лувра вошло 64,921 лицо. Общія кассы магазиновъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, обнаружили, что выручка въ этотъ день достигла небывалой, колосальной цифры — 1.135,372 ф. 8 сант. Шелковыхъ матерій продано на 400,000 фр., однихъ зонтовъ продано въ этотъ день на 7,000 фр., шелковыхъ платковъ на 25,000 и искуственныхъ цвѣтовъ на 35,000 фр. Администрація магазиновъ получила въ этотъ день по утру 4,821 письмо изъ разныхъ странъ свѣта. Кромѣ телеграфнаго, почтоваго и телефоннаго бюро, буфета, читальни, мѣняльной и справочной конторы, въ настоящее время въ магаз. Лувра прибыла еще одна особенность въ распоряженіе посѣтителей. Въ одной изъ верхнихъ залъ стоитъ удобное кресло; если сѣсть на него, апаратъ, помѣщающійся при десятичныхъ вѣсахъ, одновременно печатаетъ на бланкѣ фирмы цифру взвѣшиваемаго лица. Въ день открытія магазиновъ 3237 любопытныхъ могло удовлетворить себя въ этомъ отношеніи.

— **Гостинницы въ Нью-Іоркѣ.** Въ 15 первоклассныхъ гостинницахъ въ Нью-Іоркѣ, которыя немногимъ отличаются отъ 108 второстепенныхъ, впродолженіи года проживало разновременно 1,500,000 человѣкъ, заплатившихъ круглымъ счетомъ 14 милліоновъ доларовъ. Въ этихъ 15 гостинницахъ выходитъ еженедѣльно 54,600 фунтовъ разныхъ продуктовъ; говядины въ годъ 600,000 фунтовъ, рыбы 600,000 и кромѣ того 5,000,000 яицъ, 1,500,000 живности и дичи, 10,000 бочекъ муки, 20,000 бочекъ картофелю, 150,000 фунтовъ кофе, 35,000 фунтовъ чаю, 700,000 фунтовъ сахару, 1,500,000 квартъ молока, 170,000 квартъ сливокъ и 450,000 фунтовъ масла. Прачечныя этихъ гостинницъ моютъ ежегодно 19,000,000 штукъ бѣлья. На 60 милліоновъ кубическихъ футовъ ежегодно сжигается освѣтительнаго газа и каменнаго угля 25,000 тоннъ. Льду на эти заведенія расходуется 12,000 тоннъ въ годъ. Въ названныхъ 15 гостинницахъ имѣется 4,662 компаты, въ которыхъ удобно помѣщается 6,030 персонъ, а въ крайности и 7,640. Гостей ежедневно прибываетъ и уѣзжаетъ среднимъ числомъ 3,925 человѣкъ; служащихъ въ гостинницахъ 1,456 женщинъ и 1,479 мужчинъ. Экипажей, которыми пользуются жильцы, конечно, за высокую плату, насчитываютъ до 396 штукъ. Круглымъ счетомъ каждый жилецъ гостинницы издерживаетъ ежедневно около десяти доларовъ.

— **Первая всемірная выставка въ Австраліи.** Никогда еще Сиднейская гавань не представлялась въ такомъ прелестномъ видѣ, какъ 15-го сентября въ день открытія большой международной выставки. Небо, которое въ предъидущіе дни открыло свои шлюзы и проливало такіе потоки дождя, какіе способно проливать только австралійское небо, теперь синее и ясное, отражалось въ прозрачныхъ волнахъ, на которыхъ раскачивались корабли всѣхъ частей свѣта, въ праздничномъ убранствѣ, разукрашенные флагами и вымпелами всевозможныхъ цвѣтовъ. Между ними особенно отличались высотою и стройностью мачтъ, военные суда Великобританіи, Германіи, Франціи и Австріи. Въ губернаторскомъ паркѣ, рядомъ съ флагомъ Австраліи, легкій вѣтерокъ развѣвалъ англійскіе, французскіе и австрійскіе флаги. Весь городъ былъ разукрашенъ; улицы пестрѣли разнородными костюмами всевозможныхъ національностей. Тутъ были и европейцы, и американцы, а также японцы, которыхъ такъ легко всюду узнать, даже и тогда, когда они одѣты въ безукоризненное европейское платье, отъ лучшаго портнаго. Готовность, съ которою многіе европейскія страны приняли приглашеніе Австраліи, превзошла ожиданія. Вначалѣ, имѣлась въ виду простая національная

(См. стр. 556).

выставка, но нѣкоторые австралійцы, посѣтившіе въ прошломъ году Парижъ, превратили на скорую руку эту частную выставку въ международную. Великобританія прислала 800 представителей промышленности и 513 — искуства; Австрія — 170, Германія — 704, Франція — 350 экспонентовъ. Бельгія прислала продукты отъ 236 торговыхъ домовъ и фабрикъ и 50 картинъ. Кромѣ того, въ выставкѣ приняли участіе Италія, Соединенные штаты, Голландія, Японія и Швейцарія. Въ день открытія, площадь передъ зданіемъ выставки, не была еще вполнѣ очищена отъ остатковъ строительнаго матерьяла, да и самое зданіе не успѣли еще окончательно разукрасить. Внутри многія отдѣленія были завѣшаны отъ зрителей, потому что вещи не успѣли еще вынуть изъ ящиковъ и разставить, но всѣ эти мелкія неисправности не мѣшали счастливымъ австралійцамъ гордиться такимъ торжествомъ, какъ открытіе международной выставки въ городѣ, который не дальше какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, состоялъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ бараковъ. Къ празднеству стеклись представители всѣхъ сосѣднихъ колоній и всевозможныхъ обществъ Ольдфело, Форестеръ, Друида и прочія, въ своихъ живописныхъ и оригинальныхъ костюмахъ, въ сопровожденіи милиціи и пожарныхъ командъ. Воины разныхъ родовъ оружія проходили процесіями по улицамъ города; на каждомъ шагу попадались красные мундиры пѣхотинцевъ, синіе — артилеристовъ. Присутствіе этихъ послѣднихъ въ особенности всѣхъ удивляло, такъ какъ по случаю дождей, безостановочно лившихъ послѣднее время, артилеристамъ запрещено было отдалиться отъ ихъ квертиръ, находящихся за городомъ. Что именно имѣлось въ виду щадить при этомъ распоряженіи — самихъ-ли людей или ихъ мундиры, неизвѣстно. Среди большого павильона выставки, на пьедесталѣ изъ котораго бьетъ фонтанъ, возвышается статуя королевы Викторіи, высоко чтимой вдовы обожаемаго австралійцами принца. На большой эстрадѣ въ концѣ залы, украшенной тропическими растеніями, приготовлены мѣста для представителей иностранныхъ державъ. Къ нимъ присоединились акредитованные въ Сиднеѣ консулы, офицеры стоящихъ въ Сиднейской гавани судовъ и прочіе власти сосѣднихъ колоній. Органъ, четыре рояля (фабрикъ Ашерберга и Шидмаера) и сорокъ другихъ инструментовъ служили акомпаниментомъ кантатѣ, исполненной хоромъ изъ семи сотъ пѣвчихъ. Кантата эта была сочинена австралійскимъ музыкантомъ, а текстъ ея написанъ австралійскимъ поэтомъ. Большой эфектъ производило присоединеніе къ хору двухъ сотъ дѣтскихъ голосовъ изъ народныхъ школъ всѣхъ колоній. Послѣ того, какъ директоръ прочелъ адресъ, а губернаторъ объявилъ выставку открытой, пушечная пальба съ кораблей 19-тью выстрѣлами привѣтствовала поднимающійся штандардъ и публика была допущена на выставку, не взирая на то, что за исключеніемъ голландскаго отдѣла и нѣкоторыхъ другихъ, всѣ прочіе не были еще готовы. Австралійскія колоніи хвастались одна передъ другой сокровищами золота, мѣди, цинка, каменнаго угля, произведеніями земледѣлія и скотоводства, а также продуктами промышленности и искуства, какъ напримѣръ, оригинальными издѣліями изъ золота и изъ другихъ металовъ. Голландія прислала обращики своихъ знаменитыхъ ликеровъ, спиртовъ и разныхъ другихъ напитковъ, множество трубокъ и сигаръ, и съумѣла разставить всѣ эти соблазнительныя вещи самымъ привлекательнымъ образомъ. Италія щеголяла разнообразнѣйшими произведеніями искуства. Бельгія роскошною мебелью, стеклянными издѣліями, коврами, чугуномъ и локомотивами. Франція, и тутъ какъ и вездѣ, отличалась блестящимъ вкусомъ, съ которымъ были разставлены въ ея прелестномъ павильонѣ, всевозможныя бездѣлушки изъ бронзы и фарфора, драгоцѣнности, обувь и платье. Англія отличалась большею солидностью; изъ всѣхъ городовъ ея были присланы ткани, фарфоръ, стекло и т. п. самаго высокаго достоинства. Рядомъ съ продуктами, вывезенными изъ о-въ Фиджи, Цейлона и другихъ, американцы выставили произведенія своихъ заводовъ и фабрикъ, отличавшіяся солидностью и практичностью. Послѣднія качества всего болѣе цѣнятся австралійцами, которые привыкли покупать лакированныя издѣлія и посуду у японцевъ. Германскіе и австрійскіе отдѣлы не совсѣмъ еще готовы, но изъ того, что уже у нихъ выставлено, можно заключить, что произведенія этихъ двухъ государствъ займутъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ на выставкѣ. Пока главной приманкой публики служатъ колокола и оркестріонъ.

— **Путешествіе на лошадяхъ изъ Парижа въ Ниццу черезъ Вѣну.** Въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, подобное путешествіе представляетъ не малый курьезъ. Графъ Осмондъ, совершившій недавно это оригинальное путешествіе, не принадлежитъ, какъ знаменитый маэстро Россини, къ числу людей, которымъ желѣзныя дороги внушаютъ непреодолимый ужасъ, но онъ такое множество разъ объѣздилъ Европу этимъ

путемъ, что ему захотѣлось отдохнуть отъ такого однообразнаго способа передвиженія и съѣздить въ экипажѣ, запряженномъ лошадьми, какъ бывало ѣздили въ доброе старое время, изъ Парижа въ Ишль, а оттуда въ Вѣну. Здѣсь онъ намѣренъ отдохнуть нѣсколько недѣль; затѣмъ, тѣмъ же способомъ добраться до Ниццы, а тамъ, заглянуть въ Испанію и вернуться въ Парижъ. Страстный охотникъ, графъ Осмондъ лишился, вслѣдствіе несчастнаго случая на охотѣ, кисти лѣвой руки, но это не мѣшало ему править лошадьми во время своей оригинальной экскурсіи: онъ привязывалъ къ лѣвой рукѣ возжи, а въ правой держалъ бичь.

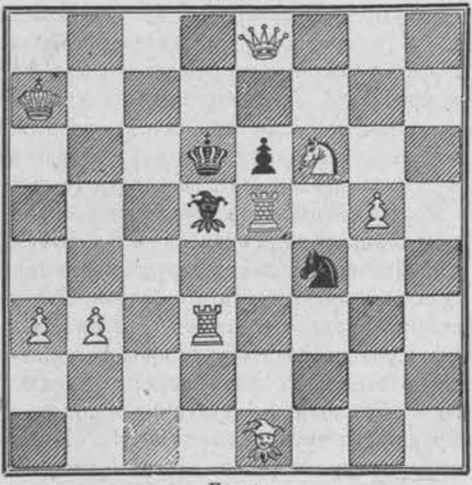
— **Кабинетъ Тьера** остался въ томъ же видѣ, въ которомъ онъ былъ, когда хозяинъ его вышелъ изъ него въ послѣдній разъ. Кабинетъ находится во второмъ этажѣ, освѣщенъ сверху, стѣны уставлены большими шкапами, наполненными книгами, на этажеркахъ и стѣнахъ различные предметы роскоши. Письменный столъ покрытъ бумагами и книгами, раскиданными въ безпорядкѣ; на самомъ видномъ мѣстѣ лежитъ 12-й томъ сочиненій Платона съ остроумными замѣтками Тьера на поляхъ. Среди стола стоитъ статуэтка Мирабо. Комнату украшаютъ фамильные портреты, среди которыхъ выдѣляется большое знамя изъ чернаго бархата, присланное городомъ Бельфоромъ. Тьеръ имѣлъ привычку работать въ этой комнатѣ съ пяти часовъ утра; въ девять часовъ являлся его секретарь и читалъ ему вслухъ разныя путешествія до завтрака. Календарей онъ терпѣть не могъ, и часто забывалъ выставлять число на своихъ письмахъ.

Шахматный отдѣлъ.

ЗАДАЧА № 9.

А. Арнелля. (въ Готеборгѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе задачи № 5 (въ № 48)

1. Кр d1—e1 / Какъ угодно. 2. Ф или Кн X

Правильное рѣшеніе сообщили: *К. Сердешневъ, А. Обуховскій, С. Давыдовъ, А. Кореберъ, Д. Чайковскій.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ. При этомъ нумерѣ выдается и разсылается всѣмъ гг. подписчикамъ литературная премія, состоящая изъ 5-ти листовъ и 5-ти рисунковъ. Содержаніе ея: 1) Фальстафъ, 2) Передѣлка „Виндзорскихъ кумушекъ“ Екатериною II, ст. В. В. Чуйко и 3) Виндзорскія кумушки, комедія Шекспира.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 51-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 22-го декабря въ 6 час. 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 23-го декабря въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій

При этомъ 52 нумерѣ «Жив. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ «Литературная премія» и приложеніе: «Руководство къ Гигіенѣ».

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 28 Декабря 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. 12.)

ВЕСЕЛЫЯ ВИНДЗОРСКІЯ КУМУШКИ.

КОМЕДІЯ

ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА.

Прозаическій переводъ **Н. И. Шульгина**. Стихи **П. И. Вейнберга**. Вступительная статья **В. В. Чуйко**.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

за 1879 годъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

1879.

ВЕСЕЛЫЯ ВИНДЗОРСКІЯ КУМУШКИ.

КОМЕДІЯ

ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

за 1879 годъ.

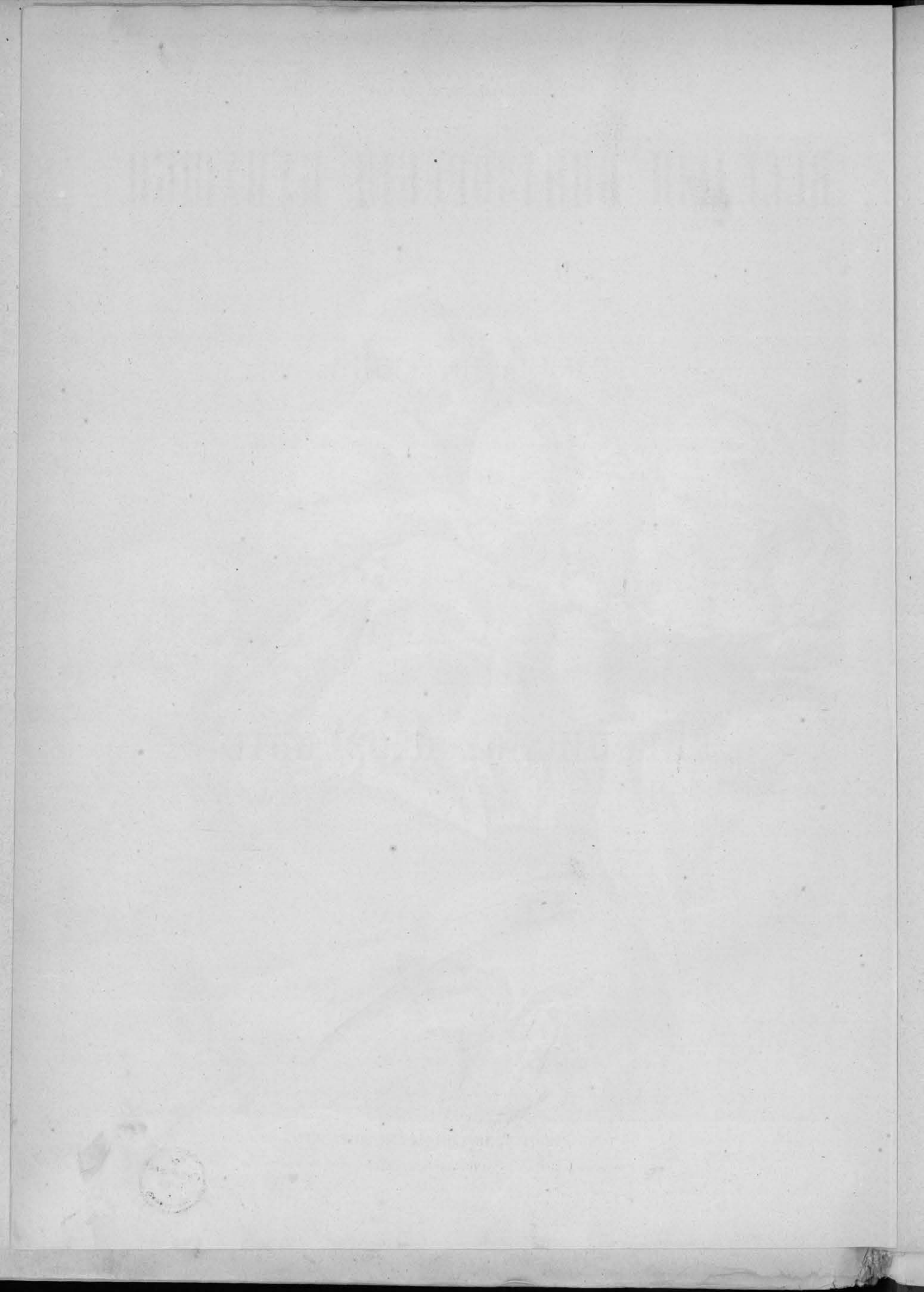
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1879.

РИСУНОКЪ М. ЗИЧИ.

СЭРЪ ДЖОНЪ ФАЛЬСТАФЪ СРЕДИ ЖЕНЩИНЪ.

Рѣзано на деревѣ по рисунку **Н. А. Богданова** въ «**Варшавской политипажнѣ**».

ВЕСЕЛЫЯ ВИНДЗОРСКІЯ КУМУШКИ.

КОМЕДІЯ

ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА.

Прозаическій переводъ **Н. И. Шульгина.** Стихи **П. И. Вейнберга.** Вступительная статья **В. В. Чуйко.**

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

за 1879 годъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

1879.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го Октября 1879 года.

СЭРЪ ДЖОНЪ ФАЛЬСТАФЪ И „ВЕСЕЛЫЯ ВИНДЗОРСКІЯ КУМУШКИ".

(ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.)

I.

амый вопросъ о томъ, когда именно была написана комедія «Веселыя виндзорскія кумушки»(The merry wives of Windsor), составляетъ довольно запутанный, но не лишенный интереса вопросъ шекспировской исторической критики. Въ каталогахъ книгопродавцевъ мы встрѣчаемъ прежде всего слѣдующую запись, помѣченную 18-мъ января 1602 года: «Джонъ Бесби. Превосходная и забавная комедія сэра Джона Фольстофа (Faulstof) и веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ.—Артуръ Джонсонъ. Вслѣдствіе заявленія Джона Бесби, книга подъ заглавіемъ превосходная и забавная комедія сэра Джона Фольстофа и веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ».—Благодаря такой курьезной передачѣ издательскихъ правъ, Артуръ Джонсонъ въ томъ же году (1602) издалъ первоначальный эскизъ «Веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ» подъ слѣдующимъ многорѣчивымъ заглавіемъ: «Весьма забавная и превосходно составленная комедія сэра Джона Фальстафа и веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ, перемѣшанная разнообразными и забавными выходками сэра Гуга, валлійскаго пастора, мироваго судьи Шалло и его мудраго двоюроднаго братца мистера Слендера. Съ тщеславнымъ хвастовствомъ прапорщика Пистоля и капрала Нима. Написана Вильямомъ Шекспиромъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ она была много разъ играна слугами высокопочтеннаго лорда-канцлера. И въ присутствіи ея величества, и въ другихъ мѣстахъ».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это изданіе не болѣе, какъ первоначальная обработка комедіи, которая въ своемъ настоящемъ и окончательномъ видѣ явилась только въ изданіи in folio 1623 года, черезъ семь лѣтъ послѣ смерти Шекспира. Въ 1702 году тогдашній модный драматургъ, нѣкій Джонъ Деннисъ, принаровивъ къ сценѣ дрюриленскаго театра комедію Шекспира, напечаталъ ее подъ заглавіемъ «The comical gallant», съ слѣдующимъ предисловіемъ: «Что эта комедія («Веселыя виндзорскія кумушки») достойна нѣкотораго вниманія, я замѣтилъ по многимъ причинамъ. Прежде всего, я очень хорошо зналъ (J knew very well), что она нравилась одной изъ величайшихъ королевъ, когда-либо существовавшихъ, великой не только своею мудростью въ искуствѣ управленія, но также и своимъ знакомствомъ съ изящной словесностью и своимъ тонкимъ пониманіемъ драмы, пониманіемъ, которое доказано ея удивленіемъ древнимъ. Эта комедія была написана по ея порученію и по ея указаніямъ, и она была такъ нетерпѣлива видѣть ее на сценѣ, что распорядилась, чтобъ пьеса была окончена въ четырнадцать дней (she commanded it to befinished in fourteen days); и потомъ она была, какъ говоритъ намъ преданіе, очень довольна представленіемъ». Въ 1709 году извѣстный хроникеръ Роу, въ біографіи Шекспира прибавляетъ нѣсколько новыхъ подробностей къ замѣткѣ Денниса: «Королева, говоритъ онъ,—была такъ восхищена прелестною ролью Фальстафа, въ двухъ частяхъ «Генриха IV», что поручила поэту продолжать эту роль въ новой комедіи, сдѣлавъ Фальстафа влюбленнымъ; говорятъ, что именно по этому поводу комедія и была написана». Наконецъ, въ 1710 году Джильдонъ въ своихъ «Замѣчаніяхъ къ пьесамъ Шекспира» повторяетъ съ полной увѣренностью, что королева поручила Шекспиру представить на сценѣ Фальстафа влюбленнымъ: «Я совершенно увѣренъ, прибавляетъ онъ,—что Шекспиръ окончилъ комедію въ двѣ недѣли. Вещь невѣроятная, если обратить вниманіе на то, что все такъ хорошо придумано и ведено безъ малѣйшей путаницы».

Таковы несомнѣнные факты. Преданіе, освященное тремя послѣдовательными свидѣтельствами, пріобрѣтаетъ мало-по-малу достовѣрность несомнѣннаго историческаго факта и сохраняетъ ее втеченіи всего восемнадцатаго столѣтія. Коментаторы единогласно подтверждаютъ преданіе. Попе и Теобальдъ повторяютъ его, прибавляя, впрочемъ, что произведеніе, написанное Шекспиромъ по порученію королевы, было первоначальнымъ эскизомъ, напечатаннымъ въ 1602 году, а не окончательной обработкой комедіи, вошедшей въ изданіе 1623 года. Джонсонъ, въ свою очередь, упоминаетъ о преданіи и пользуется имъ для неблагопріятнаго отзыва о «Виндзорскихъ кумушкахъ», замѣчая, что «нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать по указаніямъ другого». Наконецъ, Мэлонъ подтверждаетъ и даже объясняетъ его. Онъ думаетъ, что оно было передано Деннису и Джильдону Драйденомъ, а Драйдену Давенантомъ, и прибавляетъ вмѣстѣ съ Попе и Теобальдомъ, что оно относится къ первоначальному эскизу комедіи. Мэлонъ прибавляетъ, что комедія, набросанная, по всей вѣроятности, въ 1601 году, затѣмъ исправленная въ 1603 году, должна быть логически помѣщена передъ «Генрихомъ V», хотя хронологически она и была написана послѣ этой исторической хроники, представленной въ 1600 году. «Дѣло въ томъ, говоритъ онъ,—что хотя она должна быть читана между «второй частью Генриха IV» и «Генрихомъ V»,—какъ это было доказано Джонсономъ, — она тѣмъ не менѣе была написана послѣ «Генриха V», когда Шекспиръ уже похоронилъ Фальстафа. Шекспиръ, воскресивъ по желанію королевы сэра Джона, счелъ необходимымъ воскресить въ тоже время и всѣхъ другихъ лицъ, въ обществѣ которыхъ мы привыкли видѣть его». Эта теорія Мэлона, подтверждающая и объясняющая преданіе, была принята безпрекословно самыми авторитетными критиками XVIII столѣтія: въ Англіи—Кольриджемъ, Гезлитомъ, Скотту; въ Германіи — Тикомъ и Шлегелемъ. Тѣмъ не менѣе уже Чальмерсъ въ своей «Прибавочной Апологіи» возстаетъ противъ теоріи Мэлона, считаетъ укрѣпившееся преданіе выдумкой, говоря, что въ 1601 году—

въ эпоху казни графа Эссекса—королева Елизавета не могла быть расположена заниматься подобными шутками и, основываясь на нѣкоторыхъ сопоставленіяхъ деталей, высказываетъ совершенно новую гипотезу, изъ которой слѣдуетъ, что комедія Шекспира, написанная въ 1596 году, должна быть помѣщена и логически и хронологически передъ первой частью «Генриха IV». Противъ такого вывода протестовалъ Натанъ Дрэкъ, защищая теорію Мэлона. Завязалась горячая полемика. Найтъ, одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ англійскихъ комментаторовъ Шекспира высказался противъ Мэлона, снова подвергъ сомнѣнію преданіе и, замѣтивъ намекъ въ одномъ мѣстѣ комедіи на пріѣздъ къ англійскому двору нѣкоего графа Монбельяра въ 1592 году, утверждаетъ, что комедія была написана по этому случаю, и заключаетъ, вмѣстѣ съ Чальмерсомъ, что, будучи написана прежде первой части «Генриха IV», комедія—не болѣе, какъ прологъ къ этой части. Галіуэль предложилъ среднее мнѣніе, съ цѣлью примирить теорію Мэлона съ взглядомъ Найта; онъ соглашается со Найтомъ, что комедія написана въ ея первобытномъ видѣ въ 1592 году, но поддерживаетъ Мэлона въ томъ, что драматически она является продолженіемъ «Генриха IV». Въ 1860 году Стоунтонъ, въ превосходномъ иллюстрированномъ изданіи Джильберта, не соглашается ни съ Найтомъ, ни съ Галіуэлемъ, и возвращается безусловно къ преданію и теоріи Мэлона.

Еще нѣсколько раньше высказалъ свое мнѣніе въ этомъ вопросѣ Гервинусъ. Вотъ его слова: «Галіуэль, перепечатывая древнѣйшее изданіе этой комедіи въ запискахъ шекспировскаго общества, пытался доказать, что эта комедія вмѣстѣ съ «Генрихомъ IV» возникла въ 1592 году, на томъ основаніи, что именно въ 1592 году одинъ нѣмецкій герцогъ (виртембергскій) посѣтилъ Виндзоръ и что ему данъ былъ отъ лорда Говарда паспортъ на безденежное пользованіе почтовыми лошадьми,—обстоятельство, на которое, какъ кажется, намекаетъ Шекспиръ въ третьей сценѣ четвертаго дѣйствія. Но вѣдь Шекспиръ могъ намекнуть на этотъ случай и по-прежнимъ своимъ воспоминаніямъ; наконецъ, это обстоятельство могло быть и совсѣмъ ему неизвѣстно, такъ что предполагаемый намекъ могъ быть совершенною случайностью. Всѣ внутреннія доказательства свидѣтельствуютъ противъ предположенія, что «Виндзорскія кумушки» написаны ранѣе окончанія «ланкастерской исторіи» (1599)». Изъ этихъ словъ видно, что Гервинусъ склоняется въ пользу мнѣнія Мэлона, хотя неизвѣстно, въ какой именно мѣрѣ, такъ какъ не обозначаетъ точно года, когда, по его мнѣнію, комедія была написана. Нѣсколько далѣе онъ говоритъ: «Галліуэль полагаетъ за самое вѣроятное, что сцены этой комедіи непосредственно слѣдуютъ за изгнаніемъ Фальстафа отъ двора (т. е. что логически, комедія слѣдуетъ сейчасъ же за второю частью «Генриха IV», согласно теоріи Мэлона). Но этому противорѣчитъ еще въ древнѣйшемъ изданіи то мѣсто, гдѣ Фальстафъ восклицаетъ подъ гернскимъ дубомъ: «бьюсь объ закладъ, что шальной принцъ уэльскій воруетъ дичь своего отца!» Къ тому же и въ позднѣйшей обработкѣ этой пьесы мистеръ Фордъ весьма выразительно говоритъ Фальстафу о его обширныхъ связяхъ, о значительности его званія и личности; и даже самъ Фальстафъ говоритъ, что если бы стало извѣстно при дворѣ его превращеніе въ толстую вѣдьму (Джуліана Брентфордъ, извѣстная личность въ литературѣ XVI столѣтія), то ему не было бы проходу: изъ него вытопили бы весь жиръ, стали бы смазывать имъ сапоги, стали бы бичевать его остротами, такъ что онъ сморщился бы, какъ сушоная груша. Значитъ, надо предположить, что отношенія Фальстафа къ принцу продолжаютъ еще существовать, хотя и тутъ, какъ во второй части «Генриха IV», онъ отдѣленъ отъ принца. Если принять, что дѣйствіе нашей комедіи происходитъ непосредственно передъ смертью короля Генриха IV и составляетъ продолженіе сношеній Фальстафа съ мировымъ судьей Шалло, только въ другой мѣстности и при другихъ обстоятельствахъ, то всѣ затрудненія разъясняются сами собой, особенно если устранить сомнѣнія касательно нѣкоторыхъ личностей. Трудно рѣшить, тотъ-ли самый пажъ сопровождаетъ Фальстафа, который находился при немъ въ «Генрихѣ IV» и при Нимѣ и Пистолѣ въ «Генрихѣ V». Положимъ, что тотъ же, и допустимъ, что поэтъ не хотѣлъ понапрасну затруднять зрителя мелочами характеристики, или съ особенной выразительностью указывать на отношенія этой комедіи къ совершенно отличнымъ отъ нея историческимъ драмамъ. Странно только то, что Шекспиръ назвалъ служанку доктора Каюса тоже Куикли, какъ зовутъ трактирщицу въ «Генрихѣ IV»; но что онъ разумѣлъ здѣсь совершенно другое лицо, это ясно. Здѣсь не только внѣшнее положеніе ея совершенно иное, не только она представлена въ началѣ совершенно незнакомою съ Фальстафомъ, но и характеръ ея существенно отличенъ отъ характера трактирщицы Куикли. Правда, она отличается такою же простотатостью, но въ ней проявляется и понятливость, и притворство, и изворотливость, чего нигдѣ не обнаруживаетъ глупая, вѣчно обманутая истчинская вдова. Что касается до обстановки Фальстафа, то здѣсь все ясно. Сѣверный походъ кончился; Фальстафъ кое-какъ еще влачитъ свою жизнь съ десятью фунтами въ недѣлю жалованья; Пистоль и Нимъ «въ отставкѣ» и сдѣлались совершенными негодяями; Фальстафъ прогоняетъ ихъ, а вывѣтрившагося стараго слугу Бардольфа, съ которымъ онъ столько лѣтъ былъ неразлученъ, отдаетъ въ половые трактирщику «Подвязки». Внѣшнее распаденіе веселой компаніи, окружавшей принца, произошло еще во второй части «Генриха IV»; здѣсь мы встрѣчаемъ дальнѣйшій, весьма выразительный симптомъ, что эта компанія разрушается внутренно и при томъ не въ одномъ только принцѣ. Въ лицѣ молодого Фентона мы узнаемъ еще новаго для насъ бывшаго спутника принца и Пойнса. Онъ изъ денежныхъ расчетовъ сватается за богатую Анну Пэджъ, но вскорѣ узнаетъ драгоцѣнныя качества ея души и это вполнѣ измѣняетъ его образъ мыслей. Это измѣненіе составляетъ въ частной жизни pendant тому, что представляетъ собою въ жизни государственной перемѣна, происшедшая въ принцѣ».

И такъ изъ словъ Гервинуса слѣдуетъ заключить, что «Виндзорскія кумушки» составляютъ только частный эпизодъ той эпохи въ жизни Фальстафа, которая непосредственно предшествуетъ смерти короля Генриха IV. Къ сожалѣнію, Гервинусъ подтверждаетъ свое, довольно странное мнѣніе (какъ я постараюсь доказать нѣсколько ниже) слишкомъ недостаточнымъ количествомъ фактовъ. Въ концѣ концовъ, вопросъ къ 1860 году заключался въ слѣдующемъ:

1) Въ какомъ году написаны «Виндзорскія кумушки»? По мнѣнію Мэлона—въ 1601 г.; по мнѣнію Чальмерса—въ 1596; по мнѣнію Найта и Галіуэля—въ 1592; наконецъ, по мнѣнію Гервинуса, вскорѣ послѣ 1599 г.

2) По теоріи Чальмерса и Найта, шекспировская комедія должна быть разсматриваема, какъ введеніе или прологъ къ первой части «Генриха IV». По теоріи же Джонсона, она составляетъ продолженіе второй части «Генриха IV» и, наконецъ, Гервинусъ думаетъ, что «Виндзорскія кумушки» составляютъ эпизодъ второй части этой хроники.

II.

амый лучшій французскій переводчикъ Шекспира, Франсуа Гюго, въ своемъ французскомъ изданіи Шекспира предлагаетъ новую гипотезу и обставляетъ ее чрезвычайно остроумными доказательствами. По его мнѣнію, одинаково не выдерживаютъ критики ни предположеніе Найта, ни теорія Чальмерса, такъ какъ въ 1598 году, Миресъ, восторженный поклонникъ Шекспира, составилъ каталогъ комедій поэта, изданныхъ при его жизни; въ этомъ каталогѣ «Виндзорскія кумушки» не значатся. Какимъ же образомъ, если предположить, что комедія написана въ 1592 или 1596 г. не упомянулъ объ ней авторъ «Palladis Tamia»? Забывчивостью этого обстоятельства объяснить невозможно, потому что комедія была чрезвычайно популярна и много разъ давалась въ присутствіи королевы. Къ тому же критикъ, вспомнившій «Генриха IV», могъ-ли забыть комедію, составляющую, такъ сказать, сценическое дополненіе этой хроники? Слѣдовательно, заключаетъ Франсуа Гюго,—если Миресъ не упомянулъ о «Виндзорскихъ кумушкахъ» въ 1598 году, то значитъ, что въ 1598 году «Виндзорскія кумушки» еще не существовали.

Французскій критикъ не принимаетъ также и 1601 года, предлагаемаго Мэлономъ и Дрэкомъ. Дѣйствительно, 1601 годъ былъ самой мрачной эпохой въ жизни Елисаветы; это былъ годъ возстанія и казни графа Эссекса,—ея любимца; нельзя поэтому не согласиться съ Чальмерсомъ, что въ этомъ году Елисавета не могла быть расположена развлекаться комическими представленіями, а тѣмъ болѣе не могла заказывать комедій. Франсуа Гюго опредѣляетъ время созданія комедіи между 1598 и 1601 годами (какъ и Гервинусъ), доказывая свое предположеніе слѣдующимъ образомъ:

Зимой 1599—1600 гг., англійскій дворъ шумно веселился. По приказанію королевы графъ Эссексъ былъ арестованъ и Елисавета, точно нарочно, обнаруживала особенно веселое расположеніе духа во время этого тяжелаго заточенія ея любимца. Въ особенности было весело на святкахъ. Роуландъ Уайтъ разсказываетъ въ одномъ письмѣ къ сэру Роберту Сиднею, что «ея величество въ то время очень веселилась, устраивая танцы подъ звуки тамбурина». Она смѣялась, играла, пѣла, кокетничала съ придворными и даже сама танцовала, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ. Посланникъ эрцгерцога Альбрехта, фламандецъ Ферейкенъ, пріѣхавъ въ Лон-

донъ для заключенія мира между Англіей и австрійскимъ домомъ, былъ принятъ королевой съ большимъ торжествомъ 23 февраля 1600 года и, когда посланникъ вручилъ ей свои вѣрительныя грамоты, она сказала ему съ улыбкой: «я слыхала, что вы лично желали меня видѣть; вашъ пріѣздъ поэтому тѣмъ болѣе для меня пріятенъ». На это ловкій фламандецъ отвѣчалъ: «Дѣйствительно, я страстно желалъ предпринять это путешествіе съ цѣлью видѣть ваше величество, которая по красотѣ и мудрости превосходитъ всѣхъ монарховъ міра, и считаю себя безконечно обязаннымъ тѣмъ лицамъ, которыя, отправляя меня сюда, доставили мнѣ счастіе, которымъ я теперь пользуюсь». Эти дипломатическія любезности были, вѣроятно, одной только маской, подъ которой скрывалось далеко не дружелюбное чувство. Не смотря на всѣ свои любезности и улыбки, старая протестантская королева не имѣла ни малѣйшаго намѣренія входить въ какія бы то ни было сдѣлки съ посломъ католической державы. Уже тогда она обдумывала новый союзъ съ возставшею Голландіею. Всѣ ея заботы поэтому заключались въ томъ, чтобъ развлекать фламандца и избѣгать серьезныхъ переговоровъ. Сэръ Вальтеръ Ралей, которому было поручено познакомить Ферейкена съ достопримѣчательностями Лондона, показалъ ему вестминстерское аббатство, гробницы и другія особенности мѣстности. Роуландъ Уайтъ писалъ, между прочимъ, своему другу сэру Роберту Сиднею, отъ 8 марта 1600 года: «Всю эту недѣлю лорды были въ Лондонѣ и проводили время въ пиршествахъ и зрѣлищахъ; въ середу Ферейкенъ обѣдалъ съ милордомъ казначеемъ, который угостилъ его королевскимъ обѣдомъ; въ четвергъ его угощалъ милордъ-канцлеръ великолѣпнымъ обѣдомъ и у него же, послѣ обѣда, его актеры сыграли въ присутствіи Ферейкена «сэра Джона Ольдкэстля», къ великому его удовольствію» (and there in the afternoone his Plaiers acted before Vereiken Sir John Oldkastell to his great contentment). — (Sydney Papers, ed. 1746).

Спрашивается: какая пьеса могла быть этотъ «Сэръ Джонъ Ольдкэстль», представленный официально 6 марта 1600 года актерами канцлера въ присутствіи австрійскаго посланника? Нѣкоторые коментаторы предполагали, что это—драма въ двухъ частяхъ «Жизнь сэра Джона Ольдкэстля, лорда Кобгэма», за составленіе которой четыре актера: Мондэй, Драйтонъ, Уильсонъ и Гетуэй получили отъ управителя труппы Генслоу 10 фунтовъ въ октябрѣ 1599 года. По мнѣнію, однако, Франсуа Гюго, это предположеніе лишено основанія. Прежде всего, необходимо замѣтить, что драма, купленная Генслоу, была представлена не актерами канцлера, а труппой, находившейся подъ управленіемъ того же Генслоу, что видно изъ заглавнаго листа изданія 1600 года: «въ томъ видѣ, въ какомъ драма эта была представлена слугами высокопочтеннаго графа Ноттингама, лорда великаго адмирала Англіи». Къ тому же достаточно пересмотрѣть драму, чтобъ убѣдиться, что она не могла быть представлена въ присутствіи Ферейкена, въ особенности къ его великому удовольствію. И въ самомъ дѣлѣ, эта драма, основной идеей которой служитъ возстановленіе чести Ольдкэстля, сожженнаго на кострѣ въ 1418 году за принадлежность къ ереси Виклефа, не могла быть особенно пріятна католику, представителю католической Австріи; Ферейкенъ не только не одобрилъ бы такого зрѣлища, но имѣлъ бы право оскорбиться зрѣлищемъ, въ которомъ издѣвались надъ его религіозными вѣрованіями, изображая католическихъ священниковъ разбойниками и убійцами. Но если не эта драма была представлена 6 марта 1600 года, то на какую пьесу намекаетъ Уайтъ въ своемъ письмѣ къ Сиднею? По мнѣнію Франсуа Гюго, онъ намекаетъ на шекспировскихъ «Виндзорскихъ кумушекъ». И дѣйствительно, имя того безсмертнаго созданія, которое мы знаемъ теперь подъ названіемъ Фальстафъ было первоначально Ольдкэстль. Нѣсколько ниже я приведу неоспоримыя доказательства этого факта. Имя Ольдкэстля было такъ популярно, благодаря шекспировскому Фальстафу, носившему первоначально это имя, что Уайтъ весьма легко могъ перепутать фамиліи; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что «Виндзорскія кумушки» были представлены въ 1613 году въ присутствіи курфюрста пфальцскаго подъ заглавіемъ: «Сэръ Джонъ Фальстафъ». [1])

По предположенію французскаго критика оказывается, такимъ образомъ, что комедія, представленная въ 1600 году въ присутствіи Ферейкена, была первоначальнымъ эскизомъ «Виндзорскихъ кумушекъ», изданнымъ въ 1602 году, а не окончательно обработаннымъ произведеніемъ, извѣстнымъ въ настоящее время подъ этимъ заглавіемъ и впервые напечатаннымъ въ изданіи in-folio 1623 года. Въ доказательство этого обстоятельства французскій критикъ приводитъ любопытную подробность. Посолъ эрцгерцога Альбрехта былъ фламандецъ, какъ намъ извѣстно; а между тѣмъ въ исправленной и передѣланной комедіи, изданія 1623 года, существуютъ двѣ грубыя насмѣшки, именно надъ фламандцами. Въ концѣ второй сцены второго дѣйствія, ревнивый мужъ Фордъ говоритъ себѣ, что онъ бы предпочиталъ «довѣрить свое масло фламандцу, свой сыръ — пастору Гюгу, свой штофъ съ водкой — ирландцу, свою лошадь—для прогулки вору, чѣмъ свою жену — ей же самой» [2]). Въ другомъ мѣстѣ, въ началѣ второго дѣйствія, мистрисъ Пэджъ, прочитавъ любовное посланіе Фальстафа, восклицаетъ съ негодованіемъ: «кажется, никакою легкостью въ обращеніи не могла я подать этому фламандскому пьяницѣ, — чортъ бы его побралъ,—поводъ такъ дерзко подъѣзжать ко мнѣ!» [3]). Это выраженіе пьяница, сказанное фламандцу англичаниномъ, было тѣмъ болѣе оскорбительно (замѣчаетъ Франсуа Гюго), что выражало національную вражду. Современники Шекспира совершенно серьезно обвиняли фламандцевъ въ томъ, что эти послѣдніе пріучили ихъ къ пьянству. Сэръ Джонъ Смитъ разсказываетъ въ своихъ «бесѣдахъ» (1590), что англійскій народъ, прежде одинъ изъ самыхъ воздержныхъ народовъ христіанскаго міра, свыкся съ этимъ отвратительнымъ порокомъ во время фландрской кампаніи. Вѣроятно-ли, послѣ этого, что комедія, заключающая въ себѣ столь оскорбительныя для фламандца выраженія, могла быть представлена въ присутствіи посланника-фламандца и при томъ къ особенному его удовольствію? Само собою разумѣется, нѣтъ. И дѣйствительно, эти два мѣста, оскорбительныя для фламандца и существующія въ исправленной комедіи, не находятся въ первоначальномъ эскизѣ. Неясно-ли, что комедія, представленная въ присутствіи посланника эрцгерцога, была первоначальнымъ эскизомъ? Насмѣшка, неумѣстная при этихъ обстоятельствахъ, естественно, нашла себѣ мѣсто при пересмотрѣ. Когда австрійскій уполномоченный уѣхалъ, когда католическая Фландрія и протестантская Англія снова сдѣлались врагами, то англійскому поэту была возвращена свобода и онъ позволилъ себѣ посмѣяться надъ фламандскими **папистами**.

III.

сторическія событія, относящіяся такъ или иначе къ «Веселымъ виндзорскимъ кумушкамъ», объясняются такимъ образомъ совершенно просто и логично. Намекъ на какого-то нѣмецкаго принца,—намекъ, относящійся, по мнѣнію Найта и Галіуэля, къ графу Монбельяру, посѣтившему Лондонъ въ 1592 году,—можетъ, благодаря гипотезѣ французскаго критика, быть отнесенъ съ такимъ же правомъ и къ эрцгерцогу Альбрехту, въ лицѣ его посланника. Такимъ образомъ, преданіе, впервые упомянутое Деннисомъ, пріобрѣтаетъ значительную долю вѣроятности. Весьма естественно, что всякаго рода празднества входили въ политическую програму Елисаветы во время пребыванія австрійскаго посланника. Она считала необходимымъ развлекать католическаго дипломата; а что могло быть забавнѣе шутовскаго героя, который и ее заставлялъ смѣяться не разъ при представленіяхъ «Генриха IV»? Комедія должна была быть написана не болѣе, какъ въ четырнадцать дней. Такой короткій срокъ объясняется само собой, такъ какъ представленіе готовилось въ честь посланника, который не разсчитывалъ долго оставаться въ Англіи. И дѣйствительно, Ферейкенъ, пріѣхавъ въ Лондонъ 18 февраля, выѣхалъ въ Брюссель 11 марта 1600 года.

Задача, порученная Шекспиру, представляла большія затрудненія. Во-первыхъ, было совершенно необходимо, чтобъ комедія находилась въ тѣсной связи съ историческими хрониками, дополненіемъ которыхъ она должна была служить. Кромѣ того, было необходимо, чтобъ дѣйствіе комедіи логически соотвѣтствовало событіямъ, изображаемымъ въ ланкастерской трилогіи. Наконецъ, было необходимо, чтобъ всѣ комическія личности, Фальстафъ, Бардольфъ, Пистоль, Нимъ, Шалло, мистрисъ Куикли вошли въ новую комедію, не противорѣча ни ихъ характеру, ни ихъ прежнему образу жизни. Особенное затрудненіе представляло опредѣленіе эпохи, въ которую должно было происходить дѣйствіе комедіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первоначально, въ первомъ своемъ эскизѣ, Шекспиръ имѣлъ въ виду помѣстить

[1]) «Уплачена Джону Гемангу по требованію совѣта двадцатаго дня мая 1613 года сумма въ 33 фунта, 6 шиллинговъ и 8 пенсовъ за представленіе въ присутствіи его высочества принца Карла, принцессы Елисаветы и пфальцскаго курфюрста, четырнадцати пьесъ, а именно: Филистеръ, Шайка безумцевъ, Много шуму изъ ничего, Трагедія Дѣвы, Веселый Эдмонтонскій Чортъ, Буря, Король и не король, Трагедія близнецовъ, Зимняя сказка, Сэръ Джонъ Фальстафъ (Веселыя виндзорскія кумушки), Венеціанскій мавръ, Большой вельможа, Трагедія Цезаря и Кровавая любовь». — Извлеченіе изъ отчетовъ лорда Гаррингтона, казначея Якова I.

[2]) Цитирую по изданію Деліуса (Elberfeld, 1859, томъ 6, стр. 47): «I will rather trust a Fleming with my butter, person Hugh the welchman with my cheese an Irishman with my aqua-vitae bottle, or a thief to walk my ambling gelding, than my wife with herself».

[3]) Idem. Томъ 6, стр. 34: «What an un weighed behaviour hath this Flemish drunkard picked (with the devil's name) out of my conversation, that he dares in tis manner assay me?»

виндзорскій эпизодъ изъ жизни Фальстафа въ царствованіе Генриха IV, т. е. или какъ вступленіе къ первой части хроники «Генриха IV», или же какъ связующее звено между первой и второй частью этой хроники. На это намѣреніе указываютъ, между прочимъ, слова Фальстафа въ первоначальномъ эскизѣ: «Клянусь жизнью, пари держу, что этотъ сумасшедшій уэльскій принцъ занимается избіеніемъ оленей своего батюшки (I'll lay my life mad prince of Wales is stealing his father's deer)». Это восклицаніе, однакожъ, исчезло въ окончательной обработкѣ. Франсуа Гюго замѣчаетъ по этому поводу, что было нѣкоторое неудобство помѣстить эпоху виндзорского фарса до вступленія на престолъ «Генриха V»: «Если во время виндзорскаго фарса, разсуждаетъ французскій критикъ,—Генрихъ попрежнему только наслѣдникъ престола, то, значитъ, его веселая компанія съ Фальстафомъ во главѣ еще не распалась, мистрисъ Куикли по прежнему держитъ таверну въ Истчипѣ, откуда, мы знаемъ, ее выпроводили вмѣстѣ съ Доли передъ самой коронаціей Генриха V и, слѣдовательно, она не можетъ быть въ Виндзорѣ хозяйкой доктора Каюса, судья Шалло весьма охотно еще вспоминаетъ своего школьнаго товарища Фальстафа и, почтенный его посѣщеніемъ, даетъ ему въ займы тысячу фунтовъ; при такихъ условіяхъ, разумѣется, не можетъ имѣть мѣста его споръ съ Фальстафомъ изъ-за убитаго оленя, какъ это мы видимъ въ началѣ «Виндзорскихъ кумушекъ». Шекспиръ замѣтилъ противорѣчія, возникавшія само собой и рѣшилъ перенести виндзорскій эпизодъ въ царствованіе Генриха V».

Читатель видитъ, что въ этомъ вопросѣ французскій критикъ соглашается съ мнѣніемъ Джонсона и расходится съ Гервинусомъ. Тѣмъ не менѣе, его доказательства имѣютъ только относительное значеніе. Не безъинтересно, однакожъ, познакомиться съ его аргументаціей. Онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ окончательной обработкѣ мы не встрѣчаемъ замѣчанія Фальстафа, приведеннаго нѣсколько выше. Кромѣ этого, онъ находитъ новыя доказательства въ подтвержденіе своего мнѣнія. Такъ, Фентонъ, представленный Шекспиромъ, какъ старый товарищъ принца уэльскаго и Пойнса, говоритъ какъ объ отдаленномъ прошломъ о своихъ прошлыхъ шалостяхъ—my riots past, — изъ чего мы должны заключить, что веселая компанія давнымъ давно распалась. Затѣмъ, личности, съ которыми мы познакомились въ «Генрихѣ IV», постарѣли, когда мы ихъ снова встрѣчаемъ въ Виндзорѣ. Фальстафъ, имѣвшій не болѣе шестидесяти лѣтъ въ хроникѣ, — въ комедіи изображенъ (по крайней мѣрѣ въ словахъ мистрисъ Пэджъ) дряхлымъ старикомъ,—old, cold, withered,—какъ человѣкъ разбитый на куски лѣтами,—on that is very nigh worn to pieces by age. — Судья Шалло, который въ хроникѣ вспоминаетъ, что пятьдесятъ-пять лѣтъ тому назадъ былъ школьникомъ, въ комедіи насчитываетъ себѣ болѣе восьмидесяти лѣтъ. Всѣ эти подробности были прибавлены въ комедіи только при ея окончательной обработкѣ. Наконецъ, извѣстно, что мистрисъ Куикли во второй части «Генриха IV» называетъ себя «бѣдной истчипской вдовой», а въ «Генрихѣ V» является внезапно женой Пистоля. Этотъ бракъ, прибавляетъ Гюго,—есть не болѣе, какъ осуществленіе желанія Пистоля, выраженнаго имъ въ комедіи: «ставь паруса, спѣши за ней въ погоню, открой борты, пали: она моя — she is my prise—или пусть имъ всѣмъ погибнуть въ океанѣ».

Такова аргументація Франсуа Гюго. Не смотря, однакожъ, на то, что онъ расходится съ нѣмецкимъ критикомъ, мотивы, которыми какъ тотъ, такъ и другой руководствуются, совершенно одинаковы. Вотъ слова Франсуа Гюго: «Виндзорскія приключенія Фальстафа имѣли мѣсто послѣ коронаціи Генриха V и послѣ публичнаго разрыва его съ сэромъ Джономъ. Такимъ образомъ, поэтъ обозначилъ различныя пути, по которымъ пошли какъ тотъ, такъ и другой. Въ то время, какъ Галь, окруженный славой, будетъ подыматься выше, Фальстафъ все больше и больше будетъ погружаться въ грязь. Въ то время, какъ принцъ, превращенный, возрожденный и очищенный, переходитъ отъ торжества къ торжеству и при Азинкурѣ становится самымъ свѣтлымъ воплощеніемъ Англіи,—Фальстафъ, въ немилости, не будучи въ состояніи удовольствоваться пенсіей, назначенной ему въ видѣ милостыни молодымъ королемъ, дѣлая постоянно долги, погружаясь все больше и больше въ грязь, вырождаясь окончательно, впавъ въ дряхлость, — становится пошлой куклой, годной лишь для дѣтской забавы. Благодаря этой перемѣнѣ «Виндзорскія кумушки», непосредственно предшествуя «Генриху V», съ чрезвычайной силой оттѣняютъ героическую эпопею. Окончательное паденіе отупѣвшаго рыцаря становится, такимъ образомъ, контрастомъ апофеоза идеализированнаго монарха. Фарсъ оттѣняетъ эпопею».

Если читатель сопоставитъ эти слова французскаго критика со словами Гервинуса, приведенными мною выше, то онъ увидитъ въ нихъ одну и туже мысль; какъ тотъ, такъ и другой стараются доказать, что «Виндзорскія кумушки» были написаны Шекспиромъ въ pendant къ «Генриху V», съ тѣмъ, чтобъ этой мѣщанской комедіей еще рѣзче оттѣнить героическую эпопею Генриха V. Какъ ни странна такая настойчивость приписывать Шекспиру нравоучительныя намѣренія, которыхъ у него не было, да и не могло быть,—тѣмъ не менѣе она существуетъ. Гервинусъ ограничился на этотъ разъ простымъ заявленіемъ морализующей казуистики великаго поэта; Франсуа Гюго, съ тою же цѣлью, прибѣгаетъ къ эрудиціи и остроумнымъ болѣе, чѣмъ справедливымъ, сопоставленіямъ. Съ такого рода взглядами едва-ли въ настоящее время возможно согласиться. Метафизическій фазисъ критики вообще и шекспировской критики въ особенности безвозвратно прошелъ. Теперь мы не ищемъ въ великомъ англійскомъ поэтѣ философскихъ доктринъ, почему-либо особенно намъ любезныхъ; мы не ищемъ въ немъ ни глубокихъ философскихъ намѣреній, ни нравоученій. Мы не думаемъ, подобно Ульрици, что въ «Венеціанскомъ купцѣ» Шекспиръ имѣлъ цѣлью доказать юридическую истину: summum justicia, summa injuria; съ другой стороны, мы не можемъ согласиться также и съ Гервинусомъ, будто въ этой пьесѣ Шекспиръ задается мыслью изучить отношеніе человѣчества къ богатству. Великаго англійскаго поэта мы разсматриваемъ не какъ философа, юриста или моралиста, а какъ поэта, воспроизводящаго жизнь, а не морализующаго по поводу ея. Онъ встрѣчаетъ героическій характеръ въ исторіи Англіи,—характеръ Генриха V,—и, имѣя въ своихъ современникахъ живые образцы подобныхъ характеровъ, онъ создаетъ героическую эпопею. Вокругъ себя, въ частной и общественной жизни, онъ видѣлъ на всякомъ шагу Фальстафовъ; основныя черты этого типа его чрезвычайно поразили и онъ создаетъ безсмертный типъ, ставя его въ благопріятную для него обстановку. Другихъ цѣлей у художника, а тѣмъ болѣе у такого великаго художника, не могло быть. Вотъ почему и философско-тенденціозныя гипотезы Гервинуса и Франсуа Гюго могутъ быть остроумны, но никогда не будутъ отвѣчать истинѣ. Къ нимъ, впрочемъ, нѣтъ никакой надобности прибѣгать, потому что по отношенію къ «Виндзорскимъ кумушкамъ» существуетъ теорія гораздо болѣе естественная. Я говорю о мнѣніи, первоначально высказанномъ Чальмерсомъ и поддержанномъ Найтомъ, — теоріи, на основаніи которой «Виндзорскія кумушки» являются какъ бы вступленіемъ къ первой части «Генриха IV». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта гипотеза наиболѣе вѣроятна. Я постараюсь обставить ее нѣкоторыми новыми доказательствами которыя, надѣюсь, будутъ убѣдительны.

IV.

Необходимо прежде всего замѣтить, что напрасно Гервинусъ съ одной стороны и Франсуа Гюго съ другой, такъ настойчиво распространяются о крайней дряхлости Фальстафа въ «Виндзорскихъ кумушкахъ«. Правда, что въ первой части «Генриха IV» Фальстафъ опредѣляетъ приблизительно свой возрастъ, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ: «Лѣтъ ему, я думаю, пятьдесятъ или около шестидесяти». Но эти слова, приводимыя Гервинусомъ и Франсуа Гюго въ подтвержденіе ихъ мнѣній, тѣмъ не менѣе противорѣчатъ какъ взглядамъ одного, такъ и предположеніямъ другого. И въ самомъ дѣлѣ, если справедливо, какъ они утверждаютъ, что виндзорскій эпизодъ происходилъ или непосредственно передъ смертью Генриха IV (Гервинусъ), или же вскорѣ послѣ этой смерти (Франсуа Гюго), то въ Виндзорѣ, во всякомъ случаѣ, Фальстафу не могло быть менѣе семидесяти лѣтъ, такъ какъ слова его, приведенныя выше, сказаны были незадолго (можетъ быть, за нѣсколько дней) до сраженія при Шрюсбери (1403 г.), гдѣ погибъ Перси, а Генрихъ IV умеръ, какъ извѣстно, въ 1413 году. Возможно-ли предположить, что семидесятилѣтній старикъ, ослабленный распутствомъ и пьянствомъ, могъ разсчитывать на любовную bonne fortune, въ особенности, если принять во вниманіе, что Фальстафъ, не смотря на распущенность своей натуры, былъ человѣкъ замѣчательно умный, въ чемъ ему никто не откажетъ?

Затѣмъ, указываютъ на лѣта судьи Шалло, школьнаго товарища жирнаго рыцаря. Но эти слова точно также ничего не доказываютъ. «Я прожилъ, говоритъ онъ въ «Виндзорскихъ кумушкахъ»,—восемьдесятъ лѣтъ слишкомъ». Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти слова простая описка, или недосмотръ, встрѣчающіяся такъ часто и въ другихъ болѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ Шекспира. Вотъ на чемъ я основываю мое предположеніе: для всякаго очевидно, что во второй части «Генриха IV», Шал-

ло является гораздо болѣе дряхлымъ старикомъ, чѣмъ въ «Виндзорскихъ кумушкахъ». Въ хроникѣ онъ впалъ почти въ дѣтство отъ старости, шамкаетъ глупыя слова, заботится о своемъ животѣ, хвастаетъ своимъ фруктовымъ садомъ и, какъ ребенокъ, восхищается Фальстафомъ. Онъ позволяетъ себя надувать самымъ наглымъ образомъ тому же Фальстафу, который, надувая его, надъ нимъ же издѣвается. Фальстафъ хвастаетъ своей дружбой съ наслѣдникомъ престола, обѣщаетъ мировому судьѣ цѣлыя горы золота, хотя старику стоило только внимательно взглянуть на жирнаго рыцаря и на его компанію, чтобъ убѣдиться въ ихъ наглой лжи; но Шалло ничего этого не видитъ и не разстается окончательно съ своей илюзіей даже тогда, когда Фальстафъ попадаетъ въ немилость. Но сравните поведеніе того же Шалло въ «Виндзорскихъ кумушкахъ». Тамъ онъ, конечно, тоже старикъ, но еще бодрый; онъ любитъ, конечно, поѣсть, но занимается и другими дѣлами. Онъ обнаруживаетъ нѣкоторую энергію въ желаніи преслѣдовать судомъ Фальстафа за убійство оленя; онъ дѣятельно хлопочетъ о томъ, чтобъ Анна Педжъ вышла замужъ за его двоюроднаго брата Слендера; онъ подшучиваетъ надъ докторомъ Каюсомъ и энергично участвуетъ въ фарсѣ, который устраивается виндзорскими мѣщанками съ цѣлью насолить Фальстафу. Ко всему этому прибавьте еще одно обстоятельство: въ началѣ комедіи онъ хочетъ преслѣдовать Фальстафа за убійство оленя, но если предположить, какъ этого хотятъ Гервинусъ и Франсуа Гюго, что виндзорская исторія происходитъ вскорѣ послѣ второй части «Генриха IV», то почему Шалло не требуетъ съ Фальстафа тысячи фунтовъ, которые тотъ задолжалъ ему и, разумѣется, по неизмѣнной своей привычкѣ, не отдалъ ихъ ему? А между тѣмъ, объ этой тысячѣ фунтовъ въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» нѣтъ и помину. При гипотезѣ Гервинуса и Франсуа Гюго все это совершенно непонятно, между тѣмъ какъ при моемъ предположеніи, все разрѣшается само собой: какъ только мы предположимъ, что виндзорская исторія происходила раньше «Генриха IV», то понятно, что тогда не могло быть и рѣчи о долгѣ Фальстафа, потому что этотъ долгъ сдѣланъ только впослѣдствіи, передъ самою смертью Генриха IV. Во всякомъ случаѣ, возможно-ли предположить, чтобъ такую дѣятельную энергію, такую подвижную натуру, какую мы видимъ у Шалло въ «Виндзорскихъ кумушкахъ», представлялъ восьмидесятилѣтній старикъ? Вотъ почему, я думаю, что его слова—простой недосмотръ Шекспира. Критики и коментаторы великаго поэта объясняютъ описками и недосмотрами всѣ тѣ мѣста, которыя противорѣчатъ ихъ гипотезамъ, но не представляя на это никакихъ доказательствъ. Я не нахожу возможнымъ такъ безцеремонно относиться къ тексту величайшаго изъ поэтовъ и если въ настоящемъ случаѣ прибѣгаю къ этому аргументу, то только потому, что всѣ внутреннія доказательства свидѣтельствуютъ, что слова Шалло о его лѣтахъ не ладятъ съ его поступками ни въ комедіи, ни въ хроникѣ.

Съ другой стороны, королева Елисавета желала видѣть Фальстафа въ комедіи влюбленнымъ; поэтому, болѣе, чѣмъ понятно, что Шекспиръ, приступая къ «Виндзорскимъ кумушкамъ», намѣревался изобразить намъ жирнаго рыцаря болѣе молодымъ, чѣмъ мы видимъ его въ хроникѣ; въ противномъ случаѣ фарсъ не имѣлъ бы никакого смысла. Весь комизмъ комедіи, естественно, долженъ былъ сосредоточиваться на противорѣчіи, представляемомъ жирнымъ циникомъ, находящимся подъ вліяніемъ чувства любви. Но чтобъ это чувство любви было правдоподобно, оказалось необходимымъ сдѣлать Фальстафа нѣсколько менѣе циникомъ, менѣе истрепавшимся по тавернамъ, менѣе откровеннымъ мерзавцемъ; другими словами, необходимо было снять съ его плечь нѣсколько лѣтъ житейскаго опыта. Въ этомъ заключалась существеннѣйшая необходимость комедіи, conditio sine qua non ея существованія. Такъ и поступилъ Шекспиръ. Въ комедіи Фальстафъ уже не молодъ, онъ «видалъ виды», по крайней мѣрѣ, зерно будущей веселой шайки существуетъ уже и въ Виндзорѣ; но онъ гораздо наивнѣе, гораздо болѣе подчиняется своимъ первымъ влеченіямъ. Въ первой части хроники Фальстафъ, находясь въ меланхолическомъ настроеніи духа, вспоминаетъ прежнее время: «А вѣдь было время, говоритъ онъ,—когда я жилъ, какъ прилично дворянину: клялся мало, игралъ не болѣе семи разъ въ недѣлю, заходилъ въ публичные дома не болѣе одного раза въ часъ; даже случилось два раза заплатить свои долги. Словомъ, велъ себя добропорядочно. А теперь? Лучше и не говорить. Мое безпутство не знаетъ предѣловъ [1]». Конечно, въ этихъ словахъ есть комическій шаржъ, составляющій одно изъ любопытнѣйшихъ чертъ характера Фальстафа, но они весьма примѣнимы въ ихъ общей сложности къ виндзорской эпохѣ, если эту эпоху помѣстить раньше хроники. Тогда, будучи моложе, онъ не былъ еще такъ смѣлъ и, изыскивая средства выманивать деньги, тѣмъ не менѣе дѣйствительно платилъ долги и даже давалъ подачки мистрисъ Куикли. Во второй части той же хроники верховный судья говорилъ Фальстафу: «Посмотрите на себя: ваши глаза слезятся, руки изсохли, щеки пожелтѣли, борода побѣлѣла, ноги укорачиваются, животъ ростетъ, голосъ вашъ надорванъ, дыханіе коротко, умъ помраченъ, старость отяжелѣла надъ вами окончательно, а вы хотите казаться молодымъ. Стыдитесь, сэръ Джонъ, стыдитесь» [2]). Фальстафъ не опровергаетъ этого діагноза, точности и вѣрности котораго позавидовалъ бы, несомнѣнно, и самый опытный врачъ нашего времени; но возможно-ли предположить, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого діагноза паціентъ вдругъ помолодѣетъ и затѣетъ любовныя шашни въ Виндзорѣ, вынося безъ всякаго ущерба своему здоровью побои Форда и насильственныя холодныя ванны? Очевидно, что виндзорская исторія происходила раньше этого періода. «Вотъ двадцать два года, говоритъ онъ о Пойнсѣ въ хроникѣ,—какъ я даю себѣ слово ежечасно съ нимъ развязаться и все-таки не могу покончить!» [3]) Эти слова были бы непонятны, еслибы виндзорская исторія происходила значительно позднѣе ихъ; а такъ какъ въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» Пойнса нѣтъ, то слѣдовательно приходится заключить, что Фальстафъ или разстался съ нимъ, или же не сходился еще. Но при слабости къ Пойнсу, послѣднее невозможно допустить. Значитъ, въ Виндзорѣ онъ еще не зналъ Пойнса и его встрѣча съ нимъ имѣла мѣсто тогда, когда веселая компанія съ принцемъ во главѣ уже окончательно сформировалась, чего мы не видѣли въ Виндзорѣ. Франсуа Гюго считаетъ Фентона старымъ товарищемъ принца уэльскаго и Пойнса, но это, очевидно, недоразумѣніе. Товарищемъ Пойнса и при томъ же старымъ, во всякомъ случаѣ онъ не могъ быть, что впрочемъ и подверждается словами хозяина въ комедіи: «А какого вы мнѣнія о молодомъ мистерѣ Фентонѣ? Онъ порхаетъ, онъ пляшетъ, онъ смотритъ настоящимъ юношей, онъ пишетъ стихи, онъ говоритъ по праздничному, онъ пахнетъ апрѣлемъ и маемъ...» [4]) На это Пэджъ отвѣчаетъ словами, которыя ввели въ заблужденіе французскаго критика: «у этого джентельмена нѣтъ ни гроша за душой; онъ водитъ дружбу съ нашимъ безпутнымъ принцемъ и Пойнсомъ; онъ птица слишкомъ высокаго полета; онъ ужь черезъ чуръ много знаетъ!» [5]) Изъ этихъ словъ еще не слѣдуетъ, чтобъ Фентонъ былъ членомъ веселой компаніи, очевидно, еще несуществующей; эти слова несомнѣнно доказываютъ только одно: виндзорская исторія происходитъ при жизни Генриха IV,—что окончательно разрушаетъ гипотезу Франсуа Гюго; но происходитъ-ли она раньше первой части хроники, втеченіи-ли времени, охватывающаго хронику, или передъ самою смертью Генриха IV,—этого слова Пэджа не объясняютъ. Но вотъ весьма важное обстоятельство въ пользу моей гипотезы. Фальстафъ говоритъ Форду: «Съ тѣхъ поръ, какъ я щипалъ гусей, бѣгалъ отъ своихъ учителей и погонялъ кнутикомъ кубарь, до вчерашняго дня я не зналъ, что значитъ быть поколоченнымъ!» [6]) — И такъ, по свидѣтельству самого Фальстафа, въ Виндзорѣ его въ первый разъ поколотили серьезно; значитъ, виндзорская исторія не могла происходить послѣ веселаго житья хроники, потому что это житье не обходилось для Фальстафа безъ побоевъ; она происходила раньше и является, такимъ образомъ, первымъ шагомъ къ блестящей карьерѣ блестящаго рыцаря, полное изображеніе котораго мы имѣемъ въ хроникѣ. Можно было бы умножить подобныя доказательства въ пользу моего мнѣнія, но я думаю, что они будутъ излишни. Совершенно достаточно, какъ мнѣ кажется, и тѣхъ, которыя я сгруппировалъ Само собой разумѣется, эти доказательства. по необходимости не полны, такъ какъ Шекспиръ, вѣроятно, не подозрѣвалъ, что этотъ вопросъ сдѣлается современемъ камнемъ преткновенія критики. Для своей комедіи онъ выбралъ совершенно самостоятельный эпизодъ изъ жизни жирнаго рыцаря и, какъ кажется, намѣренно избѣгалъ намековъ на прежнюю жизнь своего героя, но эти намеки и сами по себѣ должны были

[1]) По изданію Деліуса, томъ III, стр. 76: «I was as virtuously given as a gentleman need to be; virtuous enough: swore little; diced not above seven times a week, went to a bawdyhouse not above once in a quarter—of an hour; paid money that I borrowed three or four times; lived well, and in good compass; and now I live out of all order, out of all compass».

[2]) Idem, стр. 28: «Have you not a moist eye, a dry hand, a yellow cheek, a white beard, a decreasing leg, an increasing belly? Is not your voice broken, your wind short, your chin double, your wit single, and every part about you blasted with antiquity, and will you yet call yourself young? Fie, fie, fie, Sir Iohn!»

[3]) Idem, стр. 38: «I have forsworn his company hourly any time this two-and-twenty years, and yet I am bewitched with the rogue's company».

[4]) Idem, томъ VI, стр. 55: «What say you to young master Fenton? he capers, he dances, he has eyes of youth, he writes verses, he speaks holyday, he smells April and May...»

[5]) Idem, стр. 55: «The gentleman is of no having: he kept company with the wild Prince and Poins; he is of too high a region; he knows too much».

[6]) Idem. стр. 86.—«Since I plucked geese, played truant, and whipped top, I knew not what it was to be beaten, till lately».

быть весьма скудны, такъ какъ поприще Фальстафа только еще начиналось и могло доставить только весьма ограниченный матеріялъ остроумію жирнаго рыцаря и лицъ, окружающихъ его. Въ этомъ же обстоятельствѣ кроется причина и сравнительно не полной характеристики Фальстафа въ «Виндзорскихъ кумушкахъ». Если бы эта комедія написана была Шекспиромъ прежде двухъ частей «Генриха IV», если бы тогда образъ жирнаго рыцаря только возникалъ въ творческомъ воображеніи поэта,—то, разумѣется, и въ комедіи онъ далъ бы намъ такую же полную и геніальную характеристику, какую далъ въ «Генрихѣ IV»; но къ «Виндзорскимъ кумушкамъ» онъ приступилъ только тогда, когда фигура Фальстафа, благодаря «Генриху IV», уже была популярна; она пріобрѣла извѣстныя, опредѣленныя и установившіяся черты; ничего новаго къ этимъ чертамъ нельзя было прибавить даже Шекспиру. Ему оставалось только взять ихъ готовыми и приноровить ихъ къ новой обстановкѣ, ослабляя однѣ и усиливая другія и, желая нѣсколько обновить свой типъ, онъ сдѣлалъ Фальстафа нѣсколько моложе и это единственное обстоятельство объясняетъ всю разницу между Фальстафомъ «Виндзорскихъ кумушекъ» и Фальстафомъ «Генриха IV».

V.

Мы знаемъ такимъ образомъ почти несомнѣнно, во первыхъ, что «Виндзорскія кумушки» были написаны Шекспиромъ между 1598 и 1601 годомъ, значитъ, эта комедія слѣдовала непосредственно послѣ созданія двухъ частей «Генриха IV» и предшествовала, вѣроятно, «Двѣнадцатой ночи». Во вторыхъ, мы знаемъ, что «Виндзорскія кумушки» есть частный эпизодъ изъ жизни Фальстафа, эпизодъ, предшествующій его веселому житью, изображенному въ двухъ частяхъ «Генриха IV».

Благодаря этимъ двумъ результатамъ, мы можемъ приступить теперь къ литературному анализу комедіи. Первымъ вопросомъ, разумѣется, является вопросъ о непосредственныхъ источникахъ, изъ которыхъ Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ своей комедіи. Галіуэль насчитываетъ шесть такихъ источниковъ: 1) Разсказъ изъ «Le tredici piacevoli notti del S. Gid. Francesco Straparola; 2) Разсказъ изъ «Il Pecorne di Sen. Giovanni Fiorentini»; 3) Разсказъ изъ довольно рѣдкаго собранія старыхъ англійскихъ новелъ, подъ заглавіемъ: «Счастливые обманутые и несчастные любовники»; 4) Другой разсказъ изъ «Le tredici piacevoli notti»; 5) Разсказъ изъ «Вѣсти изъ Чистилища» соч. Тарльтона; 6) Разсказъ изъ рѣдкаго изданія подъ заглавіемъ: «Westward for Smelts», который, по мнѣнію Мэлона, побудилъ Шекспира сдѣлать Виндзоръ мѣстомъ дѣйствія любовныхъ приключеній Фальстафа.

Комическіе элементы ситуаціи Шекспиръ заимствовалъ по большей части изъ этихъ разсказовъ. Еще въ XIV столѣтіи, Фіорентини разсказалъ въ «Il Pecorne (giornata 1, novella 2) приключеніе одного болонскаго студента, который, влюбившись въ жену своего профессора (не зная, кто она), повѣряетъ мужу свои любовныя проекты, проситъ у него совѣтовъ и даже разсказываетъ, когда она назначила ему свиданіе. Мужъ, зная все впередъ, постоянно является невзначай и мѣшаетъ ихъ уединенію; но не смотря на всѣ предосторожности, предпринимаемыя имъ, студентъ ускользаетъ отъ него: разъ, прячась подъ цѣлой кучей только что выстираннаго, сырого бѣлья, въ другой разъ проскользнувъ въ темнотѣ, въ ту самую минуту, когда служанка отпираетъ двери ревнивому мужу. Всѣ эти неудачи приводятъ мужа въ бѣшенство; являются родственники жены, убѣждаются, что онъ съума сошолъ, вяжутъ его и кладутъ его на тюфякъ передъ огнемъ. Студентъ является съ визитомъ къ своему профессору и, замѣтивъ на этотъ разъ, кого именно онъ надувалъ, скрывается въ Римъ. Таже исторія находится и въ сборникѣ новелъ Страпаролы, съ тою только разницей, что подробности бѣгства нѣсколько измѣнены и исторія кончается болѣе трагически. Любовникъ ускользаетъ отъ обманутаго мужа, прячась въ брачную постель, занавѣсы которой были спущены, потомъ скрываясь въ чемоданъ, покрытый бѣльемъ и, наконецъ, помѣщаясь въ сундукъ съ важными семейными бумагами, сундукъ, который по приказанію жены уносятъ изъ дома, охваченнаго пожаромъ. Послѣ этого любовники бѣгутъ въ Португалію, а мужъ умираетъ съ отчаянія. Въ 1590 году, итальянская новела перешла въ Англію въ изданіи Тарльтона «Вѣсти изъ Чистилища». Англійскій разсказчикъ перефразируетъ новелу Страпаролы, но еще замысловатѣе украшаетъ ее, напримѣръ, въ разсказѣ о хитромъ средствѣ, которое женщина употребляетъ, чтобъ спасти любовника отъ огня и въ развязкѣ. Тарльтонъ, однакожь, видимо изыскиваетъ смягчающія обстоятельства по отношенію къ женѣ, разсказывая, что она была выдана замужъ въ очень молодыхъ годахъ и насильно за доктора сорока двухъ лѣтъ. Новела Фіорентини также встрѣчается въ англійской повѣствовательной литературѣ въ одномъ сборникѣ, который вышелъ подъ заглавіемъ: «The fortunate, the deceived and unfortunate Lovers»; въ англійской передѣлкѣ всѣ главныя подробности передаются безъ всякаго измѣненія по «Pecorne» Фіорентини. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шекспиръ заимствовалъ содержаніе комедіи изъ разсказа Тарльтона. Онъ воспользовался интригой, хотя и тутъ кое-что измѣнилъ въ ней; такъ, напр., онъ устранилъ обманъ жены и смерть мужа. Нѣкоторые критики видятъ въ этомъ обстоятельствѣ нравоучительныя цѣли поэта, хотя его измѣненія можно гораздо проще и естественнѣе объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что, принимая всѣ подробности первоначальнаго разсказа, Шекспиръ лишалъ себя многихъ комическихъ сторонъ своего сюжета. Необходимо замѣтить къ тому, что въ новелѣ Страпаролы встрѣчается еще другой комическій элементъ: когда во время праздничныхъ плясокъ любовникъ объясняется въ любви тремъ женщинамъ разомъ,—онѣ, сообщивъ обо всемъ другъ дружкѣ, рѣшаются наказать его, и, подъ тѣмъ предлогомъ, что его нужно спасти отъ пришедшаго мужа, одна за другой ставятъ его въ самое ужасное положеніе, которое пугаетъ его и причиняетъ ему физическія мученія. Это комическое положеніе вошло какъ основной элементъ содержанія комедіи Шекспира; этотъ элементъ былъ обставленъ комической шуткой новелы Фіорентини и украшенъ мотивами сатирическаго характера, такъ какъ въ комедіи Шекспира безпричинная ревность мужа наказывается шуточными продѣлками честныхъ женъ. Вотъ все, что было заимствовано Шекспиромъ. Вся та часть комедіи, гдѣ участвуютъ Анна Пэджъ, Фентонъ, докторъ Каюсъ, Слендеръ, Шалло, Пэджъ, хозяинъ «Подвязки»,—была прибавлена Шекспиромъ къ заимствованному сюжету, но такъ, что составила вмѣстѣ съ нимъ одно гармоническое цѣлое. «Нужно твердо помнить, говоритъ Рудольфъ Женэ,—что не вслѣдствіе чтенія того или другого разсказа у поэта явилась мысль написать комедію, но что онъ для назначеннаго уже ему главнаго лица искалъ дѣйствія, которымъ могъ бы воспользоваться, и поэтому нужно въ этомъ случаѣ удивляться его необыкновенному искуству».

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно сопоставить рядомъ Мольера и Шекспира. Оба генія не разъ встрѣчались или въ выборѣ сюжетовъ, или же въ выборѣ характеровъ (укажу, между прочимъ, на характеръ Мизантропа: у Мольера «Le Misanthrope», у Шекспира: «Timon of Athens»). Какъ Мольеръ, такъ и Шекспиръ, руководствовались одною и тою же аксіомой при выборѣ сюжетовъ: je prends mon bien partout où je le trouve. Встрѣча была и на этотъ разъ; Шекспиръ для своихъ «Виндзорскихъ кумушекъ» воспользовался разсказомъ итальянскаго происхожденія, который точно также послужилъ и Мольеру канвой для его «Ecole des femmes». Комическое положеніе, какъ тутъ, такъ и тамъ, приблизительно одинаково; Мольеръ сходится съ Шекспиромъ даже въ измѣненіяхъ итальянской новелы; оба, напр., устраняютъ трагическую развязку; оба устраняютъ преступность жены, но каждый устраняетъ по своему. Мольеръ достигаетъ этого, радикально измѣняя отношенія обманутаго къ обманщицѣ: Арнольфъ—не мужъ Агнесы, но вздыхатель и это обстоятельство позволяетъ молодой дѣвушкѣ отдаться Орасу безъ преступленія и даже безъ обмана. Тѣмъ не менѣе, это разрѣшеніе щекотливаго вопроса не вполнѣ удовлетворительно: удивленіе старика, страстно влюбленнаго, и его окончательное отчаяніе, производятъ тяжелое впечатлѣніе, которое не искупается комизмомъ подробностей, въ немъ даже замѣтна трагическая нота. Мольеръ къ тому же и въ развитіи подробностей не такъ счастливъ, какъ Шекспиръ. Фордъ у Шекспира подъ вымышленнымъ именемъ дѣлается довѣреннымъ лицомъ Фальстафа; точно также и Арнольфъ въ мольеровской комедіи является довѣреннымъ лицомъ Ораса; но всѣ комическія перипетіи этого положенія совершаются на сценѣ у Шекспира, между тѣмъ, какъ онѣ только разсказаны у Мольера. Само-собой разумѣется, что въ разсказѣ теряется по крайней мѣрѣ, половина комизма; является простая, довольно холодная передача фактовъ, въ то время, какъ у Шекспира мы видимъ дѣйствіе. Вотъ, напр., одинъ изъ такихъ разсказовъ:

Mais à peine tous deux dans la chambre étions nous
Qu'elle a sur les dégrés entendu son jaloux;
Et tout ce qu'elle a pu dans un tel accessoire,
C'est de me renfermer dans une grande armoire.
Il est entré d'abord, je ne le voyais pas;
Mais je l'oyais marcher, sans rien dire, à grands pas,
Poussant de temps en temps des soupirs pitoyables

РИСУНОКЪ Е. ГРЮЦНЕРА.

РАЗСКАЗЪ ФАЛЬСТАФА О ПОБОИЩѢ.

Съ фотографіи «Фотографическаго Общества» въ Берлинѣ.

Et donnant quelquefois des grands coups sur les tables,
Frappant le petit chien qui pour lui s'émouvait,
Et jetant brusquement les hardes qu'il trouvait... [1])

Разсказъ замѣчателенъ по формѣ и по языку, но не производитъ того комическаго впечатлѣнія, которое производитъ соотвѣтствующая сцена въ комедіи Шекспира. То, что, разсказывая, Мольеръ скрываетъ отъ нашихъ взоровъ, — Шекспиръ, напротивъ, показываетъ намъ; мы присутствуемъ при комической сценѣ, только разсказанной Мольеромъ; у Шекспира при обыскахъ ревниваго мужа, мы видимъ, какъ мужъ въ бѣшенствѣ швыряетъ грязнымъ бѣльемъ. Такимъ образомъ, самыя смѣшныя перипетіи, почти совершенно незамѣчаемыя въ пьесѣ Мольера, составляютъ самыя комическія сцены у Шекспира. Мольеръ избѣгаетъ фарса, въ то время, какъ Шекспиръ вездѣ его ищетъ; Мольеръ умѣряетъ комическій элементъ, Шекспиръ вездѣ его утрируетъ. Палка, отъ которой за кулисами страдаетъ Орасъ, весьма осязательно гуляетъ по спинѣ Фальстафа, переодѣтаго въ старую бабу. Рога, которые для Арнольфа являются только невидимымъ пугаломъ, слишкомъ видимы у Шекспира и въ рѣшительную минуту, при освѣщеніи тысячами огней въ виндзорскомъ паркѣ, украшаютъ своими чудовищными развѣтвленіями лобъ осмѣяннаго Фальстафа. Къ тому же и самый предметъ сатиры различенъ въ обѣихъ комедіяхъ. Мольеръ издѣвается надъ старикомъ (почти мужемъ), который готовилъ себѣ въ жены невинную молодую дѣвушку; онъ вышучиваетъ невѣжество, глупость, пошлость и, въ концѣ концовъ, преподноситъ зрителю мораль въ видѣ афоризма, что если выгонишь природу въ дверь, то она влѣзетъ въ окно и что женщина перехитритъ самаго хитраго и опытнаго мужчину (отсюда и заглавіе пьесы: школа женщинъ). Въ комедіи же Шекспира только педанты-моралисты могутъ видѣть нравоучительныя цѣли: у него это—этюдъ въ формѣ фарса; этюдъ, во-первыхъ, человѣческаго сердца, необыкновенно глубокій, во-вторыхъ, этюдъ реальныхъ типовъ, правда, съ примѣсью сатиры, но безъ малѣйшаго намѣренія приходить къ какимъ бы то ни было поучительнымъ выводамъ. У Мольера—сатира надъ глупостью человѣческой, у Шекспира—изученіе натуры въ нѣкоторыхъ комическихъ ея проявленіяхъ.

Этотъ примѣръ указываетъ на существенную разницу комическаго генія двухъ великихъ европейскихъ народовъ. Для француза сущность комедіи заключается по преимуществу въ тонкой, умѣренной сатирѣ, въ смѣшной и вредной сторонѣ нравовъ, изрѣдка — въ психологическомъ этюдѣ съ цѣлью практическою, и комедія при этихъ условіяхъ гораздо болѣе является произведеніемъ разсудка, чѣмъ воображенія, въ ней гораздо болѣе наблюдательности, чѣмъ фантазіи. Англичане совершенно иначе понимаютъ комедію; для нихъ, по большей части, комедія есть плодъ блестящей фантазіи, нѣчто въ родѣ фейерверка, ослѣпляющаго блескомъ и поэзіей, капризныхъ выходокъ воображенія и остротъ. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ коренномъ различіи комическаго генія двухъ націй, стоитъ только обратить вниманіе на комедію въ ея двухъ величайшихъ представителяхъ: у Мольера и у Шекспира. Въ настоящее время взаимное вліяніе литературы и жизни во многомъ сгладило эти различія, но сущность все-таки осталась таже. Во всѣхъ произведеніяхъ Мольера, начиная съ «Etourdi» и оканчивая «Le Malade imaginaire», этотъ французскій характеръ комическаго элемента рѣзко замѣтенъ. Въ комедіяхъ же Шекспира, напротивъ, преобладаетъ англійскій характеръ фантазіи, юмора, блестящей поэзіи, иногда скептическаго отношенія къ людямъ и человѣчеству. Одинъ только Фальстафъ, наполняющій собою комическую часть «Генриха IV» (и клоуны въ комедіяхъ) выдѣляются изъ этого опредѣленія, потому что представляютъ элементъ народнаго англійскаго фарса. Французы и теперь не могутъ понять, почему Фальстафъ такъ популяренъ въ Англіи; что комичнаго въ этомъ жирномъ рыцарѣ, который грабитъ прохожихъ и изъ трусости самъ подвергается ограбленію, плутуетъ, набираетъ въ солдаты хилыхъ оборванцевъ и освобождаетъ отъ службы здоровыхъ парней, которые платятъ ему; прикидывается убитымъ, когда непріятель нападаетъ на него въ сраженіи; надуваетъ свою хозяйку, обѣщая на ней жениться, но въ то же время не платитъ ей своего долга и который, въ концѣ концовъ, представляетъ странную и чудовищную смѣсь трусости, пьянства, обжорства, цинизма съ неистощаемымъ остроуміемъ.

Но этотъ грубый фарсъ при всей своей грубости и цинизмѣ представляетъ чрезвычайно рельефно самую прозаическую и эгоистическую сторону натуры человѣческой и даетъ возможность подойти къ реалистической комедіи, какъ мы понимаемъ ее въ настоящее время. Этотъ Фальстафъ, который, казалось бы, только смѣшитъ насъ своими грубыми выходками, въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» является центромъ самой мѣщанской, но въ то же время и самой реалистической комедіи. «Виндзорскія кумушки» стоятъ совершенно особо въ ряду другихъ комедій Шекспира. Тамъ преобладаетъ фантазія и поэзія, высокое чувство природы, грустный, а по временамъ саркастическій взглядъ на жизнь, фантасмагорія чувства и фантастическій элементъ поэтическаго воображенія; здѣсь же, наоборотъ, преобладающимъ элементомъ становится непосредственное наблюденіе мѣщанской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, за исключеніемъ развязки, гдѣ является снова лирическая фантазія. Эта комедія, подобно полному микрокозму, сосредоточиваетъ въ себѣ все англійское общество среднихъ вѣковъ; всѣ существенныя функціи городской и общественной жизни XVI столѣтія сгруппированы здѣсь съ поразительнымъ искуствомъ. Этого обстоятельства, по странной случайности, почти не замѣтила критика или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ мало обратила на него вниманія.

Наиболѣе существеннымъ и нужнымъ элементомъ средневѣковаго города является хозяинъ таверны,—соединительное звено всѣхъ слоевъ общества, другъ всѣхъ и каждаго; полный, съ краснымъ, жирнымъ лицомъ, онъ всегда на порогѣ своей таверны; онъ знаетъ всѣхъ и все; всѣ уважаютъ его, потому что онъ находится въ сношеніяхъ съ великими міра сего. Купецъ прибѣгаетъ къ нему, какъ къ посреднику торговыхъ сдѣлокъ; молодой вельможа даетъ ему щекотливыя порученія. Онъ непремѣнно весельчакъ, постоянно остритъ и заставляетъ смѣяться. Онъ кромѣ того примиритель по существу, разумѣется, въ интересахъ своей гостинницы. Въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» онъ вмѣшивается въ споръ Кайюса съ Эвансомъ, которые хотятъ драться на дуэли, и, не будучи въ состояніи примирить ихъ, онъ плутуетъ, назначая каждому особое мѣсто для свиданія, и въ концѣ концовъ все-таки примиряетъ ихъ. Это типъ, исчезнувшій въ наше время, но превосходно представляющій одну изъ любопытныхъ сторонъ англійской жизни. Рядомъ съ хозяиномъ таверны мы видимъ доктора (Кайюсъ), съ французскимъ произношеніемъ, педанта съ претензіями, хвастающагося своими сношеніями со дворомъ, повѣреннаго всѣхъ семейныхъ тайнъ; «онъ столько же знаетъ о Гиппократѣ и Галенѣ, сколько знаетъ горшокъ; а въ добавокъ къ этому еще плутъ и трусъ, какого только вы можете встрѣтить на свѣтѣ». За нимъ мы примѣчаемъ пастора (Эванса), съ валлійскимъ произношеніемъ, еще болѣе комичнымъ, чѣмъ произношеніе Каюса, представителя церкви, духовнаго наставника и въ этомъ качествѣ соперника доктора, съ открытой добродушной физіономіей, весельчака, готоваго при случаѣ спѣть веселую пѣсенку и подраться на дуэли. Еще степенью выше въ общественной іерархіи мы видимъ судью, знаменитаго Шалло, знакомаго намъ и по «Генриху IV», —хвастуна и болтуна, напускающаго на себя важность; это—представитель средневѣковаго закона, защитникъ порядка и общественной нравственности. Онъ,—лучшее украшеніе мѣщанства, представителями котораго въ нашей комедіи являются также Пэджъ и Фордъ, личности вульгарныя, съ руками, привычными къ труду, фермеры-собственники и горожане, представители средневѣковой буржуазіи. Но въ городѣ немаловажную роль играетъ также и эсквайръ,—въ нашей комедіи Слендеръ,—эсквайръ, конечно, провинціальный, нѣчто среднее между мѣщаниномъ и дворяниномъ, съ дурацкой физіономіей, жалующійся, что у него только три лакея и одинъ пажъ, провинціальный франтъ, любитель собачьихъ бѣговъ и медвѣдей. Эта колекція была бы не полна, еслибы во главѣ не имѣла Фальстафа, представляющаго собой элементъ рыцарства; это—средневѣковой типъ старой расы завоевателей, послѣднее, дряхлое воплощеніе первобытной аристократіи...

Мы уже сказали, что «Виндзорскія кумушки», поспѣшно набросанныя около 1600 года, приняли свой окончательный видъ только впослѣдствіи... Эта передѣлка въ особенности тѣмъ интересна, что обнаруживаетъ процесъ шекспировскаго творчества.

Первоначальный эскизъ комедіи страдаетъ слишкомъ безпорядочнымъ накопленіемъ эпизодовъ; они слѣдуютъ другъ за другомъ безъ перерыва и несчастный сэръ Джонъ Фальстафъ не имѣетъ времени опомниться; едва-лишь онъ выскочилъ изъ корзины съ грязнымъ бѣльемъ, какъ ему приходится переодѣваться въ старуху и получать побои; не успѣлъ онъ опомниться отъ палки Форда, какъ его ведутъ въ паркъ, гдѣ онъ получаетъ окончательное возмездіе за свои подвиги. Въ окончательной обработкѣ ходъ дѣйствія измѣненъ. Послѣ эпизода съ корзиной—сцена съ Анной Пэджъ; затѣмъ совѣщаніе Фальстафа, Куикли и Форда; послѣ совѣщанія съ цѣлью избѣжать слишкомъ быстраго перехода отъ совѣщанія къ слѣ-

[1]) Какъ только мы остались вдвоемъ въ комнатѣ,—она услыхала шаги своего ревнивца; она только и могла сдѣлать въ этомъ случаѣ—запереть меня въ большой шкапъ. Онъ вошелъ, я его не видѣлъ, но я слышалъ, какъ онъ молча ходилъ большими шагами, испуская отъ времени до времени жалобные вздохи, пихая порою ногой столъ, нанося удары собаченкѣ, встревоженной его приходомъ, и бросая попадавшіяся ему подъ руку пожитки.

дующей мистификаціи,—является вводный эпизодъ, прибавленный къ первоначальному сценаріо, прелестный эпизодъ, гдѣ мистрисъ Пэджъ ведетъ своего мальчика въ школу и заставляетъ сэра Гуга Эванса экзаменовать его. Тѣже предосторожности употреблены были Шекспиромъ и для окончательнаго фарса въ виндзорскомъ паркѣ. Въ первоначальномъ эскизѣ фарсъ побоевъ отдѣленъ отъ фарса въ паркѣ только четырьмя сценами; теперь комедія имѣетъ семь сценъ. Къ первоначальному сценаріо Шекспиръ прибавилъ три сцены съ цѣлью подготовить окончательную мистификацію: третій визитъ Форда къ Фальстафу и двѣ сцены, показывающія намъ, какъ обѣ группы заговорщиковъ, болтая и сплетничая, направляются къ парку. Такимъ образомъ, подготовленная и объясненная, наступаетъ заключительная сцена въ необходимой фантастической торжественности. Даже эта послѣдняя сцена была значительно измѣнена. Въ сценаріо стихи, пѣтые предполагаемыми эльфами вокругъ гернскаго дуба, имѣютъ по преимуществу сатирическій оттѣнокъ и, вѣроятно, намекаютъ на личности и особенности времени; эльфы уговариваютъ другъ друга щипать служанокъ, отправляющихся спать, не вымывъ посуды, нещадно мѣшать сну прокуроровъ и сыщиковъ «съ лисьими глазами». Шекспиръ вычеркнулъ эту послѣднюю насмѣшку, нѣсколько банальную, и замѣнилъ ее знаменитой одой, внушенной ему величіемъ виндзорскаго замка:

About, about!
Search Windsor castle, elves, within and out...

Волненіе поэта внезапно обнаруживается и въ лирическомъ порывѣ онъ призываетъ королей чтить это прошлое величье, среди котораго они гостятъ, высказывая въ тоже время желаніе, чтобы они всегда были достойны его. Потомъ, обращаясь къ аристократіи, которой гербы хранятся въ капелѣ св. Георга, онъ въ намекахъ желаетъ, чтобы эти знаки земного величія были въ тоже время знаками и нравственнаго величія. По мнѣнію большинства коментаторовъ, эти стихи были написаны по случаю событія, которое должно было живѣйшимъ образомъ интересовать Шекспира. Въ іюлѣ 1604 года графъ Стоутэмптонъ, которому Шекспиръ еще гораздо раньше посвятилъ свои сонеты, былъ освобожденъ отъ тяжкаго заключенія смертью Елисаветы (1603) и сдѣланъ кавалеромъ ордена Подвязки. «Виндзорскія кумушки» были снова представлены при дворѣ въ 1604 году и очень вѣроятно, что по этому случаю Шекспиръ вставилъ эти стихи, какъ радостный привѣтъ тому, кого онъ называетъ въ своихъ сонетахъ: «Lord of my love» Вѣроятно также, что къ этому времени относится и окончательная обработка всей комедіи.

Эта переработка замѣтна, впрочемъ, не столько въ цѣломъ, сколько въ деталяхъ. Каждое измѣненіе или добавленіе составляетъ новую, индивидуальную черту, объясняющую характеръ или типъ. Такъ, напр., характерное выраженіе (не существующее въ сценаріо) прибавляетъ новую, любопытную черту къ характеру сантиментальной Анны: «Какъ! Выйти замужъ за доктора Кайюса? Ужь лучше пусть меня живой зароютъ, или до смерти закидаютъ рѣпой!» Въ другомъ мѣстѣ поэтическая фраза объясняетъ предпочтеніе Анны къ Фентону: «онъ порхаетъ, пляшетъ, смотритъ настоящимъ юношей, пишетъ стихи, говоритъ по праздничному, пахнетъ апрѣлемъ и маемъ!» Не менѣе яркое освѣщеніе получаетъ и Слендеръ, соперникъ Фентона: «у него кроткое лицо съ маленькой желтой бородкой, на подобіе бороды Каина; онъ смирный, но по временамъ ловко работаетъ кулакомъ; онъ держитъ голову вверхъ и ходитъ фертомъ». Въ первоначальномъ эскизѣ Слендеръ сохраняетъ еще нѣкоторую нравственную иниціативу: онъ самъ вознамѣрился жениться на Аннѣ; у него сохранилось еще настолько ума, что онъ самъ говоритъ ей объ этомъ, выбравъ удобную минуту. Въ окончательной обработкѣ, Слендеръ — полуидіотъ; его бракъ съ Анной придуманъ Эвансомъ, этотъ проектъ, поддержанный Шалло, принятый Пэджемъ, тѣмъ не менѣе не ладится; не смотря на всѣ ихъ усилія, они не могутъ объяснить Слендеру его роль; онъ никакъ не можетъ объясниться въ любви молодой дѣвушкѣ. Эта фигура самодовольнаго и глупаго провинціала,—самая оригинальная въ комедіи, по мнѣнію Гецлита,—почти совершенно не существуетъ въ сценаріо, или существуетъ только въ зачаткѣ. Если Фордъ ревнуетъ свою жену, то потому, что его жена «много болтаетъ и дѣлаетъ глазки»,—объясняетъ Шекспиръ. Если Пэджъ споконъ насчетъ своей жены, то потому, что мистрисъ Пэджъ рѣшительно управляетъ мужемъ: «она дѣлаетъ и говоритъ все, что хочетъ, получаетъ все, платитъ за все, ложится и встаетъ, когда ей вздумается; все дѣлается по ея желанію и она этого достойна: она самая милая женщина въ Виндзорѣ». Мистрисъ Пэджъ—вполнѣ почтенная женщина, но не жеманна; это одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя не напяливаютъ на свою честность педантски-строгихъ формъ,—особенность характера, въ достаточной мѣрѣ объясненная извѣстнымъ восклицаніемъ во вкусѣ Раблэ, которое было прибавлено Шекспиромъ къ окончательному эскизу.

VI.

Намъ остается изучить Фальстафа, являющагося не только центромъ интриги «Виндзорскихъ кумушекъ», но и дѣйствительнымъ, несомнѣннымъ героемъ комедіи. Фальстафъ, какъ извѣстно, одинъ изъ любимцевъ Шекспира, гораздо, конечно, въ большей степени, чѣмъ, напр., король Генрихъ V, герой Азинкура, котораго нѣкоторые критики считаютъ портретомъ самого Шекспира. Къ своему любимцу, жирному рыцарю, Шекспиръ возвращается нѣсколько разъ; кромѣ «Виндзорскихъ кумушекъ» онъ играетъ видную роль въ обѣихъ частяхъ «Генриха IV»; извѣстно также, что Шекспиръ намѣревался вывести его и въ хроникѣ «Генриха V», но впослѣдствіи оставилъ свое намѣреніе, разсказавъ только въ этой послѣдней хроникѣ устами Куикли смерть сэра Джона. Такимъ образомъ, мы имѣемъ почти полную біографію жирнаго рыцаря, тѣмъ болѣе драгоцѣнную, что она испещрена неисчерпаемымъ количествомъ характерныхъ чертъ, дѣлающихъ эту колосальную фигуру чудомъ искусства и дающихъ намъ такую полную характеристику, какая не существуетъ ни въодной изъ литературъ.

Сэръ Джонъ Фальстафъ пріобрѣлъ такую всемірную извѣстность, благодаря Шекспиру и своимъ личнымъ подвигамъ на поприщѣ соціальной жизни, любовныхъ похожденій и военнаго искуства, что мы по необходимости принуждены обратить на него особенное вниманіе и дать читателямъ возможно полную его біографію, тѣмъ болѣе, что Фальстафъ пріобрѣлъ не только историческую извѣстность, которой позавидовалъ бы ни одинъ монархъ древняго и новаго міра, но онъ кромѣ того,—слѣдуя выраженію Франсуа Гюго,—одинъ изъ свѣтилъ человѣчества, свѣтилъ, конечно, своеобразныхъ. Коментаторы, историки и критики не мало трудились надъ тѣмъ, чтобъ опредѣлить съ точностью генеалогію и происхожденіе столь великаго человѣка. Я передамъ вкратцѣ результаты этихъ изысканій, прибавивъ отъ себя одно только замѣчаніе: происхожденіе Фальстафа, какъ и вообще происхожденіе всѣхъ несомнѣнно великихъ людей, имѣетъ въ себѣ нѣчто странное и почти сверхъестественное. Римляне, какъ извѣстно, ведутъ свое начало отъ троянца Энея, скитавшагося долгое время по свѣту послѣ взятія Трои. Знаменитая Елена, бывшая невольною, такъ сказать, причиной троянской войны, была плодомъ любви Юпитера, превращеннаго въ лебедя, и Леды, жены Тиндара, спартанскаго короля. Нѣчто подобное приходится сказать и о происхожденіи сэра Джона Фальстафа. Если боги и не играли особенно замѣтной роли въ его генеалогіи, то нѣчто сверхъестественное во всякомъ случаѣ присуще ей. Дѣло въ томъ, что сэръ Джонъ Фальстафъ происходитъ по прямой линіи отъ нѣкоего лорда Кобгэма, погибшаго на кострѣ за свою приверженность ереси Виклефа. Какимъ образомъ могло случиться, что колосальный сэръ Джонъ Фальстафъ,—эта веселая бочка съ хересомъ, полнѣйшее олицетвореніе разгула, трусъ и острякъ, забывшій, по собственному сознанію, что находится въ церкви,—происходитъ отъ одного изъ первыхъ и благороднѣйшихъ пуританъ, погибшаго на кострѣ за свои религіозныя убѣжденія? Постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ возможно ясно.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: въ январѣ 1418 года на одной изъ площадей близь Лондона громадная толпа народа окружала зажженный костеръ, къ которому былъ привязанъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти съ просѣдью; у него было почтенное, внушающее уваженіе лицо. Цѣлая толпа патеровъ и монаховъ окружала костеръ и недопускала тѣснившуюся къ нему толпу. Осужденный не кричалъ, не проклиналъ, онъ просто молился. Нѣкогда онъ былъ однимъ изъ великихъ міра сего. Рыцарь по происхожденію, баронъ вслѣдствіе брака, отличившійся въ войнѣ съ Франціей, сэръ Джонъ Ольдкэстль, баронъ Кобгэмъ, принадлежалъ ко двору Генриха IV и былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ принцемъ Уэльскимъ, впослѣдствіи королемъ Генрихомъ V. Разсчитывая на свои связи и вліяніе, лордъ Кобгэмъ присталъ къ религіозной реформѣ Лоллара и Виклефа. Онъ самолично переписывалъ и раздавалъ англійскую библію, отрицалъ главенство папы и обличалъ злоупотребленія католическаго духовенства. За всѣ эти преступленія синодъ епископовъ присудилъ его къ казни еретиковъ въ 1415 году. Принцъ Уэльскій, тогда уже король Генрихъ V, умолялъ его отречься отъ его религіозныхъ заблужденій, но сэръ Джонъ Ольдкэстль остался имъ вѣренъ. Онъ былъ заключенъ въ Тоуэръ, но благодаря таинственной помощи

(вѣроятно, самого короля), успѣлъ бѣжать наканунѣ казни. Втеченіи трехъ лѣтъ онъ скрывался въ графствѣ Уэльскомъ. Наконецъ, въ 1417 году, во время пребыванія короля Генриха V во Франціи, онъ былъ схваченъ, вторично судимъ комисіей пэровъ и сожженъ.

Приступивъ къ созданію хроники «Генрихъ IV», Шекспиръ воспользовался только-что разсказанной трагической судьбой сэра Джона Ольдкэстля, но воспользовался по своему. Онъ сохранилъ нѣкоторыя особенности жизни, имя и фамилію, но создалъ не мученика религіозныхъ убѣжденій, а скорѣе мученика плоти, распутнаго, вѣчно-пьянаго жирнаго рыцаря, извѣстнаго намъ теперь подъ названіемъ Фальстафа. Въ хроникѣ Шекспира Фальстафъ первоначально назывался сэромъ Джономъ Ольдкэстлемъ; но затѣмъ, въ 1597 году Шекспиръ, пересматривая обѣ части хроники, вездѣ уничтожилъ названіе Ольдкэстля. Одно только мѣсто ускользнуло отъ этого пересмотра. Имя Ольдкэстля, обозначенное первымъ слогомъ Old, осталось въ текстѣ въ началѣ отвѣта Фальстафа верховному судьѣ: «именно, сэръ; но насчетъ существа моей болѣзни скажу вамъ, съ вашего позволенія, что я скорѣе стражду недугомъ неслушанія и невниманія» («Генрихъ IV», часть II, дѣйствіе первое, сцена II). Въ эпилогѣ этой же части мы встрѣчаемъ чрезвычайно любопытную фразу: «я убѣжденъ впередъ, что въ этомъ продолженіи Фальстафъ запотѣетъ до смерти, если онъ не убитъ уже вашимъ строгимъ приговоромъ, такъ какъ Ольдкэстль умеръ мученикомъ, а тотъ — совсѣмъ другой человѣкъ» («where, for any thing I know, Falstaff shall die of a sweat, unless already he be killed with your hard opinions; for Oldkastle died a martyr, and this is not the man»), — фраза, очевидно, вставленная впослѣдствіи; неловкость ея постройки несомнѣнно доказываетъ, по моему мнѣнію, что Шекспиръ во всякомъ случаѣ желалъ уничтожить всякое неблагопріятное для лорда Кобгэма сопоставленіе... Все это, вмѣстѣ взятое, дало поводъ обвинять Шекспира въ оскорбленіи мученика религіозныхъ убѣжденій и въ превращеніи почтеннаго лорда Кобгэма въ пьянаго циника и мошенника; однимъ словомъ, Шекспира обвиняли въ томъ же самомъ преступленіи, въ которомъ обвиняли Аристофана, издѣвающагося надъ погибшимъ за свои убѣжденія Сократомъ.

Таковы факты, послужившіе причиной массѣ недоразумѣній и затрудненій критиковъ коментаторовъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые являются безусловными поклонниками Шекспира и не хотятъ допустить въ великомъ поэтѣ никакихъ ошибокъ и заблужденій. Фанатическое поклоненіе Шекспиру одно время зашло такъ далеко, что Кольриджъ, напр., не признавалъ никакихъ несовершенствъ за Шекспиромъ и когда очевидность была слишкомъ велика, то онъ объяснялъ это своимъ собственнымъ непониманіемъ... При такихъ условіяхъ, разумѣется, и вопросъ о происхожденіи Фальстафа принялъ размѣры настоящей распри, тѣмъ болѣе печальной, что къ ней припутана была, совершенно не кстати, и честь Шекспира, какъ человѣка. Безусловные поклонники Шекспира стараются выйдти изъ затрудненія тѣмъ, что объясняютъ, будто бы Шекспиръ, создавая фигуру жирнаго рыцаря и окрещивая его именемъ Ольдкэстля, не зналъ, что это имя принадлежало человѣку, пострадавшему за свои религіозныя убѣжденія, и какъ только этотъ фактъ сталъ ему извѣстенъ, онъ немедленно замѣнилъ имя Ольдкэстля именемъ Фальстафа.

Съ этимъ объясненіемъ, однакожь, невозможно согласиться. Шекспиръ не могъ не знать, кто такой былъ Ольдкэстль, такъ какъ свою хронику онъ писалъ въ царствованіе Елисаветы, когда религіозная реформа восторжествовала и протестантство сдѣлалось официальною церковью, слѣдовательно, воскресло и воспоминаніе о человѣкѣ, который однимъ изъ первыхъ пострадалъ за реформу. Къ тому же сами католики постарались сдѣлать имя Ольдкэстля весьма популярнымъ. Въ 1580 году появилась анонимная драма «Славныя побѣды короля Генриха пятаго», въ которой Ольдкэстль, этотъ мученикъ своихъ религіозныхъ вѣрованій, выступаетъ въ качествѣ разбойника, развратника и плута. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шекспиръ въ своей хроникѣ руководствовался указаніями этой драмы и заимствовалъ изъ нея всю комическую часть, что очевидно при самомъ поверхностномъ сопоставленіи.

Въ анонимной драмѣ сэръ Джонъ Ольдкэстль отвѣчаетъ кличкѣ Джокея. Онъ составляетъ съ тремя другими плутами: Нэдомъ, Гадсхилемъ и Томомъ, шайку воровъ, имѣющую своимъ предводителемъ принца Уэльскаго, а своей главной квартирой — истчипскую таверну. Шайка грабитъ королевскихъ сборщиковъ и сэръ Джонъ на свою долю получаетъ сто фунтовъ. Принцъ поздравляетъ его и всѣ отправляются пьянствовать въ таверну. Вскорѣ возникаетъ ссора и драка; является стража и арестуетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ вмѣстѣ съ принцемъ. Принцъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ даетъ пощечину верховному судьѣ, отказавшемуся освободить Гадсхиля, и за этотъ подвигъ попадаетъ въ флитъ-стритскую тюрьму. Но благодаря своему высокому положенію Гарри вскорѣ освобожденъ и мы снова находимъ его въ обществѣ Ольдкэстля и Нэда: «знаете-что, господа? говоритъ онъ, — когда я буду королемъ, то уничтожу тюрьмы, висѣлицы и палки; когда умретъ король, мой отецъ, мы всѣ будемъ королями». — «Онъ — добрый малый, отвѣчаетъ Ольдкэстль, — хорошо было бы, если бы Господь прибралъ его съ сей земной юдоли поскорѣе». Извѣстіе о болѣзни короля ободряетъ шайку. Принцъ отправляется во дворецъ, гдѣ умирающій отецъ упрекаетъ его въ безпутствѣ. Принцъ кается, обѣщаетъ исправиться и клянется, что броситъ компанію мошенниковъ. Генрихъ IV умираетъ. Вступленіе на престолъ Генриха V приводитъ въ восторгъ завсегдателей истчипской таверны. Сэръ Джонъ съ товарищами отправляется въ Вестминстеръ привѣтствовать новаго короля, который, однакожь, гонитъ ихъ отъ себя и даже изгоняетъ изъ Лондона. Очевидно, что драма написана была съ цѣлью осмѣять трагическую судьбу Ольдкэстля и мученика вѣры выставить мошенникомъ и плутомъ.

Этими драматическими данными воспользовался Шекспиръ; онъ не только перенесъ въ свою хронику безпутнаго принца и шайку мошенниковъ, но оставилъ многія подробности, а также сохранилъ большинству товарищей принца ихъ первоначальныя имена. Объяснять, слѣдовательно, невѣдѣніемъ Шекспира то, что онъ первоначально назвалъ жирнаго рыцаря Ольдкэстлемъ и сдѣлалъ его распутнымъ гулякой и мошенникомъ, — невозможно. Да, впрочемъ, для оправданія Шекспира это лишнее. По моему мнѣнію, дѣло объясняется гораздо проще фактами и условіями времени.

Я думаю, что со стороны Шекспира не было преднамѣренности, но не было также невѣдѣнія. Шекспиру извѣстна была исторія сэра Джона Ольдкэстля, но рѣшившись заимствовать комическую часть своей хроники изъ анонимной драмы, онъ не приписывалъ никакого значенія тому обстоятельству, что анонимная драма намѣренно клевещетъ на протестантскаго мученика. Ему понравились комическія данныя анонимной драмы и онъ перенесъ ихъ въ хронику, не заботясь о томъ, оскорбляетъ-ли онъ память мученика, или нѣтъ. Но спустя нѣсколько лѣтъ, обстоятельства измѣнились въ значительной степени. Реформа окрѣпла, духъ пуританства сталъ проникать въ англійское общество и насмѣшки, прежде неимѣвшія никакого значенія, теперь сдѣлались неудобны. Вслѣдствіе этого Шекспиръ принужденъ былъ замѣнить имя своего героя, что, впрочемъ, очевидно, изъ слѣдующаго мѣста письма, найденнаго въ библіотекѣ «Bodleian library»: «На первомъ представленіи «Генриха IV», пишетъ докторъ Ричардъ Джемсъ, дѣйствующее лицо, изображавшее шута, носило не имя Фальстафа, а имя сэра Ольдкэстля: потомки этой личности, носящіе туже самую фамилію, по справедливости обидѣлись этимъ и поэтъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ неблаговидному средству замѣнъ Ольдкэстля осмѣять сэра Джона Фальстафа, личность не менѣе почтенную...»

Это свидѣтельство современника подтверждается также и другими соображеніями. Случайность, заставившая Шекспира осмѣять почтеннаго Ольдкэстля, не имѣла въ его глазахъ никакого значенія, если предположить, что религіозные вопросы были ему чужды. Такимъ образомъ къ вопросу о сэрѣ Джонѣ Ольдкэстлѣ примѣшивается еще вопросъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ великаго поэта. Я не отрицаю, что этотъ вопросъ и самъ по себѣ имѣетъ значительную историческую важность; это одинъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ шекспировской критики, но припутывать его, ни къ селу, ни къ городу, къ вопросу о сэрѣ Ольдкэстлѣ, — по меньшей мѣрѣ, неумѣстно. Къ тому же вопросъ о томъ, какихъ религіозныхъ мнѣній придерживался Шекспиръ и даже къ какой официальной церкви онъ принадлежалъ, — едва-ли когда либо будетъ рѣшенъ окончательно. Въ этомъ отношеніи любопытное явленіе представляетъ «Венеціанскій купецъ»; въ этой романтической драмѣ усердные коментаторы отыскали два выраженія, изъ которыхъ одно умѣстно только въ устахъ католика, а другое обнаруживаетъ самыя несомнѣнныя протестантскія чувства... При подобнаго рода доказательствахъ едва-ли возможемъ когда-либо раціональный выводъ.

Къ сожалѣнію, большинство коментаторовъ, желая во что бы то ни стало видѣть въ Шекспирѣ или католика, или протестанта, не обращаютъ вниманія на то, что всѣ противорѣчія, встрѣчающіяся въ произведеніяхъ Шекспира, указываютъ скорѣе на его религіозный индиферентизмъ, чтобъ не сказать больше. Этотъ индиферентизмъ для меня лично не подлежитъ сомнѣнію, что, впрочемъ, объясняется не только особенностями шекспировскаго ума, по преимуществу, художественнаго, но также и средой, въ которой онъ жилъ. Вотъ, напр., что пишетъ г. Стороженко объ распространеніи раціонализма въ Англіи XVI столѣтія («Робертъ Гринъ, его жизнь и произведенія»): «Марло слылъ за человѣка крайнихъ раціоналистическихъ убѣжденій, который, по свидѣтельству совре-

менниковъ, не ограничиваясь устной пропагандой своихъ убѣжденій, писалъ цѣлые трактаты противъ религіи. Пропаганда Марло не была единичнымъ явленіемъ. Свѣденія, идущія изъ разныхъ лагерей, въ одинъ голосъ говорятъ, что не только отдѣльныя личности, но и цѣлые кружки занимались распространеніемъ скептическихъ доктринъ, вторгавшихся въ послѣднее время въ Англію изъ континента. Таковъ, напр., былъ кружокъ, собиравшійся въ домѣ сэра Вальтера Ралея. Во главѣ этого кружка, названнаго однимъ современникомъ, публичной школой атеизма, стоялъ знаменитый математикъ и астрономъ Томасъ Гаріотъ, далеко опередившій свое время. Извѣстный противникъ театровъ, пуританинъ Госсонъ упоминаетъ о другомъ публичномъ кружкѣ, называемомъ имъ проклятой шайкой. Пріятель Грина, Т. Нашъ совѣтуетъ проповѣдникамъ отложить на время всякія препирательства съ сектантами и обратить свое вниманіе на пропаганду атеизма, потому что нѣтъ секты болѣе распространенной въ Англіи, какъ секта атеистовъ. Совѣтъ Наша былъ какъ нельзя болѣе кстати, потому что модныя скептическія чтенія стали проникать и въ среду самаго духовенства» [1]). Если послѣ этого обратить вниманіе на то, что Шекспиръ, хотя и моложе Марло, работалъ вмѣстѣ съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своего поприща, что, по всей вѣроятности, онъ былъ знакомъ съ Гриномъ и Нашемъ, что онъ встрѣчался не только съ писателями и художниками, но также съ государственными людьми, юристами и молодыми аристократами, между которыми имѣлъ даже друзей,—то возможно-ли предположить, чтобъ раціоналистическое движеніе не оказало никакого вліянія на его умъ? Если, пріѣхавъ въ Лондонъ изъ Стратфорда, Шекспиръ и имѣлъ какія либо религіозныя вѣрованія, то они, по необходимости, должны были разсѣяться не только подъ вліяніемъ раціоналистическаго движенія, но и вслѣдствіе постояннаго зрѣлища религіозной нетерпимости и казней, которыми такъ богато время Елисаветы. Воспріимчивый и гуманный Шекспиръ, умъ котораго всегда былъ склоненъ къ скептицизму, не могъ не быть пораженъ постояннымъ зрѣлищемъ этой нетерпимости...

VII.

Мы покончили съ вопросомъ объ имени Ольдкэстля, и намъ остается посвятить читателей въ другую тайну шекспировской критики и разсказать: откуда авторъ «Гамлета» взялъ имя Фальстафа.

Ольдкэстля необходимо было уничтожить, но гдѣ взять историческую личность, которая бы имѣла титулъ сэра и носила имя Джона, и въ особенности личность не съ столь незапятнанной исторической репутаціи? Къ счастію, случай и на этотъ разъ ему помогъ: онъ отыскалъ въ старинныхъ лѣтописяхъ нѣкоего рыцаря-баронета, родившагося въ 1377 году и умершаго въ 1428 году, современника Ричарда II, Генриха IV, Генриха V и даже Генриха VI, стараго ветерана, сражавшагося при Азинкурѣ, но разжалованнаго впослѣдствіи за бѣгство съ поля битвы при Патэ. Этотъ рыцарь носилъ названіе сэра Джона Фастольфа. Еще прежде, когда Шекспиръ принялся за обработку старой хроники «Генриха VI», онъ встрѣтилъ тамъ этого рыцаря и оставилъ его вводнымъ лицомъ въ двухъ сценахъ, неимѣющихъ никакого литературнаго интереса. Въ первой сценѣ Фастольфъ бѣжитъ съ поля битвы: «куда спѣшу? говоритъ онъ,—ищу спасенія въ бѣгствѣ; насъ разобьютъ, того гляди, опять!» Въ другой сценѣ Тальботъ срываетъ подвязку съ Фастольфа, называя его подлецомъ. Именемъ этого рыцаря и воспользовался Шекспиръ, слегка измѣнивъ его и надѣливъ Фальстафа такими яркими чертами характера, которыя сдѣлали эту фигуру безсмертной.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, генеалогію и происхожденіе,—литературное и историческое,—нашего жирнаго рыцаря, мы можемъ приступить къ его біографіи. Изъ нѣкоторыхъ сопоставленій мы можемъ заключить, что сэръ Джонъ Фальстафъ родился между 1343 и 1353 годами (въ головѣ Шекспира этотъ типъ, вѣроятно, возникъ около 1595 г.). Годы его дѣтства и юности покрыты мракомъ неизвѣстности. Мы знаемъ только, что въ дни своего счастливаго дѣтства онъ щипалъ гусей, бѣгалъ отъ своихъ учителей и погонялъ кнутикомъ кубарь,—невинное занятіе, одинаково свойственное дѣтскимъ годамъ какъ великихъ, такъ и самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ. Къ этому времени, вѣроятно, относится и его знакомство съ будущимъ судьей Шалло, который съ удовольствіемъ отзывался впослѣдствіи о проказахъ, совершаемыхъ ими вмѣстѣ, когда они были школьниками. Впрочемъ, всѣмъ этимъ розсказнямъ Шалло не слѣдуетъ давать особенной вѣры, такъ какъ самъ Фальстафъ свидѣтельствуетъ, что Шалло вретъ весьма исправно: «онъ выплачиваетъ ложь слушателю также исправно, какъ дань турку». Кстати воспользуемся словами Фальстафа, чтобъ дать читателю нѣкоторое понятіе о личности Шалло; въ школѣ Клименти, гдѣ онъ былъ товарищемъ сэра Джона, Шалло былъ похожъ на фигурку, какую вырѣзываютъ дѣти за ужиномъ изъ корки сыру,—дѣло, которымъ, несомнѣнно, занимался и самъ сэръ Джонъ, а можетъ быть, даже и Шекспиръ. Безъ одежды весь свѣтъ принялъ бы Шалло въ то время за двухвостую редиску съ вырѣзанной къ верху мордочкой. Къ тому же Шалло былъ такъ худъ, что близорукій не смѣрялъ бы его въ толщину, за то всѣ окрестныя дѣвушки называли его мандрагорой. Любилъ гоняться за модой и былъ сладострастенъ, какъ обезьяна. Бывало, подслушаетъ у трактирщиковъ какую-нибудь паршивую пѣсню и начнетъ напѣвать ее, говоря, что это его собственныя поэтическія грезы. И этотъ шутъ гороховый сдѣлался впослѣдствіи судьей, сталъ эсквайромъ и разсказывалъ о Джонѣ Гонтѣ, какъ о пріятелѣ своемъ, хотя онъ Джона Гонта видалъ всего одинъ разъ въ жизни когда тотъ проломилъ ему голову за то, что онъ втерся на турнирѣ въ толпу его лакеевъ... Такая характеристика, правда, похожа нѣсколько на сплетню, но, что прикажете дѣлать, если краснорѣчіе сэра Джона носитъ на себѣ именно этотъ характеръ? Во всякомъ случаѣ она даетъ нѣкоторое понятіе о школьномъ товарищѣ сэра Джона и вообще о жизни, которую сэръ Джонъ велъ въ то блаженное время, когда былъ еще просто Джекомъ.

Вообще общество, въ которомъ жилъ тогда молодой Джекъ, не отличалось особенной сдержанностью и приличіемъ. Его товарищи, да и онъ самъ,—если можно такъ выразиться,—были готовы на все и сейчасъ же; онъ да Шалло, да маленькій Джонъ Дойтъ, изъ Стафордшира, да черный Джэкъ Бэръ, да Френсисъ Пикбонъ, да Виль Сквиль—были такіе головорѣзы, какихъ теперь, конечно, не встрѣтишь въ Англіи: они знали на перечетъ всѣхъ окрестныхъ bona-robas (особы легкаго поведенія). Въ школѣ Джэкъ Фальстафъ зналъ также и нѣкоего Скогэна и даже,—разсказываютъ,—проломилъ однажды голову этому Скогэну, хотя былъ еще совсѣмъ малымъ: малъ золотникъ, да дорогъ. Скогэнъ былъ, какъ извѣстно, придворный шутъ. Не можетъ-ли это знакомство въ юности съ шутомъ объяснить жанръ ума сэра Джона? Не будучи въ состояніи рѣшить удовлетворительно этого вопроса, предлагаю его на обсужденіе англійскихъ и нѣмецкихъ шекспировскихъ обществъ. Вскорѣ по выходѣ изъ школы Джэкъ Фальстафъ,—что впослѣдствіи сталъ сэромъ Джономъ Фальстафомъ,—попалъ въ пажи къ герцогу Норфольку, котораго мы встрѣчаемъ въ другой хроникѣ Шекспира, въ «Ричардѣ II». Норфолькъ былъ вельможа какихъ мало и по нынѣшнимъ временамъ, человѣкъ богатый и вліятельный. Онъ былъ изгнанъ изъ Англіи королемъ Ричардомъ II въ 1398 году; нѣсколько лѣтъ скитался по Европѣ и умеръ въ Венеціи. Джэкъ Фальстафъ, по всей вѣроятности, скитался вмѣстѣ съ нимъ, и это даетъ намъ поводъ предположить, что будущій жирный рыцарь былъ знакомъ съ Европой не только по наслышкѣ; свои подвиги онъ, вѣроятно, началъ въ трактирахъ Франціи, Голландіи и Италіи. Когда и какъ онъ возвратился изъ своего путешествія по континенту, мы не знаемъ, но несомнѣнно, что къ этому времени относится его знакомство съ Бардольфомъ, въ обществѣ котораго мы его встрѣчаемъ сначала въ «Виндзорскихъ кумушкахъ», а потомъ и въ обѣихъ частяхъ «Генриха IV». Хотя сэръ Джонъ, впослѣдствіи, и увѣрялъ верховнаго судью, что онъ такъ и родился съ круглымъ животомъ, но мы не имѣемъ никакого основанія вѣрить въ этомъ случаѣ самодовольному сэру Джону, тѣмъ болѣе, что принцу Генриху онъ сообщалъ совершенно другое, а именно, онъ говорилъ, что въ дни своей юности былъ не толще спички и могъ бы пролѣзть въ кольцо съ пальца любого альдермена и только бражничанье, да гулевая жизнь съ теченіемъ времени раздула его до того, что онъ не могъ видѣть собственныхъ колѣнъ. За исключеніемъ, впрочемъ, этихъ совершенно отрывочныхъ данныхъ, мы не имѣемъ никакихъ другихъ, болѣе точныхъ, свѣденій о юности сэра Джона, о степени его образованія и познаніяхъ. Свое образованіе и познанія онъ, по всей вѣроятности, получилъ сначала въ тавернахъ континента, а потомъ и Англіи. Но намъ, несомнѣнно, извѣстно, что и тогда уже онъ отличался замѣчательнымъ остроуміемъ и всегда былъ склоненъ къ самой невоздержанной жизни.

[1]) Г. Стороженко удалось встрѣтить въ одной рукописи британскаго музея любопытную форму отреченія одного священника, который проповѣдывалъ съ каѳедры раціоналистическія возрѣнія и въ заключеніе объявилъ себя язычникомъ: «The Form of Abjuration of Heresies and errors made before the Archibishop and Bishops in Convocation by John Hilton, clerk, who having been imprisoned by the High Commission did appear before the Upper House on December 22, 1584 and confessed his accusation, Saying, that he has Taid in a sermon at St. Martin's in the Fields, that the Old and New Testament are but fables» etc.

Въ «Виндзорскихъ кумушкахъ», — когда начинается собственно историческій періодъ его жизни, — мы его встрѣчаемъ человѣкомъ уже пожилымъ; то, что обѣщали дѣтство и юность, осуществилось съ избыткомъ; онъ потолстѣлъ, постарѣлъ и посѣдѣлъ. Никакихъ идеаловъ онъ не носитъ въ своемъ сердцѣ, но за то любитъ выпить, не прочь поволочиться за хорошенькими женщинами и неразборчивъ на средства добывать деньги. Зачѣмъ онъ поселился въ Виндзорѣ, что тамъ дѣлалъ, чѣмъ жилъ? На эти вопросы мы не имѣемъ прямыхъ отвѣтовъ, но имѣемъ право предполагать, что уже и тогда онъ сошелся съ принцемъ Уэльскимъ, будущимъ королемъ Генрихомъ V, и что уже въ Виндзорѣ начала организоваться та веселая компанія, которой подвиги изображены такъ неподражаемо въ «Генрихѣ IV». Несомнѣнно также, что въ Виндзорѣ сэру Джону не такъ хорошо жилось, какъ жилось впослѣдствіи; не смотря на свои почтенныя лѣта, онъ былъ все-таки слишкомъ юнъ, мало опытенъ и не умѣлъ съ толкомъ пользоваться жизнію. Въ Виндзорѣ мы не встрѣчаемъ безпутнаго принца и сэръ Джонъ перебивается, какъ можетъ. Правда, у него есть свои лошади, онъ живетъ въ гостинницѣ «Подвязка» и истрачиваетъ по десяти фунтовъ въ недѣлю, но тѣмъ не менѣе все-таки ходитъ безъ сапогъ и замѣтно нищаетъ. При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, что прикажете дѣлать? Сэръ Джонъ рѣшаетъ, что лучше всего пуститься на разныя выдумки и приняться надувать. Однимъ словомъ, онъ вознамѣрился поиграть въ любовь съ мистрисъ Фордъ; онъ «носомъ чуетъ ея благорасположеніе къ себѣ»; мистрисъ Фордъ любезничаетъ, заигрываетъ, строитъ глазки, онъ «уразумѣлъ смыслъ этого интимнаго стиля» и переводитъ его слѣдующимъ образомъ: «я вся принадлежу сэру Джону Фальстафу». Не мудрено, что при такихъ условіяхъ воображеніе его воспламеняется и онъ представляетъ уже себѣ картину своего благополучія: мистрисъ Фордъ, мечтаетъ онъ, — Гвіана полная золота и щедрости. Онъ сдѣлается казначеемъ у ней, а она будетъ его казначейшей; онъ найдетъ въ ней восточную и западную Индію и поведетъ торговлю съ обѣими... Надобно прибавить, что подобные же планы онъ имѣетъ и по отношенію къ мистрисъ Пэджъ. Впрочемъ, ему рѣшительно не повезло въ этомъ случаѣ; его спутники: Бардольфъ Пистоль и Нимъ отказываются ему содѣйствовать. Эта неблагодарность возмущаетъ его; онъ гонитъ ихъ отъ себя, говоря:

Фальстафъ духъ времени усвоитъ — и отлично
Одинъ съ своимъ пажемъ онъ заживетъ практично.

Вскорѣ, однакожь, онъ снова примиряется съ ними. Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлался осторожнѣе и не даетъ имъ ни гроша. «Не разъ уже, говоритъ онъ Пистолю, — я позволялъ тебѣ закладывать мой кредитъ; три отсрочки выпросилъ я у моихъ добрыхъ друзей для тебя и для твоего однокашника Нима. Не дѣлай я этого, вы бы выглядывали изъ-за рѣшетки, какъ пара обезьянъ. Я заранѣе предалъ себя въ адъ, поклявшись моимъ друзьямъ-джентльменамъ, что вы — хорошіе солдаты и славные люди; а когда мистрисъ Бриджетъ потеряла рукоятку своего вѣера, я поручился моею честью, что эта вещь не у тебя». Сэра Джона Фальстафа болѣе всего возмущаетъ то обстоятельство, что Пистоль «прячетъ подъ маску честь и свои лохмотья», въ то время, какъ онъ, сэръ Джонъ, едва-едва можетъ удержаться въ границахъ своей чести!

Любопытно взглянуть, какъ сэръ Джонъ удерживается въ границахъ этой чести. «Онъ начинаетъ дѣло очень искусно, говоритъ Гервинусъ, одинъ изъ его біографовъ, — приступаетъ къ честнымъ горожанкамъ весьма почтеннымъ тономъ. Сладкихъ рѣчей онъ не любитъ и причина этого кроется въ его мужской натурѣ. Но при этомъ онъ простираетъ свое важничанье до такой небрежности, что посылаетъ обѣимъ женщинамъ совершенно одинаковыя письма. Успѣхъ посланія совершенно вскружилъ ему голову, но онъ же отнялъ у него все его прежнее остроуміе; внезапно овладѣвшее имъ самодовольство совершенно ослѣпляетъ его. И лишь только тщеславіе довело его до чрезвычайно высокаго мнѣнія о себѣ, лишь только онъ вообразилъ себѣ, что сдѣлается предметомъ любви, — съ нимъ все можетъ статься. Такъ, онъ принимаетъ за чистую монету грубую лесть Брука: самое нелѣпое предложеніе не кажется ему несбыточнымъ; онъ воображаетъ, что ему готова предаться женщина, которая, какъ ему говорятъ, осталась непреклонной къ искательствамъ порядочнаго человѣка. Тщеславіе и высокомѣріе доводятъ его до безразсудной откровенности; но за то съ другой стороны разсудокъ вполнѣ его оставляетъ. Два раза онъ поддается самому грубому обману: его полощатъ, валяютъ, катаютъ и со всѣмъ тѣмъ, при третьемъ разѣ, онъ не дѣлается нисколько осторожнѣе, не смотря на то, что еще при второмъ разѣ говорилъ, что если его еще разъ такъ одурачать, то онъ позволитъ мозгъ свой зажарить въ маслѣ и выбросить собакамъ. Веселыя женщины сговорились противъ него; но онъ сдается слабѣйшимъ силамъ послѣ того, какъ онъ разъ поскользнулся на своемъ самолюбіи. Позоръ, удары, холодныя ванны, денежный штрафъ, щипки, обжоги, рога, которые онъ готовилъ другимъ, — все это падаетъ на него. Сознаніе своей вины, омраченіе разсудка доводятъ его при послѣднемъ приключеніи до того, что онъ вѣритъ въ существованіе фей и боится ихъ; онъ не узнаетъ даже по голосу пастора Эванса и принимаетъ его за домового! А когда ему напослѣдокъ разгадали загадку, то онъ, который никогда не умѣлъ подняться до самосознанія, стоитъ пристыженный передъ самимъ собой». — Гервинусъ преслѣдуетъ несчастнаго сэра Джона и на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ обвиняетъ его во всевозможныхъ преступленіяхъ, забывая, что сэру Джону рѣшительно не писаны никакіе нравственные законы. Трудъ совершенно напрасный; критикъ въ данномъ случаѣ уступаетъ слово моралисту, довольно скучному и нисколько не интересному; онъ не изслѣдуетъ сложной фальстафовой натуры, а громитъ его пороки, какъ будто-бы Шекспиръ создавалъ своего Фальстафа въ поученіе грядущимъ поколѣніямъ!.. Посмотримъ лучше, какъ сэръ Джонъ объясняется въ любви: картина Грюцнера наглядно пояснитъ эту прелестную, характерную сцену: «Уже-ль ты мой — брильянтъ прелестный? О, теперь я готовъ умереть, потому-что много жилъ. Здѣсь предѣлъ моему честолюбію: о, блаженнѣйшій часъ! — Милый, сэръ Джонъ! — Мистрисъ Фордъ, я не умѣю льстить, я не умѣю много говорить, мистрисъ Фордъ. Согрѣшу я теперь помысломъ: мнѣ было бы желательно, чтобъ твой мужъ умеръ. Да, передъ знатнѣйшимъ лордомъ не задумаюсь сказать: желалъ бы сдѣлать тебя моею леди! — Меня — вашей леди, сэръ Джонъ? Ахъ, жалкая леди вышла бы изъ меня! — Пусть французскій дворъ покажетъ мнѣ подобную тебѣ! Твои очи, — это я вижу, — могли бы соперничать съ брильянтомъ! Ты обладаешь тѣми прелестными дугами бровей, къ которымъ идетъ и шляпка-корабликъ, и шляпка-амазонка, и всякая шляпка венеціянскаго покроя! — Простой платокъ, сэръ Джонъ, — вотъ что идетъ къ моимъ бровямъ; да и тотъ слишкомъ хорошъ для меня. — Клянусь Богомъ, ты совершаешь преступленіе, произнося такія слова. Нѣтъ, изъ тебя бы вышла придворная дама въ полномъ смыслѣ слова и твердая поступь твоей ноги придавала бы удивительную прелесть твоимъ движеніямъ въ полукруглыхъ фижмахъ! Если бы судьба не была твоимъ врагомъ, я знаю чѣмъ была бы ты, имѣя такого друга въ природѣ. Перестань же скрывать это, ибо скрыть невозможно! — Повѣрьте, ничего подобнаго нѣтъ во мнѣ. — Но за что же я полюбилъ тебя? Убѣдись хотя этимъ, что въ тебѣ есть нѣчто необыкновенное. Я не умѣю льстить, не умѣю говорить, что ты такая и этакая, — какъ умѣютъ сюсюкать эти франты, похожіе на женщинъ въ мужскомъ платьѣ и пахнущіе какъ аптекарская кладовая во время сбора травъ. Не умѣю я, — но люблю тебя, одну тебя, и ты заслуживаешь этого. — Не обманывайте меня, сэръ: боюсь, вы любите мистрисъ Пэджъ. — Ты точно также могла бы сказать, что я люблю прохаживаться мимо долговой тюрьмы, которая для меня ненавистна такъ же, какъ дымъ отъ обжигаемой извести!» — Въ этой сценѣ сэръ Джонъ рисуется очень характерно; вы видите тутъ, не смотря на эту громаду жира, купающуюся, такъ сказать, въ хересѣ, — необыкновенно подвижную, вкрадчивую натуру, находчивость, своеобразное остроуміе, ловкость; это — весь Фальстафъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, развившихся въ немъ впослѣдствіи. Разсказъ о томъ, какъ онъ попалъ въ корзину съ грязнымъ бѣльемъ, дополняетъ характеристику Фальстафа виндзорскаго періода: [1]) «когда я, такимъ образомъ, очутился въ корзинѣ, мистрисъ Фордъ позвала двухъ мерзавцевъ, лакеевъ своего мужа, и велѣла нести меня въ видѣ грязнаго бѣлья на Дэтгетскій лугъ. Они подняли меня къ себѣ на плечи; въ дверяхъ встрѣтился съ ними мерзкій ревнивецъ, ихъ баринъ, спросившій разъ или два, что у нихъ въ корзинѣ. Я трепеталъ отъ страха при мысли, что этотъ подлый лунатикъ станетъ осматривать корзину; но судьба, обрекшая его на званіе рогоносца, удержала его руку. Ну, хорошо! Онъ отправился дальше на поиски, а я препроводился въ видѣ грязнаго бѣлья. Но замѣчайте, что было дальше, мистеръ Брукъ. Я терпѣлъ муки трехъ различныхъ родовъ смерти: во-первыхъ — невыносимый страхъ, что ревнивый, гнусный баранъ найдетъ меня; затѣмъ, лежаніе на пространствѣ какого-нибудь наперстка въ мучительно-скорченномъ положеніи, головой къ пяткамъ, наконецъ, плотная укупорка моей персоны, точно крѣпкаго спирта, въ вонючемъ бѣльѣ, разлагавшемся въ своемъ собственномъ салѣ. Представьте себѣ человѣка моей комплекціи — представьте себѣ это... А надо вамъ знать, что на меня жаръ дѣйствуетъ какъ на масло: со мной происходитъ вѣчное расплавленіе, вѣчное таяніе. Не понимаю, какимъ чудомъ я не задохся. И вотъ, въ самомъ разгарѣ моей бани, когда я, точно голландское кушанье, на половину сварился уже въ соб-

[1]) См. гравюру съ картины Макарта.

ственномъ жирѣ, меня вдругъ швырнули въ Темзу, мое до красна раскаленное тѣло охладили въ этой влагѣ, какъ лошадиную подкову; представьте вы только это—раскаленное до-красна,—представьте себѣ, мистеръ Брукъ!»

VIII.

акъ мы знаемъ, виндзорская исторія окончилась довольно печальнымъ для Фальстафа фарсомъ. Этотъ фарсъ, несомнѣнно, послужилъ ему превосходнымъ житейскимъ урокомъ, потому что, когда мы снова встрѣчаемся съ нимъ въ хроникѣ «Генрихъ IV», онъ значительно измѣнился,—нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ къ лучшему, въ обыденномъ, буржуазномъ смыслѣ слова. Онъ уже совершенно ожирѣлъ, опустился, пріобрѣлъ опытность, которой прежде ему не доставало и сдѣлался отъявленнымъ плутомъ и циникомъ. Съ принцемъ Генрихомъ онъ уже окончательно сошелся, третируетъ его за панибрата и считаетъ щенкомъ и мальчишкой. Веселая компанія, составленная изъ него, принца, Пойнса, Гадсхиля, Пето и Бардольфа, окончательно сформировалась; компанія пьянствуетъ, развратничаетъ и грабитъ по большимъ дорогамъ. Героемъ является, разумѣется, все тотъ же сэръ Джонъ. Для того, чтобы составить себѣ понятіе объ этой компаніи, достаточно указать на Гадсхиля, который въ такой дурной славѣ, что ему даже извощики не рѣшаются ссудить фонарь. Дѣла компаніи идутъ хорошо и воображеніе сэра Джона разыгрывается до такой степени, что ему хотѣлось бы, чтобъ принцъ по вступленіи на престолъ изгналъ изъ Англіи законъ и висѣлицы и далъ бы право гражданства ночному ремеслу разбойниковъ. Веселую компанію онъ сравниваетъ съ моремъ, а принцъ прибавляетъ, что у рыцарей луны есть свой приливъ и отливъ; такъ, напр., въ понедѣльникъ ночью послѣ отчаяннаго грабежа золото прилѣтетъ къ кошельку, а во вторникъ послѣ пирушки отольетъ назадъ; добыто крикомъ: «стой!» уничтожено крикомъ: наливай!» Иной разъ отливъ стоитъ ниже первой ступени лѣстницы, въ другой—приливъ приводитъ до верхушекъ висѣлицы! Пойнсъ спрашиваетъ сэра Джона: «Джэкъ, какъ твое дѣло съ дьяволомъ о душѣ, которую ты ему продалъ въ послѣднюю святую пятницу за стаканъ хереса и холоднаго каплуна?»

Въ первой части хроники «Генрихъ IV» мы присутствуемъ при одномъ изъ разбойничьихъ подвиговъ веселой компаніи съ сэромъ Джономъ во главѣ. Подвигъ оканчивается, впрочемъ, довольно забавнымъ фарсомъ. Фальстафъ, Пето, Бардольфъ и Гадсхиль нападаютъ ночью на проѣзжихъ купцовъ, грабятъ ихъ и только что намѣреваются приступить къ дѣлежу добычи, какъ принцъ и Пойнсъ въ маскахъ нападаютъ въ свою очередь на нихъ и отымаютъ деньги. Послѣ подвига вся компанія собирается въ тавернѣ «Кабаньей головы» въ Истчипѣ. Фальстафъ въ уныніи и проклинаетъ принца и Пойнса, которые, по его мнѣнію, трусы, потому что не поспѣли къ нимъ на помощь. Не зная, что ихъ ограбили тѣже принцъ и Пойнсъ, Фальставъ принимается разсказывать свои ночные подвиги [1]). «Я—подлецъ, говоритъ онъ,—если не сражался, по крайней мѣрѣ, два часа съ цѣлой дюжиной. Я остался живъ чудомъ. Я восемь разъ проколотъ сквозь камзолъ, четыре—сквозь исподнее платье. Мой щитъ изрубленъ вдоль и поперегъ; мой мечъ зазубренъ, какъ пила.. —И вы сражались со всѣми? спрашиваетъ съ улыбкой принцъ.—Со всѣми? я не знаю, что ты называешь со всѣми, но если я не сражался съ пятьюдесятью,—назови меня пучкомъ редисокъ...—Господи помилуй! ужь вѣрно, ты убилъ нѣсколькихъ?—Ну, ужь тутъ молиться было поздно. Двухъ я укокошилъ, съ двумя, я увѣренъ, расчетъ конченъ, съ двумя бездѣльниками въ клеенчатыхъ плащахъ. Галь, если я лгу, наплюй мнѣ въ глаза и назови меня лошадью. Ты знаешь мою старую манеру защищаться: сталъ такъ и держу мечъ такъ. Четыре бездѣльника въ клеенкѣ идутъ...—Четыре? какъ же ты сейчасъ сказалъ, только двое?—Четыре, Галь; я сказалъ, четыре... Эти четверо стали рядомъ передо мной и ну тыкать. Я, не раздумывая долго, поймалъ въ мой щитъ всѣ семь мечей—вотъ такъ.—Семь? да вѣдь ихъ было только четверо?—Въ клеенкѣ?—Ну, да, четверо въ клеенкѣ.—Семеро, клянусь этой рукоятью, семеро; иначе, я—подлецъ.—Оставь его, прибудетъ еще.—Галь, ты слушаешь?—Слушаю, Джэкъ, слушаю.—Слушай, слушай; оно стоитъ, чтобъ послушать. Ну вотъ, какъ я сказалъ, эти девятеро въ клеенкѣ...—Ну, прибавилось еще двое.—Переломили мечи...—И потеряли штаны.—И начали отступать; но я за ними, и быстрѣе мысли, положилъ семерыхъ изъ одиннадцати...—Ужасно: одиннадцать человѣкъ въ клеенкѣ выросло изъ двухъ!» Тутъ Фальстафъ заврался до того, что сталъ увѣрять, будто видѣлъ еще трехъ бездѣльниковъ въ зеленомъ сукнѣ въ то время, когда ночь была такъ темна, что онъ не могъ замѣтить собственной руки... Но дѣло разъясняется: оказывается, что Фальстафъ нещадно лгалъ, а деньги отняты были у него тѣми же принцемъ и Пойнсомъ. «А ты, Фальстафъ, прибавляетъ принцъ,—помчалъ свое пузо такъ быстро, такъ проворно, и все бѣжалъ и ревѣлъ о пощадѣ, какъ самый рѣзвый и голосистый теленокъ. Ну, не подлецъ-ли ты: иззубрилъ свой мечъ и увѣряешь, что это въ битвѣ...» Но Фальстафъ съ обычной своей находчивостью и тутъ вывертывается: онъ, видите-ли зналъ, что на нихъ напалъ принцъ съ Пойнсомъ: «Послушай, Галь,—ты знаешь: я храбръ, какъ Геркулесъ, но и остороженъ по инстинкту. И левъ не тронулъ бы истиннаго принца. Инстинктъ—великая вещь. Я поступилъ какъ трусъ, но ради инстинка. Это не повредитъ въ моемъ мнѣніи ни мнѣ, ни тебѣ и я по прежнему считаю себя храбрымъ львомъ, а тебя—истиннымъ принцемъ. Впрочемъ, я ей богу радъ, что деньги у васъ. Хозяйка—запирай ворота! Кути сегодня—молись завтра!»

Вранье и плутовство Фальстафа не знаетъ предѣловъ, какъ не знаетъ предѣловъ и его остроуміе. У мистрисъ Куикли онъ взялъ въ долгъ 24 фунта, обѣщая на ней жениться, а когда она жалуется и требуетъ своихъ денегъ, онъ вторично обѣщаетъ на ней жениться и тутъ же выманиваетъ еще десять фунтовъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему ругаться. Онъ называетъ ее штукой. Куикли обижается: «какая я штука? ну, говори: какая?—Да такая, съ которой имѣть дѣло не приведи Господи!—Нѣтъ, врешь, всякій готовъ имѣть со мной дѣло... а ты, не во гнѣвъ твоему распутству, подлецъ, если меня такъ называешь.—А ты, не во гнѣвъ твоей женственности,—тварь, если ужь на то пошло.—Какая же я тварь, подлецъ, какая?—Какая? выдра!—Выдра, сэръ Джонъ? почему же выдра?—Да потому, что она чортъ знаетъ что такое: ни рыба, ни мясо!» [2]).

Дѣла, однакожь, принимаютъ скверный оборотъ; вслѣдствіе возстанія Перси война объявлена; принцъ отправляется въ армію; Фальстафъ принужденъ поступить въ пѣхоту. Онъ вербуетъ солдатъ, но также по своему. Взамѣнъ ста пятидесяти рекрутъ, онъ добылъ себѣ триста фунтовъ. Онъ вербовалъ только сыновей богатыхъ мызниковъ, «для которыхъ барабанный бой страшнѣе дьявола»; и поплатились же они за свое увольненіе! Вмѣсто нихъ онъ набралъ цѣлую ватагу оборвышей, «похожихъ на Лазаря, когда псы лизали его раны». Войны онъ терпѣть не можетъ и не намѣренъ драться. И «въ самомъ дѣлѣ, разсуждаетъ онъ,—кто меня толкаетъ?—Честь. А если она толкаетъ меня на смерть,—тогда что? Можетъ-ли честь приставить руку?—Нѣтъ. Вылечить рану?—Нѣтъ. Значитъ, она хирургіи не знаетъ?—Нѣтъ. Что же такое честь?—Слово. Что такое слово?—Воздухъ. Стало, честь—воздухъ? Славное пріобрѣтеніе. Кто же ее пріобрѣлъ?—А тотъ, кого убили въ сраженіи. Чтожь, онъ ее чувствуетъ?—Нѣтъ. Сознаетъ ее?—Нѣтъ. Стало быть, она неощущаема?—Нѣтъ. Какъ же могутъ чувствовать мертвые? Развѣ она не можетъ уживаться съ живыми?—Нѣтъ. Почему?—Злословіе не позволяетъ. Такъ и мнѣ ее ненадо. Честь—просто надгробная надпись!»—Такова практическая философія сэра Джона. Не смотря на твердое намѣреніе придерживаться этихъ правилъ, сэръ Джонъ не можетъ избѣгнуть сраженія. На него въ стычкѣ напалъ Дугласъ, но Фальстафъ прикинулся убитымъ; почти рядомъ съ нимъ лежалъ трупъ Перси, убитаго принцемъ. Онъ беретъ трупъ и несетъ его къ принцу, увѣряя, что онъ убилъ Перси. Принцъ не обнаруживаетъ лжи и Фальстафъ награжденъ королемъ. Благодаря этому обстоятельству, въ народѣ распространяется великая слава о храбрости Фальстафа: онъ дѣлается, такъ сказать, мифическимъ лицомъ; верховный судья, судейскіе чиновники, женщины, враги и друзья—всѣ проникаются уваженіемъ къ его героизму. Верховный судья уговариваетъ Фальстафа извлечь себѣ пользу изъ своей хорошей славы. Отъ него удаляютъ Бардольфа и даютъ ему въ спутники невиннаго пажа, для того,—какъ онъ полагаетъ,—чтобъ пажъ составлялъ ему контрастъ своимъ крошечнымъ ростомъ. Въ довершеніе всего Фальстафа даютъ въ спутники принцу Ланкастеру, когда война снова возгорѣлась,—человѣку серьезному и строгому и отправляютъ съ нимъ въ походъ, на сѣверъ, между тѣмъ какъ король съ принцемъ Генрихомъ идутъ на валлійцевъ.

Но все это, какъ съ гуся вода. Фальстафъ медлитъ въ Лондонѣ и продолжаетъ тамъ

---

[1]) См. гравюру съ картины Грюцнера.

[2]) Считаю нужнымъ замѣтить, что эти выписки сдѣланы мною изъ русскаго перевода г. Соколовскаго, мѣстами значительно отступающаго отъ шекспировскаго текста. Вотъ разговоръ Куикли съ Фальстафомъ въ оригиналѣ: «Say, what thing? what thing?—What thing? why, a thing to thank God on.—I am no thing to thank God on, I would thou should'st know it; I am an honest man's wife; and setting the knighthood aside, thou art a knove to call me so.—Setting the womanhood aside, thou art beast to say other wide.—Say, what beast, thou knove thou?—What beast? why, an otter.—An otter, sir Iohn! why an otter?—Why? shes's neither fish nor flech; a man knows not where to have her».

вести свою распутную жизнь; чванится своимъ рыцарствомъ, дерется на улицѣ съ женщинами, пьянствуетъ. Переодѣтый принцъ отправляется отыскивать Фальстафа и видитъ до какого низкаго общества онъ опустился; онъ слышитъ, какъ при всѣхъ Фальстафъ позоритъ его, такъ что даже Пойнсъ требуетъ отъ имени принца немедленнаго мщенія. На службѣ онъ, по прежнему, плутъ. Еще при Шрюсбери онъ говорилъ, что его салохмотникамъ ловко задали перцу: изъ стапятидесяти осталось только трое. Теперь онъ опять набираетъ солдатъ изъ самой негодной черни и за деньги освобождаетъ людей сколько-нибудь сносныхъ [1]). «Ну, чтожь, говоритъ онъ,—пускай выходятъ по вызову. Заплѣсневѣлый! — Здѣсь, ваша милость. — Тебя зовутъ Заплѣсневѣлый? — Точно такъ, ваша милость. — Ну, такъ тебя надо употребить въ дѣло поскорѣй.—Вашей милости, ей богу, было бы лучше меня уволить; моя старушонка безъ меня пропадетъ; кто станетъ ее кормить? Меня уже не въ первый разъ таскаютъ сюда. Я и въ солдаты не гожусь; мало-ли есть лучше меня!—Ну, молчи, молчи; пойдешь и ты. Пора тебя употребить въ дѣло... Ну, выходи Симонъ Тѣнь! Чей ты сынъ?—Моей матери, сэръ. — Совершенно справедливо, и въ тоже время, тѣнь отца. Вѣдь случается нерѣдко, что сынъ только тѣнь отца, безъ всякой примѣси отцовской плоти. Тѣнь годится для лѣта, — отмѣтьте его.—У насъ въ спискахъ есть тѣни почище: одни имена, а хозяева ихъ гуляютъ Богъ вѣсть гдѣ... Твое имя Бородавка? — Точно такъ, сэръ.—Ты преуродливая Бородавка.— Отмѣтить его, сэръ Джонъ?—Нѣтъ, зачѣмъ? онъ отмѣченъ самой природой... Подходи, Френсисъ Слабость! — Здѣсь, сэръ. — Какое твое ремесло, Слабость?—Я женскій портной, сэръ.—Отмѣтить его, сэръ?—Можно; будь онъ мужской портной, онъ отмѣтилъ бы насъ. Ну, Слабость, сдѣлаешь-ли ты столько прорѣхъ въ непріятельскомъ строю, сколько дѣлалъ въ женскихъ юбкахъ?—Сдѣлаю, что могу, сэръ; больше требовать нельзя.—Хорошо сказано, женскій портной, хорошо сказано, храбрая Слабость! Ты будешь храбръ, какъ разъяренный голубь или великодушнѣйшая изъ мышей. Отмѣтьте, мистеръ Шалло, женскаго портнаго, да покрѣпче!»

Еще разъ при взятіи Колевиля, Ланкастеръ хочетъ прославить его подвигъ; кредитъ его увеличивается. Онъ отправляется въ Глостерширъ, отыскиваетъ двухъ мировыхъ судей, Шалло и Сайленса, которые задумываютъ воспользоваться имъ и его вліяніемъ при дворѣ. Когда приходитъ извѣстіе о смерти короля, Фальстафъ задумываетъ привести въ исполненіе свою мечту о владычествѣ плутовъ и негодяевъ. Онъ ждетъ выхода молодого короля, его друга, на площади Вестминстерскаго аббатства и заговариваетъ съ нимъ; но молодой король сразу его обрываетъ: «я не знаю тебя, старикъ. Молись: твои сѣдины не идутъ шуту и гаеру. Мнѣ снился когда-то, помню я, такой же точно развратный человѣкъ; но я гнушаюсь прошедшимъ сномъ... Ты будешь немедленно отправленъ въ изгнаніе и тебѣ будетъ запрещено, подъ страхомъ смерти, приближаться къ нашему лицу. Я обезпечу твою жизнь, чтобъ праздность не побудила тебя на зло, а если услышу вѣсть о твоемъ исправленіи, то тебя возвратятъ обратно!..»

Мы не знаемъ, долго-ли продолжалась эта опала и смѣнилъ-ли король гнѣвъ на милость, но съ этой минуты мы не видимъ больше Фальстафа. Шекспиръ намѣревался продолжать эпопею жирнаго рыцаря и въ хроникѣ «Генрихъ V», но неизвѣстно вслѣдствіе какой причины не выполнилъ своего намѣренія, которое видно изъ слѣдующихъ словъ эпилога «Генриха IV»: «если жирная пища вамъ не прискучила, то авторъ будетъ продолжать свою исторію съ сэромъ Джономъ и позабавитъ васъ прекрасной Екатериной французской». Екатериной французской Шекспиръ дѣйствительно позабавилъ насъ въ «Генрихѣ V», но сэра Джона Фальстафа не выводилъ больше на сцену. Но если мы его не видимъ, то все-таки слышимъ еще объ немъ. Въ началѣ второго дѣйствія «Генриха V» въ то время, какъ Нимъ, Бардольфъ, Пистоль и Куикли (которая вышла замужъ за Пистоля) ругаются въ истчипской тавернѣ,—входитъ пажъ Фальстафа: «Хозяинъ Пистоль и вы, хозяйка, говоритъ онъ,— идите скорѣе къ моему господину. Онъ очень боленъ и хочетъ лечь въ постель. Добрый Бардольфъ, хоть бы ты сунулъ ему свой носъ подъ одѣяло вмѣсто грѣлки. Право, онъ захворалъ не на шутку». Они отправляются, убѣжденные, что на дняхъ «онъ будетъ пудингомъ для воронъ». Король надорвалъ ему сердце... Затѣмъ, мистрисъ Куикли разсказываетъ смерть Фальстафа: «нѣтъ, говоритъ она,—онъ не въ аду; онъ на лонѣ Артура (Куикли, вѣроятно, хотѣла сказать: на лонѣ Авраама), если только человѣкъ, когда-нибудь попадалъ на лоно Артура. Онъ умеръ такъ прекрасно! заснулъ, какъ дитя только что крещеное; онъ отошелъ ровнехонько между двѣнадцатымъ и первымъ, въ самый промежутокъ между приливомъ и отливомъ. Когда я увидала, что онъ началъ ощупывать и дергать одѣяло, играть цвѣтами и улыбаться, глядя на кончики пальцевъ, я тотчасъ догадалась, что ему одна уже дорога, потому что носъ его заострился, какъ перо на зеленомъ письменномъ столѣ. «Что, какъ вы, сэръ Джонъ», спросила я; «полноте, не унывайте». А онъ тутъ закричалъ: «Боже, Боже, Боже!» раза три, или четыре. Вотъ я, чтобъ утѣшить его, стала уговаривать, чтобъ онъ не думалъ о Богѣ, что ему нисколько еще не нужно безпокоить себя такими мыслями. Ну, онъ и попросилъ меня положить по больше одѣялъ на ноги; я подсунула руку подъ одѣяло и пощупала его ноги — холоднехоньки, какъ камень; пощупала потомъ колѣнки, и такъ все выше и выше, — и все холодно, какъ камень... Говорятъ, прерываетъ ее Нимъ, — что онъ проклиналъ хересъ?—Да, да, проклиналъ.—И женщинъ, прибавилъ Бардольфъ.—Нѣтъ, женщинъ не проклиналъ. — Какже не проклиналъ, вмѣшался пажъ,—онъ говорилъ, что онѣ воплощенные демоны.—Ну, да, онъ никогда не терпѣлъ тѣлеснаго; этотъ цвѣтъ былъ всегда ему противенъ (Куикли смѣшиваетъ слово, сказанное пажемъ — incarnate — воплощенный съ carnation—тѣлесный цвѣтъ). Сказалъ, прибавилъ пажъ, — что за женщинъ не миновать ему когтей дьявола. Нѣкоторымъ образомъ онъ дѣйствительно иногда нападалъ на женщинъ; но тогда онъ былъ въ хандрѣ и говорилъ о вавилонской распутницѣ.—А помните, какъ онъ, увидавъ блоху на носу Бардольфа, сказалъ, что это чорная душа жарится на адскомъ огнѣ.—И дрова, поддерживающіе этотъ огонь вышли, и онъ,—все сокровища, которыя я пріобрѣлъ, служа ему...» закончилъ Бардольфъ въ грустномъ раздумьѣ».

Таково надгробное слово, котораго удостоился сэръ Джонъ Фальстафъ. Смерть его послѣдовала передъ самымъ началомъ французской войны, т. е. лѣтомъ 1415 года. Значитъ, въ то время, когда онъ умеръ, сэру Джону было отъ 62 до 72 лѣтъ отъ роду. Таково, по крайней мѣрѣ, предположеніе, которое можно сдѣлать на основаніи шекспировской хроники.

IX.

Характерное впечатлѣніе, всегда производимое на насъ Фальстафомъ, обратило вниманіе критиковъ на одинъ интересный психологическій вопросъ. Несомнѣнно, что не только самъ Шекспиръ любилъ своего Фальстафа болѣе всѣхъ другихъ своихъ героевъ, болѣе Гамлета, Жака, Винченціо, Тимона, и во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе Генриха V, – но и насъ заставилъ полюбить его. Мы очень хорошо сознаемъ всю безнравственность поведенія Фальстафа, знаемъ, что у него нѣтъ ни стыда, ни совѣсти, что онъ циникъ, развратникъ и плутъ, а между тѣмъ все-таки любимъ его и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ возвращаемся къ его похожденіямъ и слушаемъ его остроты. Въ Англіи онъ давно самый популярный герой, для остальной Европы онъ—самое полное олицетвореніе англійскаго народнаго юмора, одно изъ величайшихъ произведеній искуства. Гецлитъ увѣрялъ даже, будто мы вовсе не порицаемъ характера Фальстафа, точно такъ же, какъ мы не порицаемъ актера, играющаго его роль. Принцу Гецлитъ не прощаетъ его обращенія съ Фальстафомъ, потому что читателю Фальстафъ кажется лучше принца по характеру. Очевидно, тутъ существуетъ какой-то оптическій обманъ, какой-то художественный фокусъ, который не позволяетъ намъ относиться къ Фальстафу такъ, какъ мы относимся къ другимъ людямъ. Въ чемъ же заключается этотъ фокусъ?

По мнѣнію Гервинуса, онъ заключается въ томъ, что живость картины, богатство необычайнаго остроумія, необыкновенно искусный пріемъ, съ которымъ выбраны комическія черты въ самой внѣшней обстановкѣ сэра Джона, самое счастливое сліяніе общаго съ индивидуальнымъ, все это воплощено въ одномъ лицѣ съ такимъ великимъ мастерствомъ, что извинительно, если мы переносимъ свое расположеніе отъ художественнаго созданія къ самому предмету его. Въ комедіи «All's well that ends well», Шекспиръ говоритъ о Паролѣ: «онъ такъ совершененъ относительно своей негодности, что даже намъ нравится; онъ такъ переплутовалъ плута, что его оправдываетъ самая диковинность этого явленія». Вотъ это-то удовольствіе, по мнѣнію Гервинуса, при видѣ всего выходящаго изъ ряда и имѣетъ мѣсто, когда мы видимъ Фальстафа. Впечатлѣніе, производимое на насъ Фальстафомъ, нѣмецкій критикъ очень удачно сравниваетъ съ впечатлѣніемъ, когда мы читаемъ «Рейнеке-Лисъ» Гёте: въ обоихъ произведеніяхъ противоположность между обнаженною натуральностью и всѣмъ тѣмъ, что освящено порядкомъ, нравственностью, обычаемъ и высшими принципами, выставлена съ такою полнотою, что комическое впечатлѣніе, производимое всякимъ удачнымъ контрастомъ, не даетъ времени сложиться нравственной оцѣнкѣ. Къ этой противоположности, имѣющей вліяніе на наше сужде-

[1]) См. гравюру Грюцнера.

ніе, присоединяется еще и другая. Она состоитъ въ контрастѣ между сильными чувственными желаніями и потребностями этого циника-эпикурейца, и его ограниченною способностью къ наслажденію; въ контрастѣ между его подагрическою старостью и желаніемъ казаться молодымъ; въ контрастѣ между легкостью существованія, къ которой стремится это тяжелое тѣло и до которой эта тяжесть, это бремя само собой его не допускаютъ. Перевѣсъ такого матеріальнаго бремени надъ силами духовными, конечно, могъ быть причиненъ самимъ же Фальстафомъ; но мы принимаемъ его за бремя, которое ему уже суждено нести и которое даетъ такую же невмѣняемость всѣмъ послѣдующимъ его поступкамъ, какое даетъ пьяному человѣку та первоначальная его вина, что онъ пьянъ. Джонсонъ тоже самое полагалъ, что пороки Фальстафа хотя и заслуживаютъ порицанія, но они все-таки не такъ ужасны: трусость, ложь, склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ, низость, грабительство, неблагодарность — словомъ, всевозможные пороки, — слѣдуетъ простить именно потому, что они въ такомъ громадномъ множествѣ соединены у Фальстафа. Ревностные коментаторы такъ увлеклись Фальстафомъ, что не хотѣли вовсе видѣть тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя привели къ убійству въ тавернѣ Купкли, какъ разъ передъ тѣмъ, когда Фальстафу была объявлена немилость. Знакомство съ Фальстафомъ казалось не только для принца, но и для каждаго читателя, — очаровательнымъ и соблазнительно пріятнымъ, такъ что удовольствіе видѣть себя пріятно развлеченнымъ не давало возможности возникнуть нравственному охужденію, — и въ этомъ, конечно, величайшій мастерской эффектъ роли Фальстафа.

Всѣ эти соображенія, несомнѣнно, справедливы, но справедливы только отчасти и не разрѣшаютъ вполнѣ загадки. Если бы дѣло заключалось только въ комическомъ контрастѣ, въ громадности соединенныхъ въ Фальстафѣ пороковъ и въ удовольствіи быть пріятно развлеченнымъ, то безпристрастный анализъ тогда, когда уже первое впечатлѣніе не существуетъ, заставилъ бы насъ опомниться и мы, по зрѣломъ размышленіи, отвернулись бы съ отвращеніемъ отъ этой бочки пороковъ. Но этого **никогда** не бываетъ. Безпристрастнаго анализа никогда не возникаетъ по отношенію къ Фальстафу; мы, очевидно, чувствуемъ такую непозволительную слабость къ нему, что сознательно закрываемъ глаза на его безобразія и помнимъ только привлекательныя стороны его натуры: остроуміе, находчивость, подвижность, умъ, несомнѣнное добродушіе и талантъ развлекать насъ. Какъ бы мы хладнокровно ни разсуждали, какъ бы мы ни хотѣли быть строгими моралистами, мы принуждены сознаться, что такъ же любимъ Фальстафа впослѣдствіи, какъ любимъ его и въ первую минуту знакомства съ нимъ. Значитъ, онъ занимаетъ насъ еще-коe-чѣмъ. По моему мнѣнію, дѣло заключается въ томъ, что самъ Шекспиръ не порицаетъ Фальстафа и менѣе всего смотритъ на него съ точки зрѣнія моралиста. Если бы Шекспиръ, какъ думаетъ Гервинусъ, хотѣлъ сдѣлать изъ Фальстафа орудіе своихъ поученій и изобразилъ бы его какъ сатирикъ, то, конечно, Фальстафъ отталкивалъ бы насъ своими пороками; мы бы негодовали на него и во всякомъ случаѣ не восхищались бы такими сторонами его характера, которыя отталкиваютъ насъ во всякомъ другомъ человѣкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только обратить вниманіе на постройку характера Фальстафа, чтобъ убѣдиться окончательно въ отсутствіи всякихъ сатирическихъ цѣлей со стороны Шекспира.

Все, что составляетъ въ человѣкѣ духовную сторону: честь и нравственность, образованіе и достоинство,—все умерло въ Фальстафѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ и взамѣнъ этого,—праздность, эпикурейское благосостояніе, цинизмъ, тунеядство, являются цѣлями его жизни. Единственное проявленіе духа, извѣстное ему, это—его неисчерпаемое остроуміе, и онъ имъ пользуется для своихъ насущныхъ цѣлей. Гервинусъ указываетъ на одну изъ шутокъ Тарльтона, гдѣ говорится, что нужда—оселокъ остроумія; это замѣчаніе вполнѣ можетъ быть отнесено къ Фальстафу. Онъ самъ превосходно опредѣляетъ себя, когда говоритъ: «Люди считаютъ за особую честь скалить надо мною зубы. Эта глина, что зовутъ человѣкомъ, не въ состояніи выдумать ничего остраго, если только не я — предметъ ея глумленія; такъ что я **не только остроуменъ самъ, но еще причина остроумія другихъ**». И дѣйствительно, простое появленіе его возбуждаетъ людей сцѣпиться съ нимъ на словахъ: онъ похожъ на сову, которую дразнятъ другіе птицы, и это положеніе заставляетъ его прибѣгать къ остроумію, какъ къ самозащитѣ. Это явленіе Гервинусъ объясняетъ очень тонкимъ и вѣрнымъ замѣчаніемъ: во всѣхъ остроумныхъ и сатирическихъ силахъ человѣка врожденная ихъ часть опирается, по преимуществу, на отрицающей, реалистической природѣ человѣка. Наиболѣе существенное въ этой силѣ есть воспитаніе и развитіе, потому что вся она опирается на изощренномъ умѣніи сравнивать, значитъ,— на опытности и наблюдательности; въ Фальстафѣ она тѣмъ скорѣе и тѣмъ полнѣе должна была обратиться въ привычку, чѣмъ ранѣе его фигура должна была вызывать остроты. Но для этого требовалось одно непремѣнное условіе: темпераментъ флегматика. И въ самомъ дѣлѣ, то, что постоянно замѣчается въ пріемахъ флегматика, доходитъ у Фальстафа до высочайшей степени: людямъ, имѣющимъ отъ природы такой темпераментъ, какъ нельзя больше свойственъ острый и спокойный взглядъ, проницательная наблюдательность и знаніе людей, такъ что комическая сила ихъ заключается именно въ противоположности между подвижностью ихъ ума и неподвижностью тѣла.

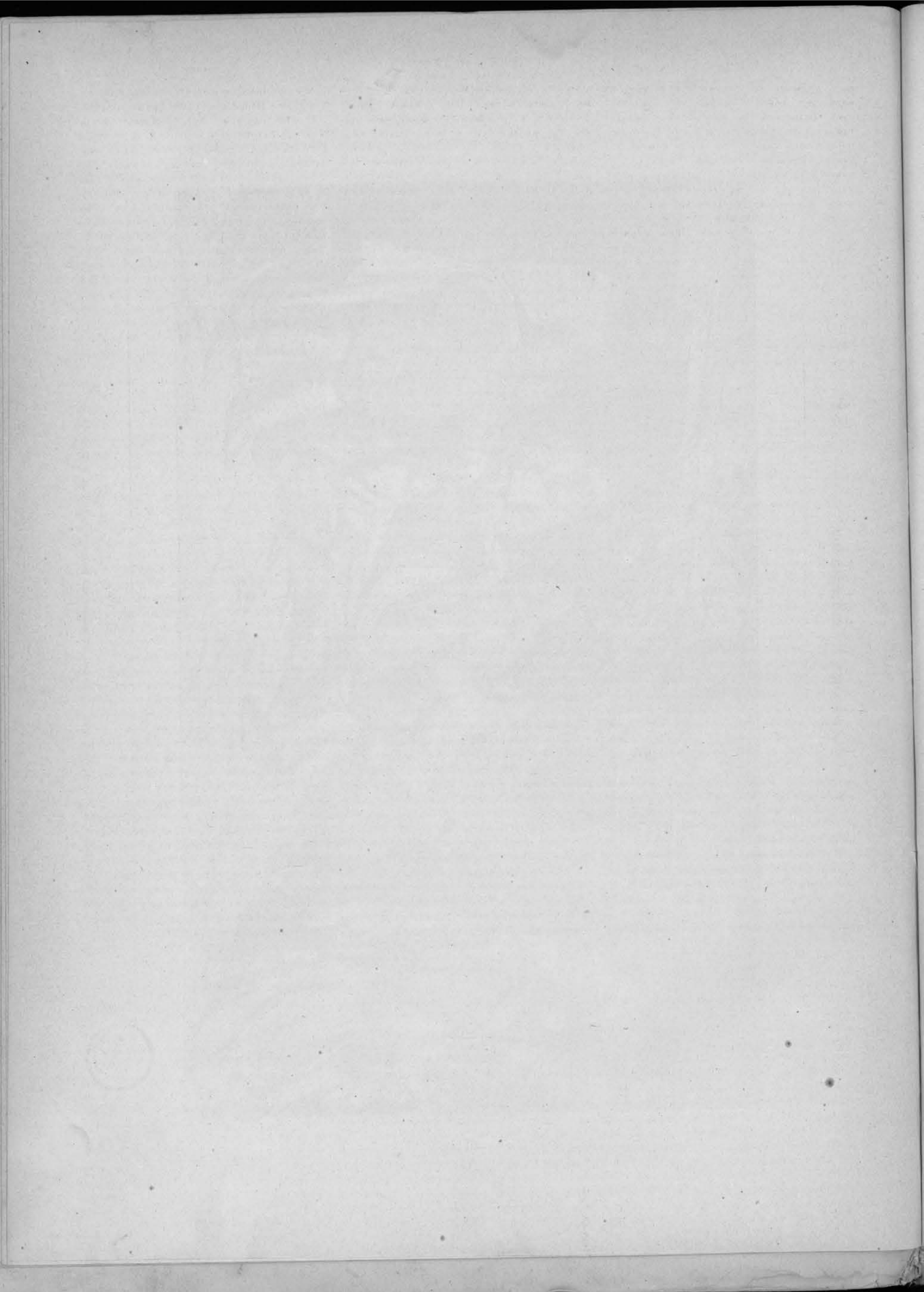
Но спрашивается: на сколько непроизвольна острота у Фальстафа? Играетъ ли онъ роль, когда потѣшаетъ принца, или же потѣшаетъ только потому, что это ему самому доставляетъ удовольствіе? Кинъ при исполненіи роли Фальстафа всегда старался выставить на видъ преднамѣренность его остроты. Гецлитъ полагаетъ, что Фальстафъ лжецъ, трусъ, острякъ и все, что хотите только для того, чтобъ доставить удовольствіе другимъ, только для того, чтобъ выказать юмористическую сторону всѣхъ этихъ качествъ, т. е. чтобы сдѣлать ихъ привлекательными и симпатичными: онъ, такъ сказать, актеръ на самомъ дѣлѣ, также какъ и на сценѣ. Другіе критики, напротивъ, думаютъ, что у Фальстафа нѣтъ никакой преднамѣренности, что его остроуміе—просто свойство его ума, то, что французы называютъ: verve. Я думаю, что какъ тѣ, такъ и другіе одинаково правы: они видятъ часть истины, но не видятъ всей истины. Необыкновенное, почти непонятное искуство Шекспира заключается въ томъ, что онъ никогда не обходитъ трудностей, а беретъ ихъ цѣликомъ и рѣшаетъ ихъ, какъ рѣшаетъ сама природа. Въ данномъ случаѣ заключалось непреодолимое для всякаго другого художника затрудненіе: сдѣлать изъ Фальстафа актера,—значитъ, убить къ нему симпатію, превратить его въ простого, вульгарнаго плута; сдѣлать изъ него человѣка безсознательныхъ побужденій,—не значитъ ли отнять у него умъ, т. е. отнять у этой фигуры весь ея интересъ? Какъ соединить то, что, казалось бы, по существу, не соединимо: господство сознанія и отсутствіе сознанія? Но Шекспиръ не простой художникъ: онъ не выбираетъ удобныхъ для своихъ цѣлей чертъ характера, онъ переноситъ ихъ цѣликомъ, во всей ихъ сложности въ тѣхъ самыхъ отношеніяхъ, въ какихъ онѣ встрѣчаются въ природѣ. Вотъ почему его художественныя созданія также живы, безконечно разнообразны, съ кажущимися противорѣчіями, какъ и живые люди; вотъ почему, съ другой стороны, всѣ его роли представляютъ такія трудности для актера, даже самаго талантливаго и геніальнаго: ему приходится олицетворять на сценѣ сразу и одновременно всѣ особенности характера, всѣ свойства натуры...

Такою же сложностью отличается и Фальстафъ: Фальстафъ, несомнѣнно, сознаетъ свое умѣніе шутить и очень хорошо знаетъ, чѣмъ именно можно разсмѣшить принца. Но онъ кромѣ того и по преимуществу натура крайне впечатлительная, такъ сказать, артистическая, художественная: кажется, будто малѣйшій толчокъ мгновенно приводитъ въ движеніе весь его умственный апаратъ и тогда апаратъ дѣйствуетъ самостоятельно, по привычкѣ, натурѣ, инстинкту. Такъ что въ данномъ случаѣ, расчетъ, несомнѣнно, существуетъ, не только въ самомъ началѣ; этотъ расчетъ даетъ толчокъ и когда возбужденіе состоялось—Фальстафу не зачѣмъ уже играть роль. Онъ хитеръ по расчету, но остроуменъ по натурѣ; это тоже самое, что въ другомъ отношеніи онъ самъ о себѣ говоритъ: «послушай, Галь! ты знаешь—я храбръ, какъ Геркулесъ, но и остороженъ по инстинкту». И въ самомъ дѣлѣ, онъ несомнѣнно храбръ въ сознаніи, въ мысли, но трусъ по инстинкту; онъ приступаетъ къ битвѣ съ самыми геройскими намѣреніями, но лишь увидитъ врага—давай Богъ ноги. Онъ такъ уменъ и такъ талантливъ, что создаетъ нѣчто въ родѣ пьяной философіи, оправдывающей всѣ противорѣчія своей натуры: «хорошій хересъ, говоритъ онъ,—производитъ два дѣйствія: во-первыхъ, бросается въ голову, очищаетъ мозгъ отъ скопившихся около него черныхъ паровъ, дѣлаетъ его живымъ, изобразительнымъ и полнымъ огня, такъ что все, что слетитъ въ это время съ языка, всегда бываетъ мѣткимъ словцомъ. Второе дѣйствіе хереса то, что онъ разогрѣваетъ кровь, которая иначе, осѣдая отъ холода, дѣлаетъ печень блѣдной, почти бѣлой, а въ этомъ именно и заключается главная причина трусости и слабодушія. Хересъ, напротивъ, приводя кровь въ движеніе, заставляетъ ее разливаться по самымъ дальнимъ оконечностямъ. Отъ него разгорается носъ и, точно сигнальный огонь, призываетъ къ оружію всѣ части маленькаго королевства, что зовутъ человѣкомъ, при чемъ сердце, какъ генералъ, около котораго собираются второстепенныя силы, раздувается и дѣлается способнымъ на какой угодно подвигъ. Поэтому ясно, что одинъ хересъ можетъ сдѣлать человѣка храбрымъ. Безъ него и военное искуство—вздоръ и похоже на сокровище, зарытое въ землю. Хе-

РИСУНОКЪ Е. ГРЮЦНЕРА.

НАБОРЪ РЕКРУТЪ.

По фотографіи г. Лаптева, рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

ресъ долженъ его отыскать и пустить въ ходъ». Это, конечно, вранье, что сознаетъ и самъ Фальстафъ, но вранье на подкладкѣ удивительно оригинальной мысли. Воображеніе его такъ сильно, что онъ не можетъ мыслить абстрактно, спокойно переходя отъ одной идеи къ другой, въ логической послѣдовательности: онъ мыслитъ скачками, образами, сравненіями, метафорами; онъ прибѣгаетъ къ разцвѣчиванію идей, являющихся въ образной, яркой формѣ. Одно сравненіе невольно вызываетъ въ его умѣ другое, затѣмъ третье: точно стебель, который едва лишь успѣлъ подняться надъ почвой, какъ пускаетъ вѣтку, затѣмъ другую, третью, десятую, въ такомъ изобиліи, что въ концѣ концовъ вы теряете логическую нить и ослѣплены этой роскошью образовъ и картинъ.... Таковы особенности ума Фальстафа, ума, въ которомъ воображеніе на-столько же сильно, на-сколько сильна разсудочность. Присоедините къ этому кромѣ того флегматическій темпераментъ, составляющій контрастъ съ этимъ бѣшеннымъ воображеніемъ, и у васъ будетъ полный образъ Фальстафа; въ нечаянности остроты и въ сухости настроенія духа, собственно, и заключается вся комическая сила: «геній комизма движется, какъ и всякій другой геній, по неуловимой линіи, которая разграничиваетъ область сознанія отъ области естественнаго побужденія».

Характеристика Фальстафа, сдѣланная Тэномъ, доканчиваетъ этотъ анализъ. По его мнѣнію, Фальстафъ заключаетъ въ себѣ необузданность животнаго съ живымъ воображеніемъ остроумныхъ людей. Въ сущности, онъ, какъ и Панургъ у Раблэ,—добрый малый; злобы въ немъ нѣтъ никакой; онъ просто любитъ посмѣяться, да позабавиться. Когда его ругаютъ, — онъ ругаетъ больше другихъ, на одну насмѣшку отвѣчаетъ десятью остротами, но въ то же время онъ нисколько не обижается и не сердится. Черезъ минуту вы его видите рядышкомъ съ ругателями: за засаленнымъ столомъ таверны онъ съ ними пьянствуетъ и чокается. Свои многочисленные пороки онъ такъ добродушно и наивно выставляетъ на показъ, что вы принуждены прощать ихъ ему. Онъ точно говоритъ вамъ: «Что прикажете? Такимъ, значитъ, я родился. Люблю выпить: ужь будто хорошее вино — не хорошо? Бѣгаю, когда угрожаютъ мнѣ побои: а развѣ отъ побоевъ не болитъ спина? Дѣлаю долги и выманиваю деньги, но развѣ не пріятно имѣть въ карманѣ деньги? Хвастаюсь, но вѣдь это только потому, что желаю внушить почтеніе къ себѣ!» — «Послушай, Галь! Ты знаешь, что нашъ праотецъ Адамъ и въ состояніи невинности не избѣжалъ грѣхопаденія. Гдѣ же устоять противъ него бѣдному Джеку Фальстафу въ нынѣшнее развращенное время? Ты знаешь, что во мнѣ больше мяса, чѣмъ въ другомъ, слѣдовательно, и грѣховъ больше!» Фальстафъ до такой степени безнравственъ, что не кажется безнравственнымъ. На извѣстной ступени исчезаетъ сознаніе; природа вступаетъ въ свои права и человѣкъ гоняется за удовлетвореніемъ своихъ страстей, столь же мало думая о томъ, что справедливо и что несправедливо, какъ и дикій звѣрь въ сосѣднемъ лѣсу. Фальстафъ, которому было поручено набирать рекрутовъ, освобождаетъ отъ рекрутчины богатыхъ, которые ему платятъ, и собираетъ однихъ лишь голодныхъ оборванцевъ, не имѣющихъ средствъ откупиться. Во всемъ его отрядѣ существуетъ всего полторы рубахи; это его безпокоитъ: «Ну, да ничего, утѣшаетъ онъ себя,—они найдутъ довольно бѣлья на каждомъ заборѣ». Принцъ, осматривая ихъ, говоритъ, что никогда еще не видалъ такихъ безобразныхъ оборванцевъ: «Э, годятся для копій, отвѣчаетъ Фальстафъ;—это вѣдь кормъ для пороху. Въ могилу улягутся такъ же, какъ и другіе: все люди, все человѣки!» — Второе его оправданіе заключается въ неисчерпаемомъ его остроуміи; если уже кто не ходитъ за словомъ въ карманъ, то, конечно, онъ. Брань, ругательства, проклятія, шутки и сальности льются изъ него, точно изъ открытаго крана бочки. Его невозможно озадачить: онъ выходитъ сухъ изъ воды при какихъ угодно затрудненіяхъ. Ложь зарождается въ немъ, цвѣтетъ, увеличивается, размножается, точно грибы на тучной, унавоженной почвѣ. Онъ вретъ гораздо больше изъ воображенія и натуры, чѣмъ изъ интереса и необходимости; это видно изъ того, какъ онъ преувеличиваетъ и шаржируетъ свое вранье. Онъ разсказываетъ, что дрался съ двумя бездѣльниками; черезъ минуту оказывается, что бездѣльниковъ было четверо; затѣмъ — семь, одиннадцать и, наконецъ, четырнадцать. Его во время останавливаютъ, а то вскорѣ оказалось бы, что онъ побѣдилъ цѣлую армію. Обличенный во лжи, онъ не смущается, не теряетъ своего веселья и первый же смѣется надъ своимъ лганіемъ: «Товарищи, милые друзья, дѣти мои, золотыя сердца... давайте пьянствовать; не соорудить ли фарсъ?» Онъ подражаетъ королю Генриху въ такой совершенной степени, что невольно является иллюзія: передъ вами точно въ самомъ дѣлѣ король, или, по крайней мѣрѣ, превосходный актеръ.... Этотъ жирный толстякъ, трусъ, циникъ, болтунъ, пьяница, трактирный поэтъ, —одинъ изъ любимцевъ Шекспира, потому что онъ безискуственненъ, какъ сама природа, и что умъ Шекспира сродни уму Фальстафа».

И дѣйствительно, это послѣднее обстоятельство разрѣшаетъ всѣ наши недоумѣнія. Тайна того соблазнительно-обаятельнаго впечатлѣнія, которое производитъ на насъ Фальстафъ, заключается въ томъ, что онъ художникъ и поэтъ, по складу ума, по характеру и по интенсивности воображенія, и въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ много общаго съ творческими особенностями самого Шекспира.... Поэтъ, и въ особенности, такой поэтъ, какъ Шекспиръ, не случайно воспроизводитъ окружающіе нравы и окружающихъ людей. Въ громадной аренѣ жизни онъ выбираетъ и безсознательно переноситъ на сцену искуства только то, что ближе всего подходитъ къ особенностямъ и свойствамъ его таланта. Представьте себѣ, что этотъ поэтъ,—логикъ, моралистъ, съ ораторскими привычками салонной жизни, въ родѣ, напр., Расина: само собой разумѣется, что въ его произведеніяхъ отразятся нравы высшаго, полированнаго общества; онъ въ ужасѣ отвернется отъ черни; онъ сохранитъ приличіе даже тогда, когда станетъ воспроизводить крайніе порывы страсти; онъ будетъ избѣгать грубыхъ выраженій; всюду внесетъ свои умственныя привычки: разсудочность, тактъ, хорошія манеры; онъ не будетъ воспроизводить сценъ обыденной жизни; онъ тщательно будетъ избѣгать точныхъ деталей, индивидуальныхъ чертъ, и перенесетъ трагедію въ ту яркую и возвышенную сферу, въ которой его абстракные герои, живущіе внѣ пространства и времени, обмѣнявшись приличными рѣчами, будутъ убивать другъ друга съ важностью точно заканчивая необходимую церемонію. Шекспиръ же относится какъ разъ на оборотъ къ объекту своего творчества, потому что Шекспиръ, — полнѣйшая противоположность безстрастному логику и моралисту. Его господствующей особенностью является страстное воображеніе, освобожденное отъ путъ разума и нравственности; онъ во власти этого воображенія и не находитъ въ человѣкѣ ничего недостойнаго искуства. Онъ принимаетъ природу такою, какою она ему кажется и находитъ ее прекрасной; онъ переноситъ ее въ свои произведенія со всѣми мелочами, уродливостями, эксцесами, уклонами, порывами, скачками. Онъ не думаетъ облагораживать природу, а заботится только о томъ, чтобъ возможно ближе и точнѣе воспроизводить жизнь и людей во всей ихъ совокупности и полнотѣ, и вся его забота заключается въ томъ только, чтобъ воспроизведенный образъ выступалъ рѣзче и поражалъ больше чѣмъ оригинальный предметъ...

ПЕРЕДѢЛКА „ВИНДЗОРСКИХЪ КУМУШЕКЪ"

ЕКАТЕРИНОЮ II.

звѣстно, что вопросъ о заимствованіяхъ Шекспира весьма подробно и тщательно разработанъ. Я уже имѣлъ случай въ предъидущей статьѣ коснуться этого вопроса, указавъ на то, откуда Шекспиръ заимствовалъ фабулу «Виндзорскихъ кумушекъ» и какъ воспользовался готовымъ уже сюжетомъ. Другое дѣло—заимствованія, дѣлаемыя европейскими литературами у Шекспира. Объ этомъ интересномъ предметѣ въ обширной шекспировской литературѣ если и существуютъ коекакія (большею частью случайныя) указанія, то они, во всякомъ случаѣ, нисколько не разработаны. А между тѣмъ вопросъ этотъ имѣетъ свою несомнѣнную важность, потому что только этимъ путемъ возможно прослѣдить и взвѣсить вліяніе Шекспира на послѣдующее движеніе умственной жизни въ Европѣ. Съ этой точки зрѣнія частный и спеціально-литературный вопросъ о заимствованіяхъ у Шекспира входитъ въ общую исторію европейской культуры и объясняетъ самые интересные ея фазисы.

Какъ велико и обширно было это вліяніе можно видѣть изъ того, что нѣтъ ни одного великаго писателя, на которомъ бы оно не отразилось такъ или иначе. О романтизмѣ, разумѣется, и говорить нечего. Романтизмъ возникъ вслѣдъ за возбужденіемъ Шлегелемъ и Кольриджемъ интереса къ Шекспиру въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Съ тѣхъ поръ не только изученіе англійскаго поэта, но и подражаніе ему сдѣлались явленіемъ общимъ, повсемѣстнымъ. Весьма понятно, что вліяніе Шекспира отразилось по преимуществу на драматической литературѣ. Въ русской литературѣ оно было весьма значительно, но обнаружилось въ формахъ довольно своеобразныхъ. Шекспиръ проникъ къ намъ при посредствѣ французской литературы конца XVIII и начала XIX столѣтій. Тогда, какъ извѣстно, во Франціи господствовалъ ложно-классическій вкусъ, какъ остатокъ «великаго» вѣка. Наше окончательное вступленіе въ семью европейскихъ народовъ совершилось при помощи этой литературы, но любопытно, что даже подъ вліяніемъ французскаго псевдо-классицизма, наши первыя, болѣе или менѣе самостоятельныя попытки указываютъ на стремленіе отрѣшиться отъ стѣснительныхъ рамокъ французской трагедіи и комедіи и это стремленіе главнымъ образомъ выражается въ томъ, что мы не столько изучаемъ французскихъ писателей, сколько въ нихъ ищемъ слѣдовъ Шекспира. Достаточно будетъ указать на Сумарокова, который передѣлываетъ «Гамлета» во вкусѣ французскаго классицизма. Гораздо любопытнѣе и интереснѣе другая попытка,—попытка Екатерины II, которая переводитъ «Виндзорскихъ кумушекъ», вѣроятно, съ англійскаго текста. За Екатериной потому остается важная заслуга въ томъ, что она впервые познакомила насъ съ Шекспиромъ, не искаженнымъ французскимъ псевдо-классицизмомъ.

За Екатериной нельзя не признать и другой, не менѣе важной заслуги. Стоитъ только сличить сокращенный переводъ императрицы съ англійскимъ текстомъ, чтобы замѣтить значительныя отступленія переводчицы отъ оригинала, но эти отступленія крайне своеобразны. Удерживая цѣликомъ фабулу и содержаніе комедіи, она тѣмъ не менѣе переноситъ дѣйствіе въ Россію, въ «градъ св. Петра», на постоялый дворъ. Дѣйствующія лица точно также принимаютъ русскій обликъ: мировой судья Шалло превращается въ Митрофана Аввакумовича Шалова; Следнеръ—въ Ивана Авраамовича Лялюкина; Пэджъ — въ Егора Авдѣича Папина; Фордъ — въ Фордова; пасторъ сэръ Гугъ Эвансъ—въ Ванова, свата Шалова и Лялюкина; докторъ Кайюсъ — въ доктора Кажу; мистрисъ Куикли—въ французскую торговку, мадамъ Кьела; спутники Фальстафа—Бардольфъ, Пистоль и Нимъ, — въ друзей Полкадова: Бардолина, Пикова и Нумова; Семпль—въ Зиньку; и, наконецъ, самъ Фальстафъ—въ Полкадова. Характеристика этихъ лицъ, мало измѣненная переводчицей, принаровлена, однакожь, къ русской жизни. Но измѣненія, по преимуществу, замѣтны въ роли Фальстафа. На первый взглядъ кажется непонятнымъ, почему переводчица пожертвовала комическимъ элементомъ въ фигурѣ Фальстафа, такъ неподражаемо очерченой у Шекспира, и сдѣлала изъ нея блѣдную, совершенно неудавшуюся фигуру прокутившагося русскаго барина (Полкадовъ)? Но это измѣненіе (не простительное въ наше время) имѣло смыслъ и значеніе въ концѣ XVIII столѣтія: роль Фальстафа, переданная вѣрно и точно, была бы непонятна и чужда русскому зрителю того времени. Имѣя весьма смутное понятіе о Франціи, онъ не имѣлъ никакого понятія объ Англіи, съ ея своеобразнымъ общественнымъ строемъ, съ ея нравами и особенностями. Но въ искаженіи Екатериной роли Фальстафа замѣтно и другое намѣреніе. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что «Виндзорскія кумушки»,—не сатира, а шутка, основанная на живомъ и непосредственномъ наблюденіи дѣйствительности. Комедія, перенесенная на русскую почву въ такомъ видѣ, неизбѣжно потеряла бы характеръ шутки и превратилась бы въ грубый фарсъ, къ тому же, непонятный. Поэтому нужно было въ передѣлку ввести новый элементъ, — элементъ сатиры на русскіе нравы. Такъ и поступила Екатерина. Ея Полкадовъ (Фальстафъ),—вовсе не жирный рыцарь Шекспира, а прокутившійся русскій баринъ, старающійся добывать деньги при помощи любовныхъ интригъ. Онъ щеголяетъ французскимъ языкомъ, онъ изъѣздилъ Европу вдоль и поперегъ, онъ говоритъ: «chez nous à Paris», хвастаетъ своими иностранными манерами и чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что посвященъ въ тайны новѣйшей парижской моды. Придавая такой мѣстно-русскій характеръ шекспировскому Фальстафу, Екатерина касается одной изъ самыхъ больныхъ сторонъ тогдашняго русскаго дворянства,—обезьянничанія запада. Начало этого обезьянничанія именно совпадаетъ съ царствованіемъ Екатерины. Только тогда русское дворянство начало знакомиться съ Европой; сношенія сдѣлались не случайными, а постоянными; вскорѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ образовалась мода европеизма и щегольство европейскими манерами. Мода эта была введена главнымъ образомъ дворомъ. Сама императрица была представительницей европейскихъ идей: она переписывалась съ Вольтеромъ, приглашала въ Петербургъ Дидро и Фальконэ, устраивала въ эрмитажѣ вечера, говорила по-французски, увлекалась Франціей и энциклопедистами, и только въ концѣ царствованія, испуганная размѣрами, принимаемыми французской революціей, повернула въ другую сторону. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о введеніи въ Россіи европейскихъ

идей и идеаловъ и касаясь лишь моды на европеизмъ, нельзя не замѣтить, что эта мода была именно дѣломъ Екатерины, и противъ-то этой моды она первая и вооружилась въ своемъ произведеніи: «Вольное, но слабое переложеніе изъ Шекспира, комедія: Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье».

Такимъ образомъ въ комедіи Екатерины мы видимъ то самое отрицательное направленіе, которое впослѣдствіи сдѣлалось господствующимъ въ русской литературѣ, и выразилось уже вполнѣ осмысленно въ монологѣ Чацкаго, желающаго

Чтобъ истребилъ Господь не чистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой...
. . . .
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!..

Но возвратимся къ передѣлкѣ Екатерины. Для характеристики этой передѣлки приведу двѣ сцены, во-первыхъ, какъ Полкадовъ ухаживаетъ за Фордовой (у Шекспира: сцена III третьяго дѣйствія), и во-вторыхъ, сцену съ корзиной (таже сцена у Шекспира) Полкадовъ (декламируя): О! какъ я счастливъ, прелюбезнѣйшее сокровище! Дыханіе мое скорѣе пресѣчется, нежели нѣжность моего къ вамъ расположенія; ласкательнѣйшій сей случай обуздаетъ умъ и душу мою такъ, что краснорѣчье все исчерпается въ изъясненіи... Фордова. — О, сударь!... — Полк.—Во всей Ерлопѣ нѣтъ вамъ подобной; глаза ваши свѣтятся, какъ алмазы; къ нимъ всякое убранство новѣйшей моды безпримѣрно пристанетъ...—Фор.—И, сударь... будто...—Полк.—Вы бы и при дворѣ и вездѣ по красотѣ одной долженствовали первое мѣсто занимать...—Фор.—По сю пору я о семъ и не слыхивала.—Полк.—Повѣрьте Полкадову, онъ знаетъ, что хорошо, и васъ любитъ...—Фор.—Вы!.. а я думала, что вы любите Акулину Терентьевну...—Полк.—Кстати-ли... моя любезнѣйшая богиня!..—Фор.—Ну, хорошо...—Полк.—Вѣрьте мнѣ...—Фор.—Мнѣ кажется, будто я слышу голосъ Папиной.—Полк.—Гдѣ же спрячусь отъ нея?—Фор.—За занавѣсы. (Полкадовъ бѣжитъ спрятаться за занавѣсы.)—Фор. (Акулинѣ Папиной). Какъ я тебя не ожидала...—Ак. Пап.—Что ты надѣлала?—Фор.—Что же такое?—Ак. Пап.—Хорошо-ли это? Какъ ты мужа обманываешь?—Фор.—Какъ... какъ?—Ак. Пап.—Не стыдно-ли тебѣ?.. какъ я въ тебѣ обманулась?—Фор.—Въ чемъ?—Ак. Пап.—Мужъ твой идетъ... собралъ множество людей, хочетъ искать какого-то у тебя господина, котораго ты потаенно принимала... въ небытность мужа... Ты, мой свѣтъ пропала.—Фор. (Акулинѣ Папиной полуголосомъ).—Говорите громче. (громко.) Я надѣюсь... не такъ вовсе.—Ак. Пап.—Если никого здѣсь нѣтъ, то дѣло иное; только мужъ твой очень расшумѣлся... и буде у тебя кто спрятанъ, то старайся его скорѣе выслать... не робѣй... подумай, какъ быть...—Фор.—Что мнѣ дѣлать? по правдѣ сказать, что у меня здѣсь другъ сердечный спрятанъ; я боюсь не столько... для меня... какъ для него... я бы дорого дала... чтобъ онъ отселѣ вышелъ... — Ак. Пап. — Спѣшите... спѣшите скорѣе... мужъ твой идетъ, ждать нечего... подумай какъ друга выслать... Какъ ты меня обманула! да вотъ большая корзина, войдетъ-ли въ нее еще?.. Незамай влезетъ, а тамъ столовымъ бѣльемъ и скатертями закроемъ... будто отдала въ мытье...—Фор.—Да войдетъ-ли въ корзину?—Полк. (идетъ изъ-за занавѣса).—Покажите, покажите, авось-либо...—Ак. Пап.—А, это вы!.. а письмо ко мнѣ кто писалъ?..—Полк.—Лишь помогите теперь... послѣ скажу... (онъ прячется въ корзину и онѣ обѣ его укладываютъ).—Фор.—Іона, Романъ! отнесите столовое бѣлье въ мытье, куда я приказывала давеча, скорѣе. (Іона и Романъ поднимаютъ корзину, въ которой Полкадовъ лежитъ.) Входятъ: Фордовъ, Папинъ, Кажу, Вановъ.—Фордовъ.—Пожалуйте сюда поближе... увидите, подозрѣваю-ли я безъ причины... тогда смѣйтесь надо мною сколько хотите... (Іону и Роману.) Куда вы съ корзиной?—Іона.—Столовое бѣлье...—Романъ.—Въ портомойню...—Фордова (Фордову).—Какая тебѣ нужда, куда бы ни шли съ бѣльемъ? (Іона и Романъ съ корзиной уходятъ.)—Фордовъ.—Пожалуй, господа, подите сами по всѣмъ горницамъ, ищите... вы найдете навѣрное... я здѣсь постою, чтобъ не ушелъ...—Папинъ (Фордову). Успокойся, самъ себя обижаешь.—Фордовъ.—Егоръ Авдѣичъ... смѣшно будетъ... пойдемъ вмѣстѣ...—Вановъ.—Ревность до чего доводитъ!..—Кажу.—Ревно.., не карашо, en France, не модъ такой, point jaloux, нигъ ревни... нигъ ревни...—Папинъ Пойдемъ, посмотримъ, что изъ того выйдетъ...»

Сопоставленіе этой сцены съ подобною же сценой у Шекспира достаточно, чтобъ опредѣлить не только характеръ передѣлки, но и художественное ея значеніе. Екатерина сохранила одну лишь фабулу, все же остальное: характеристика лицъ, комическій элементъ, остроуміе, блескъ формы,—все исчезло и остался лишь одинъ голый остовъ, въ которомъ не видно даже комичнаго положенія Полкадова. Если принять въ соображеніе, что эта сцена—лучшая въ русской передѣлкѣ, то необходимо заключить, что какъ передѣлка,—попытка Екатерины болѣе, чѣмъ неудачна: это первое, ребяческое лепетаніе, не имѣющее даже заслуги самобытности...

Но общественное значеніе попытки тѣмъ не менѣе остается. Въ этомъ отношеніи превращеніе Фальстафа въ Полкадова сдѣлано осмысленно и указываетъ на сатирическое направленіе Екатерины. Въ одномъ мѣстѣ, когда Шаловъ упрекаетъ Полкадова въ буйствѣ, тотъ отвѣчаетъ: «Вотъ еще какія бездѣлицы... и забавляться нашему брату нельзя... всякую малость, des simples tours de jeunesse за бѣду ставятъ... спросите у женскаго пола... какъ я съ нимъ учтивъ былъ... Chez nous à Paris такъ водится... только вамъ шутокъ не разумѣть...» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «напрягайте паруса... направьте судно прямо къ золотымъ пристанищамъ... скорѣе гряньте, какъ крупный градъ... Полкадовъ такъ учился, ѣздя по Ерлопѣ... онъ привозилъ съ собою счастье запахомъ со всего свѣта... аки награду... за его немалыя труды и примѣчанія... о завиваніи кудрей по послѣдней модѣ... о новѣйшемъ покроѣ фраковъ и бострочковъ... о удобнѣйшей запряжкѣ восьмерика, подъ управленіемъ единаго кучера... какъ пригожѣе обувь завязывать, или застегивать... сапоги спускать или потягивать... такожде какія игры для общей и частной пользы превосходны къ скорѣйшему и кратчайшему выигрышу...» Это почти списано съ натуры. Писательница не разъ видѣла подобныхъ прокутившихся франтовъ, у которыхъ остался лишь внѣшній лоскъ, пріобрѣтенный, и теперь промышляющихъ этимъ лоскомъ среди русскихъ людей, которыя, подобно полудикимъ варварамъ, поклоняются внѣшнимъ формамъ цивилизаціи... Черта мѣтко схваченная и недурно изображенная въ Полкадовѣ...

ВЕСЕЛЫЯ ВИНДЗОРСКІЯ КУМУШКИ,

КОМЕДІЯ ШЕКСПИРА.

Переводъ П. И. Вейнберга и Н. И. Шульгина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сэръ Джонъ Фальстафъ.
Фентонъ.
Шалло, мировой судья.
Слендеръ, его двоюродный братъ.
Мистеръ Фордъ } джентльмены, имѣющіе
Мистеръ Пэджъ } осѣдлость въ Виндзорѣ.
Уильямъ Пэджъ, мальчикъ, сынъ м-ра Пэджа.
Сэръ Гугъ Эвансъ, пасторъ.
Докторъ Кайюсъ, французскій врачъ.
Хозяинъ гостинницы «Подвязка».

Бардоль } спутники Фальстафа.
Пистоль }
Нимъ }
Робенъ, пажъ Фальстафа.
Семпль, лакей Слендера.
Регби, лакей Кайюса.
Мистрисъ Фордъ.
Мистрисъ Пэджъ.
Миссъ Анна Пэджъ, ея дочь.
Мистрисъ Куикли, служанка доктора Кайюса.
Слуги Пэджа, Форда и пр.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Виндзоръ. Полисадникъ передъ домомъ Пэджа.

Входятъ: **Судья Шалло, Слендеръ** и **сэръ Гугъ Эвансъ.**

Шалло. Не настаивайте, сэръ Гугъ; я перенесу дѣло въ Звѣздную палату. Будь онъ двадцать разъ сэръ Джонъ Фальстафъ, онъ не одурачитъ Роберта Шалло, эсквайра...

Слендеръ. Въ графствѣ глостерскомъ, мирового судью и coram.

Шалло. Да, кузенъ Слендеръ, и Custalorum.

Слендеръ. Да, еще и ratolorum! *) урожденный дворянинъ, господинъ пасторъ, который подписываетъ armigero на письмахъ, повѣсткахъ, квитанціяхъ и обязательствахъ, — armigero!

Шалло. Это такъ; и мы подписываемся такимъ образомъ уже триста лѣтъ.

Слендеръ. Такъ поступали всѣ его потомки, скончавшіеся прежде него; такъ будутъ вправѣ поступать и его предки, которые явятся на свѣтъ послѣ него. Они могутъ носить на своей рыцарской мантіи двѣнадцать маленькихъ бѣлыхъ рыбокъ **).

*) Шалло и Слендеръ коверкаютъ названія Quorum и Custos rotulorum, которыя давались въ то время мировымъ судьямъ въ Англіи.

**) Упоминая объ этой мантіи, Шекспиръ дѣлаетъ намекъ на извѣстнаго въ то время сэра Томаса Люси, съ котораго списанъ Шалло.

Шалло. Это наша старинная рыцарская мантія.

Эвансъ. Двѣнадцать маленькихъ бѣлыхъ животныхъ не слишкомъ много для старой мантіи; иногда не худо имѣть съ ними дѣло; это животное очень близко человѣку и означаетъ: любовь *).

Шалло. Эти животныя не могутъ замѣнить соленой рыбы; на нашей старинной мантіи соленая рыба.

Слендеръ. Могу я, кузенъ, воспользоваться хотя четвертью этой мантіи.

Шалло. Можете, посредствомъ законнаго брака.

Эвансъ. Если это случится, не пойдетъ-ли и ваша мантія въ бракъ.

Шалло. Отнюдь нѣтъ.

Эвансъ. Клянусь Богородицей, это будетъ. Если онъ возьметъ четверть вашей мантіи, у васъ останется только три четверти, по моему простому расчету; но оставимъ это. Если сэръ Джонъ Фальстафъ совершилъ противъ васъ неприличный поступокъ, я, какъ служитель церкви, охотно употреблю всѣ усилія, чтобы привести дѣло къ соглашенію и взаимному умиротворенію.

Шалло. Совѣтъ выслушаетъ это дѣло; здѣсь пахнетъ бунтомъ.

Эвансъ. Зачѣмъ Совѣту вмѣшиваться въ дѣло о бунтѣ; въ бунтѣ нѣтъ и помину о страхѣ божьемъ. Совѣтъ, видите-ли, желаетъ слышать о страхѣ божьемъ и не желаетъ, чтобы ему говорили о бунтѣ. Разсудите-ка объ этомъ толково.

*) Игра словъ: luce — щука и lous — вошь, которыя произносятся почти одинаково.

Шалло. А! Клянусь моей душой, если бы я былъ еще молодъ, мечемъ окончилъ бы это дѣло.

Эвансъ. Лучше, если мечъ замѣнятъ ваши друзья и покончатъ споръ. Притомъ въ моемъ мозгу зародилось предположеніе, которое, быть можетъ, произведетъ добрыя послѣдствія. Знаете вы Анну Пэджъ, дочь м-ра Джоржа Пэджъ? Отмѣнная дѣвственница.

Слендеръ. Мистрисъ Анна Пэджъ? У нея темные волосы и говоритъ тонкимъ голоскомъ.

Эвансъ. Она и есть; между женщинами всего свѣта вамъ не найдти лучше ея. Дѣдъ ея на смертномъ одрѣ (дай Господи ему радостное воскресенье!), завѣщалъ ей семьсотъ фунтовъ золотой и серебряной монеты, которые она получитъ, когда ей исполнится семнадцать лѣтъ. И будетъ благо, если мы, оставивъ всѣ ссоры и несогласія, позаботимся устроить бракосочетаніе между мистеромъ Абрагамомъ и мистрисъ Анной Пэджъ.

Шалло. Это точно, что ея дѣдъ завѣщалъ ей семьсотъ фунтовъ?

Эвансъ. Да; а отецъ ея оставитъ ей, пожалуй, и побольше.

Шалло. Я знаю эту юную дѣвицу; у нея хорошія качества.

Эвансъ. Еще бы не хорошія: семьсотъ фунтовъ, а въ ожиданіи и того больше.

Шалло. Хорошо, повидаемся съ честнѣйшимъ м-ромъ Пэджемъ. Не тамъ-ли Фальстафъ?

Эвансъ. Сказать-ли вамъ неправду? Я презираю лжеца, какъ презираю все, что лживо, или презираю все, что неправда. Рыцарь сэръ Джонъ тамъ. Но, умоляю васъ, позвольте руководить вами людямъ, желающимъ вамъ блага. Я постучу въ дверь и вызову м-ра Пэджа. (*Стучитъ въ дверь.*) Гола! Эй! Да снизойдетъ благословеніе Господне на вашъ домъ.

Входитъ **Пэджъ.**

Пэджъ. Кто здѣсь?

Эвансъ. Да почіетъ надъ вами божіе благоволеніе; вотъ вашъ другъ, судья Шалло; а вотъ молодой Слендеръ, который разскажетъ вамъ иную исторію, если она придется вамъ по вкусу.

Пэджъ. Я очень радъ, что вижу васъ въ добромъ здоровьи, ваше преподобіе. Благодарю васъ за мою дочь, м-ръ Шалло.

Шалло. М-ръ Пэджъ, я очень доволенъ, что вижу васъ. Но желалъ бы, чтобы дичь была получше: она дурно убита... Какъ здоровье м-съ Пэджъ?.. Я люблю васъ всѣмъ моимъ сердцемъ... всѣмъ сердцемъ.

Пэджъ. Сэръ, благодарю васъ.

Шалло. Нѣтъ, сэръ, я долженъ благодарить васъ; и такъ и этакъ, всячески, я васъ люблю.

Пэджъ. Очень радъ видѣть васъ, мой добрый м-ръ Слендеръ.

Слендеръ. Какъ поживаетъ ваша рыжая борзая, сэръ? Говорятъ, въ Котзелѣ ее обогнали.

Пэджъ. Это осталось подъ сомнѣніемъ, сэръ.

Слендеръ. Вы не хотите сознаться; — не хотите сознаться.

Шалло. Не хочетъ сознаться... Это ваша вина, ваша вина... Собака хорошая.

Пэджъ. Испорченная, сэръ.

Шалло. Сэръ, хорошая собака и красивая. Можно-ли лучше оцѣнить ее... Хорошая и красивая... Сэръ Джонъ Фальстафъ у васъ?

Пэджъ. Сэръ, онъ у меня и я бы желалъ имѣть возможность примирить васъ.

Эвансъ. Онъ говоритъ, какъ подобаетъ говорить христіанину.

Шалло. Онъ оскорбилъ меня, м-ръ Пэджъ.

Пэджъ. Сэръ, онъ отчасти сознаетъ свою вину.

Шалло. Сознаться еще не значитъ удовлетворить. Правду я говорю, м-ръ Педжъ? Онъ меня оскорбилъ, чувствительно оскорбилъ; вѣрьте мнѣ: Робертъ Шалло, эсквайръ говоритъ вамъ, что онъ оскорбленъ.

Пэджъ. А вотъ идетъ и сэръ Джонъ.

Входитъ: сэръ **Джонъ Фальстафъ, Бардольфъ, Нимъ** *и* **Пистоль.**

Фальстафъ. И такъ, м-ръ Шалло, вы хотите пожаловаться на меня королю?

Шалло. Рыцарь, вы избили мою прислугу, убили моего оленя и выломали дверь въ моемъ жильѣ.

Фальстафъ. Но не цаловалъ дочери вашего сторожа.

Шалло. Ба! вздоръ! За все это вы отвѣтите.

Фальстафъ. Отвѣчу тотчасъ же. Я все это сдѣлалъ. Вотъ мой отвѣтъ.

Шалло. Объ этомъ будетъ доложено Совѣту.

Фальстафъ. Я дамъ вамъ совѣтъ: ничего не докладывать Совѣту, не то васъ подымутъ на смѣхъ.

Эвансъ. Pauca verba, сэръ Джонъ, хорошія слова.

Фальстафъ. Хорошія слова! хорошая чепуха! Слендеръ, я проломилъ вамъ голову. Что вы имѣете противъ меня?

Слендеръ. Чортъ возьми, въ моей головѣ много противъ васъ и противъ этихъ негодныхъ мошенниковъ: Бардольфа, Нима и Пистоля. Они заманили меня въ таверну, напоили и очистили мои карманы.

Бардольфъ. Вы — бенбургскій сыръ!

Слендеръ. Плюю я на это.

Пистоль. Чего дерешь глотку, Мефистофель.

Слендеръ. Говори, что хочешь.

Нимъ. Намнемъ ему бока! Pauca! pauca! Намять бока — чего лучше.

Слендеръ. Гдѣ Семпль? мой слуга. Не знаете-ли, кузенъ?

Эвансъ. Успокойтесь, прошу васъ, и мы придемъ къ соглашенію. Какъ я разумѣю, въ этомъ дѣлѣ три посредника: м-ръ Пэджъ, то есть м-ръ Педжъ; я самъ, то есть я самъ; третій и окончательный, мой хозяинъ — владѣлецъ гостинницы «Подвязка».

Пэджъ. Мы трое выслушаемъ дѣло и уладимъ ссору между ними.

Эвансъ. Очень хорошо. Я занесу протоколъ въ мою записную книжку; затѣмъ мы разберемъ дѣло съ возможнымъ безпристрастіемъ.

Фальстафъ. Пистоль!

Пистоль. Онъ слушаетъ своими ушами.

Эвансъ. Что за чортъ! Какая фраза: «онъ слушаетъ своими ушами». Это слишкомъ вычурно.

Фальстафъ. Пистоль! вы очистили кошелекъ м-ра Слендера?

Слендеръ. Клянусь этими перчатками, очистилъ. Если это неправда, да не войду я никогда въ мою большую комнату. Онъ укралъ у меня семь гротовъ добрыми шестипенсовиками и еще два эдуардовскіе шилинга, которые я купилъ у мельника Ида, заплативъ за каждый по два шилинга и два пенса. Клянусь перчатками, я говорю истину.

Фальстафъ. Правда это, Пистоль?

Эвансъ. Нѣтъ, это обманъ, если было воровство.

Пистоль.

Ахъ, ты, пришлецъ изъ горъ!
(*Фальстафу.*) Мой господинъ,
Сэръ Джонъ, зову на бой я эту саблю
Жестяную. (*Слендеру.*) Кидаю въ носъ тебѣ
Я слово возраженья; это слово:
Ты лжешь, нагаръ и пѣнистая грязь!

Слендеръ (*указывая на Нима*). Клянусь перчатками, тогда этотъ.

Нимъ. Дружище, будьте осмотрительнѣе, оставьте ваши шутки! Не то я вамъ такъ скажу: «цыцъ!» что вы по неволѣ замолчите. Вотъ вамъ моя отповѣдь.

Слендеръ. Клянусь моею шапкой, это сдѣлалъ вотъ тотъ краснорожій. Хотя я и не могу вспомнить, что я дѣлалъ послѣ того, какъ вы напоили меня пьянымъ, однакожь, я не совсѣмъ еще оселъ.

Фальстафъ. Ну, что скажете вы на это, Джонъ Разрумяненный.

Бардольфъ. А скажу я, что въ то время этотъ джентльменъ до того упился, что потерялъ всѣ свои пять чувствъ.

Эвансъ. Свои пять чувствъ! Фи! Каково невѣжество.

Бардольфъ. Ну, а какъ напился, онъ, какъ говорится, очутился подъ столомъ и въ заключеніе лишился всякаго пониманія.

Слендеръ. Да, тогда и вы говорили по-латыни. Но не въ этомъ дѣло. Послѣ штуки, сыгранной со мною, пока я буду жить, я никогда не стану напиваться иначе, какъ въ честной, воспитанной и доброй компаніи; если мнѣ вздумается напиться, я буду пить съ людьми, имѣющими въ себѣ страхъ Божій, а не съ негодными пьяницами.

Эвансъ. Да судитъ меня Богъ, вотъ добродѣтельное намѣреніе.

Фальстафъ. Вы слышите, джентльмены, всѣ обвиненія опровергнуты. Вы слышите.

Входятъ: **Миссъ Анна Пэджъ,** *съ виномъ;* за нею **Мистрисъ Фордъ** и **Мистрисъ Пэджъ.**

Пэджъ. Нѣтъ, дочь моя; отнеси вино назадъ; мы будемъ пить его въ комнатѣ.

(**Анна Пэджъ** *уходитъ.*)

Слендеръ. О, небо! Это мистрисъ *) Анна Пэджъ.

Пэджъ. Какъ ваше здоровье, м-съ Фордъ?

Фальстафъ. Честное слово, м-съ Фордъ, мнѣ очень пріятно видѣть васъ. Съ вашего позволенія, милая мистрисъ. (*Цѣлуетъ ее.*)

Пэджъ. Жена, проси къ намъ въ домъ этихъ джентльменовъ. Прошу васъ; у насъ къ обѣду приготовленъ горячій пастетъ изъ дичи. Пойдемте, я надѣюсь, что мы утопимъ въ винѣ всѣ наши несогласія.

(*Всѣ уходятъ въ домъ, кромѣ* **Шалло, Слендера** *и* **Эванса.**)

Слендеръ. Охотно я отдалъ бы сорокъ шилинговъ за то, чтобы имѣть теперь при себѣ мою книгу пѣсенъ и сонетовъ...

Входитъ **Семпль.**

А, вотъ и вы, Семпль! Гдѣ вы были? Не прикажете-ли вы мнѣ самому себѣ прислуживать? Не у васъ-ли моя «Книга Загадокъ»? У васъ?

Семпль. «Книга Загадокъ»? Не вы-ли сами отдали эту книгу на время Алисѣ Шорткекъ, въ день Всѣхъ Святыхъ, за двѣ недѣли до Михайлова дня.

Шалло. Пойдемъ, племянникъ **), пойдемъ, насъ ждутъ. Постой, еще одно слово. Здѣсь на этомъ мѣстѣ, сэръ Гугъ намекомъ сдѣлалъ предложеніе, то есть въ родѣ предложенія... Ты понимаешь меня?

Слендеръ. Да, сэръ, и вы увидите, какъ я буду благоразуменъ; если это правда, я сдѣлаю все, что требуетъ благоразуміе.

Шалло. Погоди, ты прежде пойми меня.

Слендеръ. Это я и дѣлаю.

Эвансъ. Внимайте его внушеніямъ, м-ръ Слендеръ; я во всѣхъ подробностяхъ изложу это дѣло, если вы способны понять его.

Слендеръ. Нѣтъ, я сдѣлаю такъ, какъ укажетъ кузенъ Шалло; прошу васъ, извините меня; онъ мировой судья въ этомъ околоткѣ, я же только простой смертный.

Эвансъ. Совсѣмъ не то; дѣло идетъ о вашей женитьбѣ.

Шалло. Именно объ этомъ, сэръ.

Эвансъ. О женитьбѣ—да; въ этомъ именно дѣло... на мистрисъ Аннѣ Пэджъ.

Слендеръ. А! если это такъ, я готовъ жениться на ней, если условія будутъ благоразумныя.

Эвансъ. Но чувствуете-ли вы расположеніе къ этой дѣвицѣ? Мы хотимъ знать это изъ вашихъ устъ или изъ вашихъ губъ; ибо нѣкоторые философы поддерживаютъ мнѣніе, что губы суть часть устъ... И такъ скажите намъ, можете-ли вы восчувствовать расположеніе къ этой дѣвицѣ?

Шалло. Кузенъ Абрагамъ Слендеръ, можете-ли вы полюбить ее?

Слендеръ. Надѣюсь, сэръ; для этого я сдѣлаю все, что возможно сдѣлать, не отступая отъ благоразумія.

Эвансъ. Во имя Господа и Богоматери, прошу васъ, скажите намъ положительно, можете-ли вы полюбить ее, какъ подобаетъ?

Шалло. Да такъ необходимо. Хотите-ли вы жениться на ней и получить хорошее приданое?

*) Во времена Шекспира и женщинъ и дѣвушекъ одинаково звали: мистрисъ.

**) Шалло называетъ Слендера то кузеномъ, то племянникомъ.

Слендеръ. Я сдѣлаю и больше, кузенъ, по вашему разумному требованію.

Шалло. Нѣтъ, вы поймите, поймите меня, милый племянникъ. Я желаю только того, что вамъ пріятно. Можете-ли вы полюбить эту дѣвушку?

Слендеръ. Я готовъ жениться на ней, сэръ, если вы этого потребуете. Но если въ началѣ любовь и не будетъ велика, за то потомъ, съ помощью неба, когда мы поженимся и лучше узнаемъ другъ-друга, она, можетъ быть, и уменьшится. Надѣюсь, съ постепеннымъ нашимъ сближеніемъ увеличится и наша взаимная антипатія. Но если вы скажете: «женись на ней!» — я женюсь, ибо рѣшился на это рѣшительно и добровольно.

Эвансъ. Вотъ мудрый отвѣтъ, ошибка только въ словѣ «рѣшительно»: «рѣшился рѣшительно»; слѣдовало сказать: «положительно». Намѣреніе его, однакожь, доброе.

Шалло. Да, я увѣренъ, что у моего кузена намѣренія добрыя.

Слендеръ. Пусть меня повѣсятъ, если это неправда.

Входитъ **Анна Пэджъ.**

Шалло. Вотъ и красавица мистрисъ Анна. Какъ бы я хотѣлъ помолодѣть, чтобы полюбить васъ, мистрисъ Анна.

Анна. Кушанье на столѣ; батюшка проситъ васъ сдѣлать намъ честь отобѣдать съ нами.

Шалло. Сейчасъ иду, прелестная мистрисъ Анна.

Эвансъ. Благослови васъ Господь! Спѣшу, чтобы прочесть молитву.

(**Шалло** *и* **Эвансъ** *уходятъ.*)

Анна. Прошу и васъ, сэръ.

Слендеръ. Нѣтъ, честное слово, благодарю васъ отъ всего сердца; мнѣ и такъ хорошо.

Анна. Васъ ждутъ къ обѣду.

Слендеръ. Честное слово, я не голоденъ; благодарю васъ. (*Къ Семплю.*) Ты, мой лакей, ступай служить моему кузену Шалло. (**Семпль** *уходитъ.*) Мировой судья можетъ быть иногда доволенъ, если родственникъ предложитъ ему своего лакея. Пока моя мать здравствуетъ, я держу только трехъ лакеевъ и одного пажа. Что дѣлать! Пока я живу бѣднякомъ, хотя и урожденный джентльменъ.

Анна. Я не могу возвратиться безъ васъ, сэръ; безъ васъ не сядутъ за столъ.

Слендеръ. Говорю вамъ правду, я не хочу ѣсть; благодарю васъ такъ, какъ будто я поѣлъ.

Анна. Прошу васъ, пойдемте.

Слендеръ. Благодарю васъ, я лучше прогуляюсь. Я зашибъ голень, фехтуя съ учителемъ фехтованія. Три удара за блюдо вареннаго чернослива. Клянусь честію, съ того времени я не могу выносить запаха горячихъ кушаньевъ. Съ чего это разлаялись ваши собаки? Не водятъ-ли медвѣдей по городу?

Анна. Кажется, водятъ, сэръ; мнѣ говорили, что сюда привели медвѣдей.

Слендеръ. Люблю смотрѣть на ихъ представленіе; готовъ держать за нихъ какое угодно пари. Вы, я думаю, боитесь, когда увидите медвѣдя?

Анна. Да, сэръ, пугаюсь.

Слендеръ. А я, какъ увижу медвѣдей, тотчасъ забываю объ ѣдѣ и питьѣ; двадцать разъ я видѣлъ спущеннаго съ цѣпи Сакерсона *); я даже бралъ его за цѣпь; увѣряю васъ, что при этомъ женщины немилосердно кричали. Справедливо, что женщины не могутъ терпѣть медвѣдей; это такія свирѣпыя, неблагопристойныя животныя.

*) Сакерсонъ — имя знаменитаго медвѣдя, котораго во времена Шекспира показывали въ «парижскомъ саду», въ Соутваркѣ.

Входитъ **Пэджъ** *изъ дому.*

Пэджъ. Пожалуйте, любезный мистеръ Слендеръ; идите же, мы васъ ожидаемъ.

Слендеръ. Я не хочу ѣсть, благодарю васъ, сэръ.

Пэджъ. Ну, ужь извините, такъ нельзя, сэръ; пойдемте, пойдемте.

Слендеръ. Извольте, но прошу васъ идти впередъ.

Пэджъ. Идите вы, сэръ.

Слендеръ. Мистрисъ Анна, вы пройдете первой.

Анна. Нѣтъ, сэръ, прошу васъ, идите вы.

Слендеръ. Ни за что не пойду я первымъ; я не желаю нанести вамъ оскорбленія.

Анна. Прошу васъ, сэръ.

Слендеръ. Лучше быть невѣжливымъ, чѣмъ несноснымъ. Вы сами наносите себѣ оскорбленіе, истинно такъ.

(*Всѣ уходятъ.*)

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входятъ: **Сэръ Гугъ Эвансъ** *и* **Семпль.**

Эвансъ. Ступайте и узнайте дорогу къ дому доктора Кайюса; у него живетъ мистрисъ Куикли; она что-то въ родѣ его кормилицы, или сидѣлки, или кухарки, или прачки, или швеи.

Семпль. Исполню, сэръ.

Эвансъ. Еще лучше. Отдайте ей это письмо, потому что эта женщина давно знаетъ мистрисъ Анну Пэджъ. Въ этомъ письмѣ эту женщину просятъ помочь вашему господину, который сватается къ мистрисъ Аннѣ Пэджъ Поторопитесь; я же пойду кончать обѣдъ; надо еще попробовать яблокъ и сыра.

(*Оба уходятъ.*)

СЦЕНА III.

Комната въ гостинницѣ «Подвязка».

Входятъ: **Фальстафъ, Хозяинъ гостинницы, Бардольфъ, Нимъ, Пистоль** *и* **Робенъ.**

Фальстафъ. Мой хозяинъ «Подвязки».

Хозяинъ. Что скажетъ мой неисправимый задирало? Говори мудро и учено.

Фальстафъ. Видишь-ли, хозяинъ, мнѣ надо отпустить кое-кого изъ моей свиты.

Хозяинъ. Отпускай, буйный Геркулесъ: гони ихъ. Пусть убираются—рысью, рысью.

Фальстафъ. Я трачу по десяти фунтовъ въ недѣлю.

Хозяинъ. Ты императоръ, цезарь или кесарь! Я возьму къ себѣ на службу Бардольфа; пусть цѣдитъ и разливаетъ у меня вино. По нраву-ли тебѣ это предложеніе, буйный Гекторъ?

Фальстафъ. Исполни это, мой добрый хозяинъ.

Хозяинъ. Я сказалъ и будетъ сдѣлано. Пусть идетъ за мною. (*Бардольфу.*) Посмотрю, какъ-то ты съумѣешь справляться съ виномъ. Что я сказалъ, отъ того не отступлюсь. Слѣдуй за мною.

(**Хозяинъ** *уходитъ.*)

Фальстафъ. Бардольфъ, слѣдуй за нимъ; обязанность подносчика очень не дурная. Изъ стараго плаща выйдетъ новый камзолъ. Поношенный слуга — свѣжій подносчикъ. Иди, прощай!

Бардольфъ. Я давно желалъ такого мѣста; теперь я разбогатѣю.

(**Бардольфъ** *уходитъ.*)

Пистоль. О, подлый цыганъ! захотѣлось ему вертѣть кранъ.

Нимъ. Его зачали во хмѣлю. Не дурно сказано, не правда-ли? У него душа не геройская—вотъ и разгадка.

Фальстафъ. Я очень радъ, что отдѣлался отъ этой трутницы. Онъ воровалъ ужь слишкомъ открыто; въ своемъ воровствѣ онъ, какъ плохой пѣвецъ, не зналъ мѣры и такта.

Нимъ. Истинный талантъ воруетъ съ паузами.

Пистоль. «Воруетъ». Фи! какое глупое выраженіе. Ловкіе люди говорятъ: «перемѣщаетъ».

Фальстафъ. Но вотъ что, господа, я остался почти безъ сапогъ.

Пистоль. Берегись отморозить ноги.

Фальстафъ. Тутъ по-неволѣ надо пуститься на хитрости, приняться за надувательную систему.

Пистоль. Надо же и воронятамъ имѣть пищу.

Фальстафъ. Кто изъ васъ знаетъ здѣсь Форда?

Пистоль. Я его знаю; онъ зажиточный.

Фальстафъ. Мои честные ребята, я хочу сказать, что во мнѣ...

Пистоль. Болѣе двухъ ярдовъ.

Фальстафъ. Оставь твои шутки, Пистоль! Конечно, въ обхватъ во мнѣ будетъ не менѣе двухъ ярдовъ, но теперь не время толковать объ убавкѣ, когда надо думать о прибавкѣ. Дѣло въ томъ, что я намѣренъ завести любовную интрижку съ женою Форда; кажется, она расположена ко мнѣ. Она сама заигрываетъ со мною, строитъ мнѣ глазки, всегда до крайности любезна. Я хорошо понимаю безмолвный любовный языкъ. Толкуя даже въ самомъ неблагопріятномъ смыслѣ ея образъ дѣйствія со мною, при переводѣ ея безмолвныхъ фразъ на чистый англійскій языкъ выйдетъ: «я готова отдаться сэру Джону Фальстафу».

Пистоль. Онъ изучилъ ея мысли и перевелъ ея мысли съ языка непорочности на англійскій.

Нимъ. Якорь заброшенъ очень глубоко. Не дурно сказано?

Фальстафъ. Ходитъ слухъ, что она хозяйничаетъ кошелькомъ мужа; такимъ образомъ въ ея распоряженіи цѣлый легіонъ серебряныхъ ангеловъ *).

Пистоль. Возьми себѣ на помощь легіонъ дьяволовъ и я скажу тебѣ: «иди на нее, парень!»

Нимъ. Дѣло пошло на остроты! Очень хорошо! Приголубьте и меня ангелами.

Фальстафъ. Я написалъ къ ней вотъ это письмо; а другое къ женѣ Пэджа, которая тоже недавно очень нѣжно посматривала на меня и чрезвычайно тщательно осматривала мою фигуру. Лучъ ея взгляда золотилъ то мою ногу, то мое величественное брюхо.

Пистоль. Слѣдовательно, солнце блистало на навозной кучѣ.

Нимъ. Спасибо за эту остроту.

Фальстафъ. О! она осматривала мои формы съ такимъ жаднымъ вниманіемъ, что вожделѣніе ея взгляда жгло меня, точно зажигательное стекло. Вотъ это письмо къ ней. Въ ея рукахъ тоже кошелекъ мужа. Она истинная Гвіана, полная золота и щедрости. Я буду кассиромъ обѣихъ женъ, а онѣ моимъ казначействомъ. Онѣ будутъ моими Индіями, восточной и западной; я заведу торговлю съ обѣими. Ты отнеси это письмо къ м-съ Пэджъ, а ты къ м-съ Фордъ. Настанетъ для насъ пора благоденствія, мои дѣти, заживемъ мы, припѣваючи.

Пистоль.

И, значитъ, я, носящій на бедрѣ
Булатный мечъ, Пандоромъ Трои стану?
Нѣтъ! лучше пусть возьметъ насъ Люциферъ!

*) Во время Шекспира въ Англіи чеканилась серебряная монета съ изображеніемъ ангеловъ.

Нимъ. Я вовсе не желаю участвовать въ гнусной интригѣ; возьми назадъ твое смѣхотворное письмо. Я не хочу, чтобы легло пятно на мою репутацію.

Фальстафъ (*Робену*).

Неси же ты, мальчишка, эти письма
Проворнѣе; несись, какъ мой корабль,
Къ тѣмъ золотымъ странамъ.—А вы, мерзавцы,
Вонъ! къ чорту всѣ! Исчезните, какъ градъ!
Не вѣдайте покоя, пресмыкайтесь,
Пристанища ищите, безпрестанно
Взадъ и впередъ мечитесь! Вонъ сейчасъ!
Фальстафъ духъ времени усвоитъ—и отлично
Одинъ съ своимъ пажемъ онъ заживетъ практично.

(**Фальстафъ** *и* **Робенъ** *уходятъ.*)

Пистоль.

Пусть коршуны кишки твои растреплютъ!
Не мало, братъ, костей фальшивыхъ есть,
Чтобъ надувать и богачей и бѣдныхъ;
И въ тѣ поры, когда ты будешь нищъ,
Фригійскій турокъ гнусный,—будетъ туго
Мой кошелекъ монетами набитъ.

Нимъ. У меня явилась мысль; мы ловко отомстимъ ему.

Пистоль.

Ты хочешь мстить?

Нимъ.

Хочу—клянуся небомъ
И звѣздами его!

Пистоль.

А чѣмъ? мечемъ
Иль хитростью?

Нимъ.

И тѣмъ, и этимъ. Пэджу
Я разскажу про замыслы его.

Пистоль.

А я пойду и Форду все открою,
Что гнусный плутъ Фальстафъ намѣренъ тоже
Голубку взять его и завладѣть казною,
И смять его супружеское ложе.

Нимъ. Желаніе остроумно отомстить ему во мнѣ не ослабѣетъ. Я уговорю Пэджа подсыпать ему ядъ; я вгоню его въ желтуху; разрывъ такой мины будетъ ужасенъ. Вотъ какъ я намѣренъ дѣйствовать.

Пистоль. Ты — Марсъ недовольныхъ. Я слѣдую за тобою. Впередъ.

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ доктора Кайюса.

Входятъ: **Мистрисъ Куикли, Семпль** *и* **Регби.**

Куикли. Слушай, Джонъ Регби! Прошу тебя, встань у надворнаго окна и смотри, пока не застелетъ глазъ, не возвращается-ли мой хозяинъ, докторъ Кайюсъ. Честное слово, если онъ вернется и застанетъ здѣсь кого-нибудь, онъ снова злоупотребитъ долготерпѣніемъ Господа и англійскаго короля.

Регби. Буду сторожить.

Куикли. Иди; а за это я угощу тебя вечеромъ кипяченымъ молокомъ. (**Регби** *уходитъ.*) Честный, вѣжливый и услужливый малый; такой слуга, какого можно только пожелать, не сплетникъ, и не задора; его главный недостатокъ, что онъ слишкомъ богомоленъ; въ этомъ отношеніи онъ упрямъ; но каждый имѣетъ свои недостатки... Будетъ объ этомъ... Такъ вы говорите, что васъ зовутъ Питеръ Семпль?

Семпль. Да, за неимѣніемъ лучшаго.

Куикли. И вы служите у м-ра Слендера?

Семпль. У него самаго.

Куикли. Не большая-ли у него борода, закругленная точно ножъ перчаточника?

Семпль. Ну, нѣтъ; у него небольшое лице съ маленькой желтоватой бородкой, камышеваго цвѣта.

Куикли. Кажись, онъ смирный человѣкъ?

Семпль. Смиренъ-то онъ смиренъ, но рука у него не легкая и кулакомъ онъ работаетъ не хуже другихъ. Разъ онъ подрался съ смотрителемъ надъ кроликами.

Куикли. Что вы говорите! Да, теперь я припоминаю его. Онъ вѣчно ходитъ гоголемъ, задравши носъ къ верху. Не такъ-ли?

Семпль. Именно такъ.

Куикли. Въ такомъ случаѣ, да не пошлетъ небо Аннѣ Пэджъ еще худшей партіи! Передайте г. пастору Эвансу, что я постараюсь сдѣлать все, что могу для вашего хозяина. Анна хорошая дѣвушка и я желаю...

Входитъ **Регби.**

Регби. Спасайтесь. Идетъ хозяинъ.

Куикли. Всѣмъ намъ не сдобровать! Добрый молодой человѣкъ, спрячьтесь въ этотъ кабинетъ. (*Вталкиваетъ* **Семпля** *въ кабинетъ доктора.*) Онъ долго не засидится. Джонъ Регби! Джонъ! Да гдѣ-же ты? Поди сюда. Узнай, не случилось-ли чего-нибудь съ хозяиномъ? Онъ что-то долго не идетъ, ужь не заболѣлъ-ли дорогой. (*Напѣваетъ:*)

Тамъ внизу, внизу низехонько...

Входитъ докторъ **Кайюсъ.**

Кайюсъ. Что вы тутъ поете? Не люблю я этой визготни. Принесите мнѣ изъ моего кабинета un boitier verd, т. е. зеленый ящикъ. Понимаете, что я говорю? зеленый ящикъ.

Куикли. Еще бы не понять; сейчасъ принесу. (*Въ сторону.*) Очень рада, что онъ не идетъ туда самъ; если онъ найдетъ тамъ молодого человѣка, то станетъ бодаться точно бѣшеный.

Кайюсъ. Fe, fe, fe! ma foi, il fait fort chaud. Je m'en vais à la cour — la grande affaire.

Куикли. Этотъ ящикъ, сэръ?

Кайюсъ. Ouy; mette le au mon карманъ; depeche, проворнѣе. А гдѣ этотъ негодяй Регби?

Куикли. Эй! Джонъ Регби! Джонъ!

Регби. Я здѣсь, сэръ,

Кайюсъ. Вы Джонъ Регби, вы и болванъ Регби. Берите свою рапиру и маршъ за мной ко двору.

Регби. Рапира готова, сэръ, она въ сѣняхъ.

Кайюсъ. Честное слово, я страшно замѣшкался. Чортъ возьми! Qu'ay j'oublié? Въ кабинетѣ у меня есть лѣкарства, безъ которыхъ ни за что на свѣтѣ я не желалъ бы уходить.

(*Идетъ въ кабинетъ.*)

Куикли. Горе намъ! Онъ найдетъ тамъ молодого человѣка и взбѣсится.

Кайюсъ. O, diable, diable! Кто это забрался въ мой кабинетъ? Разбойникъ! larron! (*Выталкиваетъ Семпля.*) Регби! мою рапиру!

Куикли. Добрый хозяинъ, успокойтесь!

Кайюсъ. Съ какой стати я долженъ успокоиться?

Куикли. Этотъ молодой человѣкъ—честный человѣкъ.

Кайюсъ. А зачѣмъ пожаловалъ честный человѣкъ въ мой кабинетъ? Ни одинъ честный человѣкъ такимъ образомъ не входилъ въ мой кабинетъ.

Куикли. Умоляю васъ, не будьте такъ флегматичны; выслушайте всю правду. Его прислалъ ко мнѣ пасторъ Эвансъ.

Кайюсъ. Ну...

Семпль. Да, чтобы просить ее...

Куикли. Прошу васъ, молчите!

Кайюсъ. Лучше вы попридержите вашъ языкъ. (*Семплю.*) Разсказывайте.

Семпль. Просить эту честную даму, вашу служанку, замолвить доброе словечко мистрисъ Аннѣ Пэджъ за моего господина, который желаетъ на ней жениться.

Куикли. Вотъ и вся правда! Но я не положу моего пальца въ огонь, ибо въ этомъ нѣтъ надобности.

Кайюсъ. Васъ послалъ сэръ Гугъ?.. Регби, baillez мнѣ бумаги. (*Семплю.*) А вы, подождите немного. (*Пишетъ.*)

Куикли (*тихо, Семплю*). Очень рада, что онъ спокоенъ; если бы онъ вышелъ изъ себя, онъ разоралс бы и вы наслушались бы его меланхоліи. Но какъ бы тамъ ни было, мой другъ, я сдѣлаю для вашего хозяина все, что могу; дѣло-то въ томъ, что французскій докторъ—мой хозяинъ... Видите-ли, я могу называть его своимъ хозяиномъ, потому что я заправляю его домомъ; я стираю, глажу, варю, пеку, чищу, стряпаю кушанье и питье, приготовляю ему постель; однимъ словомъ, все это дѣлаю я одна.

Семпль. Ну, для рукъ одной персоны это слишкомъ большая работа.

Куикли. Вы думаете? Да, работы не мало; главное, надо вставать рано и ложиться поздно. Но какъ бы тамъ ни было—скажу вамъ на ухо, только никому ни гу-гу—мой хозяинъ тоже влюбленъ въ мистрисъ Анну Пэджъ. Но въ этомъ нѣтъ бѣды! Чувства Анны мнѣ хорошо извѣстны: она не желаетъ ни того, ни другого.

Кайюсъ. Вы, образина, передайте это письмо сэру Гугу. Это, чортъ возьми, вызовъ на дуэль. Я перерѣжу ему горло въ паркѣ; я проучу этого бездѣльника пастора, всюду сующаго носъ и желающаго подслужиться... Можете идти, вамъ нечего здѣсь дѣлать. Чортъ побери! Я сдѣлаю его кастратомъ. Чортъ возьми, отъ него не останется ни одной косточки для его собаки.

(**Семиль** *уходитъ.*)

Куикли. Увы! Онъ хлопоталъ за одного изъ своихъ друзей.

Кайюсъ. Мнѣ какая нужда! Развѣ не говорили вы мнѣ, что Анна Пэджъ будетъ моею. Чортъ возьми, я хочу убить этого бездѣльника пастора! Мѣрять наши шпаги будетъ, по моему выбору, хозяинъ гостинницы de Jarterre. Чортъ возьми! я желаю обладать Анной Пэджъ.

Куикли. Сэръ, дѣвушка любитъ васъ и все пойдетъ хорошо. Пусть люди болтаютъ, что хотятъ, намъ плевать на эти толки.

Кайюсъ. Регби, слѣдуй за мной ко двору... Если Анна Пэджъ не будетъ моею, я вышвырну васъ за дверь... Регби, не отставать отъ меня.

(**Кайюсъ** *и* **Регби** *уходятъ.*)

Куикли. Дожидайся! Достанутся тебѣ ослиныя уши и ничего болѣе. Я знаю мысли Анны на твой счетъ; ни одна женщина въ Виндзорѣ не знаетъ мыслей Анны лучше, чѣмъ я; благодаря Бога, ни одна не имѣетъ такого вліянія на нее, какъ я.

Фентонъ (*за сценой*). Кто тутъ есть?

Куикли. Кто тамъ? Прошу васъ, войдите.

Входитъ **Фентонъ.**

Фентонъ. Какъ поживаешь, добрая женщина?

Куикли. Хорошо; еще лучше потому, что ваша милость спрашиваете меня объ этомъ.

Фентонъ. Что новаго? Какъ здоровье мистрисъ Анны?

Куикли. Что правда то правда, сэръ, она прекрасна, и добродѣтельна, и кротка, и могу кстати сказать, она, благодаря Бога, изъ вашихъ друзей.

Фентонъ. Какъ думаешь, достигну я цѣли? Труды мои даромъ не пропадутъ?

Куикли. Все въ рукахъ Всевышняго, сэръ; но я готова поклясться на библіи, м-ръ Фентонъ, что она любитъ васъ. Есть у вашей милости бородавка надъ глазомъ?

РИСУНОКЪ Е. ГРЮЦНЕРА.

ФАЛЬСТАФЪ И ГОСПОЖА ПЭДЖЪ.

Съ фотографіи «Фотографическаго Общества» въ Берлинѣ.

Фентонъ. Есть. Что же дальше?

Куикли. Съ этой бородавкой связана цѣлая исторія. Таить нечего, наша Нюта большая причудница... Но, призываю небо въ свидѣтели, честнѣйшая дѣвушка изъ всѣхъ, которыя когда-либо рѣзали хлѣбъ... Болѣе часа бесѣдовали мы съ нею объ этой бородавкѣ. Веселая! ни съ кѣмъ не смѣюсь я такъ, какъ съ нею. Правда, она слишкомъ наклонна къ алликоліи и мечтанію... Но что до васъ... дѣйствуйте смѣло.

Фентонъ. Хорошо, я увижусь съ нею сегодня. Вотъ тебѣ деньги; поговори въ мою пользу; если увидишь ее ранѣе меня, похлопочи обо мнѣ.

Куикли. Разумѣется, похлопочу. Мы свое дѣло знаемъ. Въ будущій разъ, когда увижусь съ вами, я разскажу вамъ побольше о бородавкѣ, а также и о другихъ вздыхателяхъ.

Фентонъ. Хорошо, прощай! Мнѣ надо идти.

Куикли. Прощайте, ваша милость. (**Фентонъ** *уходитъ.*) Правду сказать, честнѣйшій джентльменъ. Но Анна не любитъ его; никто лучше меня не знаетъ мыслей Анны... Какъ же это я забыла объ этомъ. (*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ домомъ Пэджа.

Входитъ **М-съ Пэджъ**, *съ письмомъ.*

М-съ Пэджъ. Какъ вамъ покажется! Въ самые праздничные дни моей красоты меня не преслѣдовали любовными письмами и вдругъ теперь я получаю такое письмо. Прочту. (*Читаетъ.*) «Не спрашивайте, почему я васъ люблю: если иногда любовь и дѣлаетъ разсудокъ своимъ докторомъ, то никогда не обращается къ нему за совѣтами. Вы не очень молоды и я не юнъ, вотъ и симпатія между нами. Вы любите повеселиться, я тоже; ха, ха! вотъ еще симпатія. Вы любите вино и я не прочь выпить; можете-ли вы желать большей симпатіи. Будь же довольна, мистрисъ Пэджъ (если только ты можешь удовольствоваться любовью солдата), что я полюбилъ тебя. Я не скажу: пожалѣй меня, — это не солдатская рѣчь, — а говорю тебѣ: полюби меня!

Вѣчный рыцарь твой,
И днемъ, и ночной порой,
И во всякій часъ другой
За тебя готовый въ бой,
Джонъ Фальстафъ».

Каковъ Иродъ іудейскій! Какова нынче испорченность свѣта! Какъ свѣтъ-то испорченъ! Человѣкъ истрепался отъ старости, а корчитъ изъ себя молодого любезника! Чортъ бы его побралъ! Развѣ какой-нибудь легкостью въ обращеніи я подала этому фламандскому пьяницѣ поводъ, что онъ осмѣливается такъ дерзко подъѣзжать ко мнѣ? Онъ и трехъ разъ не встрѣчался со мною въ обществѣ. Что же я могла сказать ему? Боже, прости меня, въ то время я не сдерживала моей веселости! Почему бы мнѣ не внести въ парламентъ билль объ истребленіи мужчинъ! Какъ отомстить мнѣ ему? Что я отомщу ему, это такъ же вѣрно, какъ то, что его кишки сдѣланы изъ колбасы.

Входитъ **М-съ Фордъ.**

М-съ Фордъ. Честное слово, м-съ Пэджъ, я шла къ вамъ.

М-съ Пэджъ. И я, честное слово, тоже шла къ вамъ. Вы выглядите не хорошо.

М-съ Фордъ. Не вѣрю этому; я могу доказать противное.

М-съ Пэджъ. Какъ хотите, на мой взглядъ, вамъ не по себѣ.

М-съ Фордъ. Пусть будетъ такъ. Однакожь, повторяю, я могу доказать противное. О, м-съ Пэджъ, дайте мнѣ совѣтъ.

М-съ Пэджъ. Въ чемъ дѣло, моя милая.

М-съ Фордъ. О, моя милая, еслибъ я не боялась пустяка, я могла бы достигнуть большей чести.

М-съ Пэджъ. Къ чорту этотъ пустякъ, моя милая, и берите честь! Въ чемъ дѣло? Не тревожтесь пустяками и скажите, въ чемъ дѣло?

М-съ Фордъ. Еслибъ я захотѣла только отправиться въ адъ на одну или двѣ минуты вѣчности, я могла бы удостоиться за это рыцарскаго званія.

М-съ Пэджъ. Вотъ вздоръ! Ты лжешь!.. Сэръ Алиса Фордъ!.. Не слишкомъ-ли понизится тогда рыцарство. Вѣрь мнѣ, ты поступишь лучше, не мѣняя своего званія.

М-съ Фордъ. Мы жжемъ по-пусту дневной свѣтъ... Возьми, прочти, прочти... и ты узнаешь, какимъ образомъ я могла бы пріобрѣсти рыцарское званіе. (*Отдаетъ ей письмо.*) До тѣхъ поръ, пока мои глаза будутъ въ состояніи различить одного мужчину отъ другого, я буду самаго дурного мнѣнія о толстякахъ. И между тѣмъ этотъ толстякъ не ругался, восхвалялъ скромность у женщинъ и такъ разсудительно и здраво порицалъ всякое неприличіе, что я могла поклясться, что у него тоже на умѣ, что и на языкѣ; но его слова и мысли такъ же согласуются между собою, какъ сотый псаломъ съ пѣсней о зеленыхъ рукавчикахъ *). Спрашиваю тебя, какая буря выкинула на виндзорскій берегъ этого кита, въ брюхѣ у котораго столько бочекъ сала? Какъ отомстить ему? Мнѣ кажется, лучшимъ средствомъ будетъ тѣшить его надеждой до тѣхъ поръ, пока онъ не растопится въ своемъ собственномъ жирѣ подъ подлымъ огнемъ похотливости. Слыхали вы о чемъ-нибудь подобномъ?

М-съ Пэджъ. Оба письма буква въ букву одинаковы, разница только въ именахъ — въ одномъ Фордъ, въ другомъ Пэджъ. Тайну твоей дурной репутаціи лучше всего разъяснитъ вотъ этотъ близнецъ твоего письма; но пусть твое воспользуется наслѣдствомъ, потому что мое, ручаюсь, отказывается отъ этой чести. Я увѣрена, что у него, покрайней мѣрѣ, тысяча такихъ писемъ; онъ писалъ ихъ, оставляя пробѣлы для вписыванія, по мѣрѣ надобности, различныхъ именъ. Наши — второе изданіе. Разумѣется, онъ тиснетъ ихъ въ печати, потому-что ему рѣшительно все равно, что ни тискать, если онъ рѣшается взять обѣихъ насъ въ тиски. Я бы скорѣе согласилась быть великаншей и лежать подъ горой Пеліономъ. Гораздо легче найдти двадцать развратныхъ голубокъ, чѣмъ одного цѣломудреннаго мужчину.

М-съ Фордъ. Да, въ самомъ дѣлѣ письма одинаковы: одинъ и тотъ же почеркъ, одни и тѣ же слова. Что думаетъ онъ о насъ?

М-съ Пэджъ. Право, не знаю. У меня является желаніе отыскать прорѣхи въ моей честности. Я готова смотрѣть на себя, какъ на человѣка, мнѣ незнакомаго. Навѣрное, еслибъ онъ не примѣтилъ во мнѣ слабости, которой я сама не замѣчаю въ себѣ, онъ никогда не рѣшился бы на такой безумный абордажъ.

М-съ Фордъ. Вы говорите: абордажъ? Я увѣрена, ему не взобраться на мою палубу.

М-съ Пэджъ. И я тоже. Если бы онъ пробрался въ мои люки, послѣ этого я никогда уже не пустилась бы въ море. Надо отомстить ему. Назначимъ ему свиданіе; дадимъ надежду на успѣхъ и станемъ ловко водить его за носъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ вынужденъ заложить своихъ лошадей хозяину гостинницы «Подвязка».

М-съ Фордъ. Да, я согласна сыграть съ нимъ самую злую шутку, но съ условіемъ, чтобы она не могла запачкать чистоты нашей добродѣтели. О, еслибъ мой мужъ увидѣлъ это письмо! Оно дало бы вѣчную пищу его ревности!

М-съ Пэджъ. Смотри, вотъ и онъ; и мой добрякъ съ нимъ; но мой столько же далекъ отъ ревности, сколько я отъ всего, что могло бы возбудить ее; разстояніе, надѣюсь, неизмѣримое.

М-съ Фордъ. Въ этомъ отношеніи вы счастливѣе меня.

М-съ Пэджъ. Сговоримся, какъ дѣйствовать противъ этого жирнаго рыцаря. Пойдемъ сюда.

(*Отходятъ въ сторону.*)

Входятъ: **Фордъ**, *разговаривая съ* **Пистолемъ;** **Пэджъ**, *разговаривая съ* **Нимомъ.**

Фордъ. Надѣюсь, тутъ нѣтъ ничего серьезнаго.

Пистоль.

Въ иныхъ вещахъ надежда пёсъ безхвостый.
Сэръ Джонъ Фальстафъ прельщенъ твоей женой.

Фордъ. Ба! Моя жена не такъ ужь молода.

Пистоль.

Волочится онъ за простой и знатной,
За бѣдной и богатой, молодой
И старою — за всѣми безъ разбора.
Охотникъ онъ до винигрета, Фордъ.
Фордъ, берегись!

Фордъ.

Мою жену онъ любитъ?

Пистоль.

Всей печенью, горящей, какъ огонь.
Предупреди, иль будешь ты украшенъ,
Какъ Актеонъ, затравленный въ лѣсу
Собаками. О, пасквильное слово!

Фордъ. Какое слово, сэръ?

Пистоль.

Да слово рогъ. Прощай. Смотри: не спи,
Не забывай, что воры ходятъ почью;
Смотри, пока къ намъ лѣто не пришло,
Пока еще кукушка не запѣла.
Идемъ, капралъ сэръ Нимъ. Вѣрь, Пэджъ, ему —
Онъ говоритъ умно и справедливо.

(*Уходитъ.*)

Фордъ (*въ сторону*). Буду терпѣливъ; надо выяснить все это.

Нимъ (*Пэджу*). И я скажу вамъ одну правду. Ложь не въ моихъ привычкахъ. Нѣкоторымъ образомъ онъ оскорбилъ меня. Пожалуй, я могъ бы отнести его кудреватое письмо къ вашей женѣ, но я ношу мечъ, который въ случаѣ нужды можетъ укусить. Безъ дальнѣйшихъ околичностей скажу: онъ влюбился въ вашу жену. Не даромъ меня зовутъ капралъ Нимъ; я говорю и утверждаю одну правду. Мое имя Нимъ, а Фальстафъ любитъ вашу жену. Adieu! Не въ моихъ привычкахъ довольствоваться хлѣбомъ и сыромъ. Adieu.

Пэджъ (*въ сторону*). Его привычки! Нечего сказать, жеманный малый?

Фордъ (*въ сторону*). Надо наблюдать за Фальстафомъ.

Пэджъ (*въ сторону*). Никогда не приходилось мнѣ встрѣчаться съ такимъ болтливымъ и жеманнымъ негодяемъ.

Фордъ (*въ сторону*). Если я открою что-нибудь, я ему покажу себя!

*) «Пѣсня о зеленыхъ рукавчикахъ» — баллада, очень популярная въ то время въ Англіи.

Пэджъ (*въ сторону*). Не повѣрю я подобному китайцу, если бы даже нашъ городской священникъ рекомендовалъ его съ самой лучшей стороны.

Фордъ (*въ сторону*). Онъ добрый, чувствительный малый. Хорошо!

Пэджъ (*женѣ, которая подходитъ къ нему*). А, это вы, Мэгъ.

М-съ Пэджъ. Куда вы идете, Джоржъ. Послушайте.

М-съ Фордъ (*подходя къ мужу*). Отчего, мой милый Франкъ, ты такъ задумчивъ?

Фордъ. Задумчивъ? Я? Я вовсе не задумчивъ. Идите-ка лучше домой.

М-съ Фордъ. У тебя что-нибудь засѣло въ головѣ. Идемте, м-съ Пэджъ.

М-съ Пэджъ. Я въ вашемъ распоряженіи. Вы придете къ обѣду, Джоржъ. (*Тихо м-съ Фордъ.*) Посмотрите, кто идетъ сюда; кто лучше ея можетъ исполнить наше порученіе къ этому негодному рыцарю.

М-съ Фордъ (*также тихо*). Честное слово, и я тоже самое подумала о ней; она все устроитъ отлично.

Входитъ **М-съ Куикли.**

М-съ Пэджъ. Вы пришли къ моей дочери Аннѣ?

М-съ Куикли. Къ ней. Прошу васъ, скажите, какъ здоровье милой мистрисъ Анны?

М-съ Пэджъ. Идемте съ нами и вы увидите ее. Въ нашемъ распоряженіи цѣлый часъ для разговора.

(*Уходятъ: м-съ* **Пэджъ**, *м-съ* **Фордъ** *и м-съ* **Куикли.**)

Пэджъ. Что скажете, м-ръ Фордъ?

Фордъ. Слышали, что этотъ негодяй передалъ мнѣ?

Пэджъ. Да. Вы тоже слышали, что другой сообщилъ и мнѣ.

Фордъ. Вѣрите вы имъ?

Пэджъ. Висѣльники они, вотъ что! Не думаю, чтобы рыцарь былъ способенъ на это. Не забывайте, что эти люди, обвиняющіе его въ неблаговидныхъ замыслахъ на нашихъ женъ, находились у него на службѣ и прогнаны имъ. Потерявъ мѣсто, они пустились на всякія мошенничества.

Фордъ. Развѣ они служили у него?

Пэджъ. Конечно, служили.

Фордъ. Это еще меня не разувѣряетъ. Онъ живетъ въ гостинницѣ «Подвязка»?

Пэджъ. Тамъ. Если онъ вздумаетъ примазываться къ моей женѣ, я самъ натравлю ее на него и, отвѣчаю моей головой, онъ ничего не добьется отъ нея, кромѣ ругани.

Форцъ. Я тоже не сомнѣваюсь въ моей женѣ, но не желалъ бы подвергать ее испытанію. Не слѣдуетъ быть слишкомъ довѣрчивымъ. Я не хочу отвѣчать своей головой; какое же это удовлетвореніе?

Пэджъ. А вотъ идетъ хозяинъ «Подвязки» и оретъ во всю мочь. У него или водка въ башкѣ или деньги въ карманѣ. Какъ поживаете хозяинъ?

Входятъ: **Хозяинъ гостинницы** и **Шалло.**

Хозяинъ (*къ Шалло*). Какъ можешь-живешь, задирало? Ты, джентльменъ, cavalero-судья, иди же!

Шалло. Иду за тобой, хозяинъ, иду за тобой. Двадцать разъ здраствуйте, мой добрый м-ръ Пэджъ! Хотите идти съ нами, м-ръ Пэджъ. Намъ предстоитъ добрая потѣха.

Хозяинъ. Разскажи ему, cavalero-судья, разскажи ему, задирало.

Шалло. Сэръ, предстоитъ дуэль между сэромъ Гугомъ Эвансомъ, валійскимъ пасторомъ, и Кайюсомъ, французскимъ докторомъ.

Фордъ. На пару словъ, почтеннѣйшій хозяинъ «Подвязки».

Хозяинъ. Что скажешь, задирало?

(*Отходятъ въ сторону.*)

Шалло (*Пэджу*). Не пойдете-ли и вы съ нами посмотрѣть интересную штуку? Нашего шутника хозяина просили вымѣрять оружіе противниковъ; а онъ, сдается мнѣ, назначилъ каждому изъ нихъ различное мѣсто свиданія; потому что, даю слово, пасторъ не любитъ шутить. Послушайте-ка, я разскажу вамъ, что мы придумали для потѣхи.

Хозяинъ (*Форду*). Нѣтъ-ли у тебя какой-нибудь претензіи къ моему постояльцу, благородному рыцарю?

Фордъ. Увѣряю васъ, никакой, но я вамъ предложу бутыль добраго вина, если вы познакомите меня съ нимъ, сказавъ, что меня зовутъ Брукъ; это только ради шутки.

Хозяинъ. Вотъ тебѣ моя рука, буянъ! Ты будешь имѣть и входъ и выходъ;—не дурно сказано?—и я стану звать тебя Брукъ О, онъ веселый парень! Ну, идемте, господа.

Шалло. Я съ вами, хозяинъ.

Пэджъ. Мнѣ говорили, что французъ ловко дѣйствуетъ своей рапирой.

Шалло. Если-бы мы встрѣтились съ вами въ былое время, сэръ, я бы показалъ вамъ и не такія штуки. Теперь для васъ имѣютъ важность дистанціи, пассады, эстокады и не знаю еще что такое. Сердце, м-ръ Пэджъ, все въ сердцѣ. Въ былое время моимъ длиннымъ мечемъ я могъ разогнать, какъ крысъ, четырехъ такихъ здоровяковъ, какъ вы.

Хозяинъ. Двигаемтесь, братцы, двигаемтесь, пора!

Пэджъ. И я съ вами. Конечно, лучше бы послушать, какъ они бранятся между собой, чѣмъ присутствовать при ихъ дракѣ.

(**Пэджъ, Шалло** *и* **Хозяинъ** *уходятъ.*)

Фордъ. Пэджъ желаетъ лучше оставаться безпечнымъ глупцомъ—это его дѣло. Онъ слѣпо довѣряетъ твердости своей жены, но я не могу такъ легко смотрѣть на вещи. Я знаю, что жена видѣлась съ нимъ въ домѣ Пэджа, но что они дѣлали тамъ—я не знаю. Надо выяснить это; переодѣтый, я выпытаю все у Фальстафа. Если добродѣтель ея не тронута—я все-таки не потеряю даромъ времени; если же случилось иное—тѣмъ болѣе моя попытка принесетъ пользу.

СЦЕНА II.

Комната въ гостинницѣ «Подвязка».

Входятъ: **Фальстафъ** *и* **Пистоль.**

Фальстафъ. Не получишь ни гроша.

Пистоль.

Ну, такъ міръ
Мнѣ устрицею будетъ, и я вскрою
Ее своимъ мечемъ.

Фальстафъ. Не дамъ ни гроша. Не разъ уже я давалъ вамъ, сэръ, позволеніе закладывать мой кредитъ; я вырвалъ у моихъ лучшихъ друзей три отсрочки для васъ и неразлучнаго съ вами Нима; не сдѣлай я этого, вы сидѣли бы теперь за рѣшеткой и гримасничали бы подобно обезьянамъ. Я предалъ себя на адскія муки, поклявшись моимъ друзьямъ, джентльменамъ, что вы хорошіе солдаты и люди съ сердцемъ; когда же м-съ Бриджитъ потеряла рукоятку своего вѣера, я поручился своей честью, что не ты воспользовался потерянной вещью.

Пистоль. Развѣ я не подѣлился съ тобою? Ты получилъ пятнадцать пенсовъ.

Фальстафъ. Онъ еще разсуждаетъ, негодяй. Не думаешь-ли ты, что я могу рисковать своей душою, gratis? Нечего болтать по пустому, будетъ тебѣ висѣть на моей шеѣ; я для тебя не висѣлица. Убирайся! Короткій ножъ и густая толпа—вотъ что тебѣ нужно Убирайся въ твой замокъ Петчъ *). Вы не хотѣли снести для меня письма, негодный. Видите-ли! Честь вамъ этого не дозволяла. Низкій плутъ! Но вѣдь я самъ съ трудомъ могу держаться въ границахъ моей чести! Я самъ иногда, оставляя въ сторонѣ страхъ Божій и прикрывая честь необходимостію, бываю вынужденъ хитрить, изворачиваться, надувать. И вы, негодяй, хотите прикрывать своей честью ваши лохмотья, ваши взгляды черной кошки, ваши кабацкія рѣчи, ваши безстыдныя ругательства. Вы не хотѣли оказать мнѣ услугу?

Пистоль. Я раскаяваюсь. Чего же ты хочешь еще отъ человѣка?

Входитъ **Робенъ.**

Робенъ. Сэръ, пришла женщина и желаетъ переговорить съ вами.

Фальстафъ. Пусть приблизится.

Входитъ **Мистрисъ Куикли.**

М-съ Куикли. Желаю добраго здоровья вашей милости.

Фальстафъ. Здравствуй, добрая женщина.

М-съ Куикли. Не совсѣмъ такъ, съ позволенія вашей милости.

Фальстафъ. Значитъ, добрая дѣвушка.

М-съ Куикли. Такая же, клянусь, какою была мать моя, когда произвела меня на свѣтъ.

Фальстафъ. Вѣрю тебѣ на слово. Что тебѣ нужно отъ меня?

М-съ Куикли. Удостоитъ ваша милость выслушать отъ меня два-три слова?

Фальстафъ. Хотя двѣ тысячи; я удостоиваю тебя аудіенціи.

М-съ Куикли. Здѣсь есть нѣкая м-съ Фордъ, сэръ... Отойдемте лучше сюда, сэръ... Я живу у доктора Кайюса,

Фальстафъ. Хорошо, продолжай. Ты говоришь: м-съ Фордъ?

М-съ Куикли. Вѣрно, ваша милость, вѣрно. Прошу васъ отойдти еще немного въ эту сторону.

Фальстафъ. Увѣряю тебя насъ никто не услышитъ: это мои люди, мои собственные люди.

М-съ Куикли. Въ самомъ дѣлѣ? Да благословитъ ихъ Богъ и сдѣлаетъ своими слугами.

Фальстафъ. Хорошо. М-съ Фордъ. Что ты хотѣла сказать о ней?

М-съ Куикли. Ахъ, сэръ, она очень добрая женщина. Господи! Господи! Какой вы соблазнитель, сэръ. Молю, да проститъ Господь васъ и насъ всѣхъ.

Фальстафъ. М-съ Фордъ. Ну чтоже м-съ Фордъ?

М-съ Куикли. Буду говорить коротко. Дѣло въ томъ, что вы до того взбаломутили бабенку, что мы всѣ диву дались. Когда дворъ находился здѣсь, въ Виндзорѣ, и тогда самому ловкому изъ придворныхъ кавалеровъ не удавалось до такой степени вскружить ей голову. А въ то время тутъ были и рыцари, и лорды, и джентльмены въ своихъ каретахъ. Представьте себѣ, карета за каретой, письмо за письмомъ, подарокъ за подаркомъ! И отъ всего этого пахло такъ хорошо мускусомъ; и все это въ золотѣ и шелкахъ. А рѣчи-то все пробирательныя, а вина-то все сладкія, пресладкія, такія все хорошія. Могла ли при всемъ этомъ устоять какая бы то ни было женщина. А она, увѣряю васъ, ус-

*) Во время Шекспира воры употребляли короткій ножъ для отрѣзыванія кошельковъ, носимыхъ у пояса. Замкомъ Петчъ назывался извѣстный распутный домъ, служившій мѣстомъ сборища воровъ. Имя этого замка часто упоминается въ комедіяхъ, написанныхъ во время Елизаветы и Якова I.

тояла; даже нѣжнаго взгляда никто не могъ отъ нея добиться. Мнѣ самой еще сегодня утромъ давали двадцать ангеловъ; но ангеловъ этого рода, какъ говорится, я принимаю только за честное дѣло. Ее, могу васъ увѣрить, не могли даже уговорить, чтобы она приложила свои губы къ кубку самаго гордаго изъ знатныхъ особъ. Здѣсь бывали графы, бывали и познатнѣе ихъ: пенсіонеры *); но и тѣхъ и другихъ, честное слово, она ловко спроваживала.

Фальстафъ. Что же она велѣла сказать мнѣ? Поменьше словъ, мой добрый Меркурій женскаго рода.

М-съ Куикли. Она получила ваше письмо и тысячу разъ благодаритъ васъ за него; вмѣстѣ съ тѣмъ она даетъ вамъ знать, что ея мужа не будетъ дома между десятью и одиннадцатью часами.

Фальстафъ. Между десятью и одиннадцатью?

М-съ Куикли. Именно такъ. Въ это время вы можете прійдти къ ней посмотрѣть на картину, которую, она говоритъ, вы знаете. М-ръ Фордъ, ея мужъ, не будетъ дома. Плохо живется съ нимъ ей, моей голубушкѣ; онъ страшно ревнивъ. У нея очень доброе сердце и, можете вообразить, каково ей жить съ нимъ!

Фальстафъ. Между десятью и одиннадцатью. Женщина, поклонись ей отъ меня и скажи, что я непремѣнно буду.

М-съ Куикли. Вотъ это хорошо сказано. Но у меня есть еще порученіе къ вашей милости. М-съ Пэджъ тоже посылаетъ вамъ искренній поклонъ и позвольте мнѣ сказать вамъ на ухо, что это дама деликатная, вѣжливая, скромная, никогда не забывающая ни утренней, ни вечерней молитвы; въ этомъ отношеніи она не уступитъ ни одной дамѣ въ Виндзорѣ. Она поручила мнѣ передать вашей милости, что ея мужъ рѣдко уходитъ изъ дому, но она надѣется, что когда-же нибудь онъ выйдетъ. Никогда я не видала женщину до такой степени врѣзавшуюся въ мужчину, какъ она. Вѣрно у васъ есть какой-нибудь корень, знаю, что есть.

Фальстафъ. Увѣряю тебя, нѣтъ никакого; кромѣ моихъ личныхъ преимуществъ, я не дѣйствую никакими чарами.

М-съ Куикли. Благослови Богъ ваше сердце.

Фальстафъ. Но, прошу тебя, скажи мнѣ по правдѣ: не открылись-ли одна другой жена Форда и жена Пэджа въ своей любви ко мнѣ?

М-съ Куикли. Честное слово, это было-бы забавно. Надѣюсь, онѣ обѣ знаютъ жизнь. Забавная-бы вышла штука, ей-богу. Ахъ, да! м-съ Пэджъ всей своей любовью умоляетъ васъ прислать ей вашего маленькаго пажа; ея мужу до крайности противенъ этотъ маленькій пажъ; между тѣмъ, вѣрьте, м-ръ Пэджъ честнѣйшій человѣкъ. Ни одна замужняя женщина въ Виндзорѣ не ведетъ болѣе счастливой жизни, чѣмъ м-съ Пэджъ; она дѣлаетъ все, что захочетъ; говоритъ, что ей угодно, получаетъ деньги и платитъ за все; ложится спать, когда ей вздумается; встаетъ съ постели тоже когда ей вздумается; все въ домѣ дѣлается по ея произволенію и она заслуживаетъ этого; если есть въ Виндзорѣ любезная женщина, такъ это она. Пошлите ей вашего пажа, тутъ ничѣмъ ужь не пособишь.

Фальстафъ. Отчего не послать — пошлю.

М-съ Куикли. Да, непремѣнно пошлите; сдѣлайте изъ него посредника между нею и вами. Вотъ что, выдумайте какія-нибудь условныя слова, чтобы вамъ удобнѣе было передавать ваши мысли и мальчикъ не могъ бы понять. Не хорошо дѣтямъ знать хитрости взрослыхъ; ну, а люди въ лѣтахъ, какъ вы знаете сами, имѣютъ, какъ говорится, скромность и знаютъ свѣтъ.

Фальстафъ. Прощай! Поклонись отъ меня обѣимъ. Вотъ тебѣ мой кошелекъ; считай меня еще своимъ должникомъ. Ты, пажъ, ступай съ этой женщиной. (**Робенъ** *и* **м-съ Куикли** *уходятъ.*) Эта новость вскружила мнѣ голову.

Пистоль.

Самъ Купидонъ шлетъ эту тварь ко мнѣ.
Ставь паруса, спѣши за ней въ погоню,
Открой борты, пали; она моя,
Иль пусть имъ всѣмъ погибнуть въ океанѣ!
(*Уходитъ.*)

Фальстафъ. Ты думаешь, старый Джекъ? Иди своей дорогой. Ну, теперь можно извлечь изъ твоего изношеннаго тѣла пользы болѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Ты еще можешь нравиться женщинамъ. Истративъ много денегъ, не начнешь-ли ты теперь получать барыши? Благодарю тебя, мое доброе тѣло. Говорятъ, ты топорной работы; это не бѣда, если ты нравишься.

Входитъ **Бардольфъ.**

Бардольфъ. Внизу ожидаетъ какой-то м-ръ Брукъ; ему надо поговорить и познакомиться съ вами. Это онъ прислалъ утромъ бутыль вина вашей милости.

Фальстафъ. Его зовутъ Брукъ?

Бардольфъ. Да, сэръ.

Фальстафъ. Веди его сюда. (**Бардольфъ** *уходитъ.*) Кто такой этотъ Брукъ? А! м-съ Пэджъ и м-съ Фордъ, я держу теперь васъ въ своихъ рукахъ. Впередъ! Via!

Входятъ **Бардольфъ** *и переодѣтый* **Фордъ.**

Фордъ. Да благословитъ васъ Богъ, сэръ.

Фальстафъ. Желаю того же и вамъ, сэръ. Вы желали поговорить со мною?

Фордъ. Мнѣ право совѣстно, что я безпокою васъ съ такой безцеремонностью.

Фальстафъ. Будьте желаннымъ гостемъ. Что вамъ угодно? Можешь идти, подносчикъ.

Бардольфъ *уходитъ.*

Фордъ. Сэръ, я джентльменъ, истратившій много денегъ; меня зовутъ Брукъ.

Фальстафъ. Добрый м-ръ Брукъ, я отъ души желаю ближе познакомиться съ вами.

Фордъ. Любезный сэръ Джонъ, я тоже желаю сойдтись съ вами, но не для того, чтобъ быть вамъ въ тягость; о, нѣтъ, могу васъ увѣрить, что я, какъ кажется, все-таки въ состояніи скорѣе, чѣмъ вы, давать взаймы деньги. Вотъ эта-то увѣренность и дала мнѣ нѣкоторую смѣлость явиться къ вамъ прямо, безъ всякихъ церемоній. Говорятъ же, что если деньги идутъ впереди, всякая дорога открыта.

Фальстафъ. Деньги, сэръ, это храбрый солдатъ, всегда стремящійся впередъ.

Фордъ. Истинная правда; вотъ со мной мѣшокъ съ деньгами; онъ порядкомъ надоѣлъ мнѣ; облегчите мнѣ нѣсколько тягость моей ноши, возьмите половину ея, а то, если хотите, и всю.

Фальстафъ. Сэръ, не знаю, чѣмъ я заслужилъ право быть вашимъ носильщикомъ.

Фордъ. Сейчасъ объясню вамъ это, сэръ, если только вы захотите меня выслушать.

Фальстафъ. Говорите, любезный м-ръ Брукъ, я буду очень радъ услужить вамъ.

Фордъ. Сэръ, я слышалъ, что вы человѣкъ ученый. Постараюсь говорить какъ можно короче. Съ давнихъ поръ я знаю васъ, хотя мнѣ не представлялся желанный случай войти въ сношеніе съ вами. Я долженъ сдѣлать вамъ признаніе, которое откроетъ вамъ мои собственные недостатки. Но, любезный сэръ Джонъ, выслушивая меня, вы только однимъ глазомъ смотрите на мои проказы, другимъ же пробѣгайте списокъ вашихъ грѣховъ. Можетъ быть, вы будете менѣе строги ко мнѣ, когда вспомните, какъ трудно бываетъ иногда воздержаться отъ этихъ самыхъ прегрѣшеній.

Фальстафъ. Прекрасно, сэръ, продолжайте.

Фордъ. Въ нашемъ городѣ живетъ одна дама... фамилія ея мужа Фордъ.

Фальстафъ. Дальше,

Фордъ. Я давно люблю ее и, даю вамъ слово, сдѣлалъ для нея не мало. Я преслѣдовалъ ее съ страстной настойчивостью; я пользовался всякимъ поводомъ встрѣчаться съ нею и не могъ наглядѣться на нее. Я не только покупалъ для нея много подарковъ, но щедро платилъ и тѣмъ, которые могли указать мнѣ, чего именно она желаетъ. Короче, я преслѣдовалъ ее подобно тому, какъ любовь преслѣдовала меня, т. е. на крыльяхъ всевозможныхъ случаевъ. Но чего бы ни заслужилъ я какъ за мои чувства, такъ и за мои дѣйствія, я знаю только, что ни тѣмъ, ни другимъ не извлекъ никакой пользы; одно лишь пріобрѣлъ: драгоцѣнную опытность; но за это сокровище я заплатилъ слишкомъ дорого и узналъ, что

«Любовь, какъ тѣнь, бѣжитъ того, кто вслѣдъ за ней спѣшитъ,
Преслѣдуетъ бѣгущаго, гонителя бѣжитъ».

Фальстафъ. Получили вы отъ нея какое-нибудь ободряющее обѣщаніе?

Фордъ. Никакого.

Фальстафъ. Требовали вы его рѣшительно?

Фордъ. Никогда.

Фальстафъ. Какая же это любовь была у васъ?

Фордъ. Она подобна красивому дому, построенному на чужой землѣ. Такимъ образомъ, я потерялъ зданіе, потому что ошибся въ выборѣ мѣста для его постройки.

Фальстафъ. Что побудило васъ сдѣлать мнѣ это признаніе?

Фордъ. Объяснивъ вамъ поводъ, я объясню вамъ все. Привелось мнѣ слышать отъ нѣкоторыхъ людей, что хотя она неприступна для меня, но случается иногда доводить свою рѣзвость до того, что даетъ право выводить неблагопріятныя заключенія на ея счетъ. Теперь, сэръ Джонъ, мы и дошли до самой сути моего замысла. Вы джентльменъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова; вы прекрасно воспитаны; отличаетесь замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, вы принадлежите къ высшему обществу; вы имѣете большое вліяніе, благодаря своему положенію и личнымъ достоинствамъ; васъ всѣ признаютъ опытнымъ воиномъ, придворнымъ и ученымъ.

Фальстафъ. О, сэръ!

Фордъ. Вы можете мнѣ повѣрить, потому что сами знаете это лучше меня. Вотъ деньги; тратьте ихъ, тратьте; истратьте все, что я имѣю, но взамѣнъ этого обѣщайте мнѣ употребить столько вашего времени, сколько будетъ необходимо на любовную осаду добродѣтели м-съ Фордъ; не жалѣйте пускать въ ходъ ваше искуство покорять женскія сердца;

*) Пенсіонерами назывался отрядъ джентльменовъ, составлявшій конвой государей. Ихъ было числомъ 50 и каждый изъ нихъ получалъ жалованье 50 фунт. въ годъ и долженъ былъ имѣть 2-хъ лошадей. М-съ Куикли была ослѣплена ихъ красивымъ костюмомъ и сочла ихъ знатнѣйшими изъ самыхъ знатныхъ.

заставьте ее сдаться вамъ. Если надъ нею возможна такая побѣда, то вы одержите ее скорѣе, чѣмъ всякій другой.

Фальстафъ. Но будетъ-ли удобно для васъ, одержимаго такой пылкой страстью къ этой дамѣ, если я одержу надъ нею побѣду; вѣдь вы сами хотите обладать ею. Я нахожу, что вы прописываете себѣ странное лѣкарство.

Фордъ. О, поймите хорошенько мое намѣреніе! Она съ такой увѣренностью опирается на превосходство своей добродѣтели, что безумие моей души не смѣетъ подступиться къ ней. Свѣтъ ея такъ ослѣпителенъ, что глаза не могутъ вынести его. Но, положимъ, я явлюсь къ ней съ доказательствомъ, обличающимъ ее, мои желанія могутъ сослаться на бывшій примѣръ и въ немъ найдутъ ходатая и защитника. Тогда я могъ бы выбить ее изъ крѣпости непорочности, хорошей репутаціи, супружеской вѣрности и тысячи другихъ укрѣпленій, которые теперь съ такой страшной силой отражаютъ мое нападеніе. Что скажете вы на это, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. М-ръ Брукъ, прежде всего я безъ всякой церемоніи принимаю ваши деньги; затѣмъ, дайте мнѣ вашу руку; наконецъ, даю вамъ слово джентльмена, если вы хотите, жена Форда будетъ вашей.

Фордъ. О, любезнѣйшій сэръ!

Фальстафъ. Говорю вамъ, она будетъ ваша.

Фордъ. Не стѣсняйтесь тратить деньги, сэръ Джонъ; вы всегда будете получать ихъ столько, сколько вамъ понадобится.

Фальстафъ. И вы, м-ръ Брукъ, не стѣсняйтесь съ м-съ Фордъ; вы будете пользоваться ею столько, сколько вамъ потребуется. Я буду видѣться съ нею (могу сообщить вамъ объ этомъ); она сама назначила мнѣ свиданіе; передъ самымъ вашимъ приходомъ здѣсь была ея посланная, лучше сказать, сводня. Повторяю, я буду видѣться съ м-съ Фордъ между десятью и одиннадцатью часами, потому что въ это время отвратительный ревнивецъ, ея негодный мужъ не будетъ дома. Приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ, узнаете, что удалось мнѣ сдѣлать.

Фордъ. Я считаю большимъ благодѣяніемъ для себя знакомство съ вами. Знаете вы Форда, сэръ?

Фальстафъ. Къ чорту этого бѣднаго рогоносца! Я не знакомъ съ нимъ. Впрочемъ, съ какой стати я называю его бѣднымъ, говорятъ, у этого негоднаго ревниваго рогоносца груды золота; это-то золото и составляетъ всю прелесть его жены. Я желаю имѣть ее въ своихъ рукахъ, какъ ключъ къ сундуку этого рогатаго бездѣльника; здѣсь я надѣюсь собрать обильную жатву.

Фордъ. Не дурно бы вамъ узнать въ лицо этого Форда, чтобы вамъ можно было избѣгнуть встрѣчи съ нимъ.

Фальстафъ. Къ чорту этого негодяя, торгующаго соленымъ масломъ! Я поражу его однимъ своимъ взглядомъ; я приведу его въ трепетъ моей палкой; она будетъ носиться метеоромъ надъ рогами рогоносца. Знайте, м-ръ Брукъ, я укрощу этого невѣжду, а ты будешь обладать его женой! Приходи ко мнѣ пораньше сегодня вечеромъ. Фордъ болванъ и я постараюсь умножить его титулы; ты самъ, м-ръ Брукъ, вскорѣ признаешь его болваномъ и рогоносцемъ. Приходи ко мнѣ пораньше вечеромъ.

(*Уходитъ.*)

Фордъ. Каковъ проклятый, мерзкій эпикуреецъ! Сердце мое готово лопнуть отъ нетерпѣнія. Пусть-ка кто-нибудь скажетъ мнѣ теперь, что моя ревность неосновательна! Моя жена сговаривалась съ нимъ чрезъ свою посланную; часъ свиданія назначенъ; сдѣлка совершена. Можно-ли было подумать, что случится такая напасть? О, адская мука имѣть невѣрную жену! Мое ложе будетъ запятнано, мой сундукъ разграбленъ, моя репутація осквернена и я не только сдѣлаюсь жертвой этихъ ужасныхъ оскорбленій, но я долженъ буду выслушивать мерзкія ругательства отъ того же самаго человѣка, который нанесъ мнѣ всѣ эти оскорбленія. И какія ругательства! какія прозвища! Амаймонъ, Люциферъ, Барбасонъ—это еще не худшія, однакожь, это имена дьяволовъ, демоновъ. Но рогоносецъ дважды рогоносецъ! У самого дьявола нѣтъ подобнаго имени! Пэджъ оселъ, довѣрчивый оселъ; онъ вѣритъ своей женѣ, онъ не ревнивъ. Я скорѣе довѣрю мое масло фламандцу; мой сыръ Гугу, валійскому пастору; мою бутыль съ водкой ирландцу; моего коня вору для прогулки, чѣмъ мою жену ей же самой! Она составляетъ заговоръ, интригуетъ, а если женщина рѣшила въ своемъ сердцѣ что-нибудь сдѣлать, она разобьетъ свое сердце, но непремѣнно сдѣлаетъ. Благодарю Господа, что я ревнивъ! Въ одиннадцать часовъ! Я предупрежу ихъ, я захвачу въ расплохъ мою жену, отомщу Фальстафу и посмѣюсь надъ Пэджемъ. Къ дѣлу! Лучше придти тремя часами раньше, чѣмъ минутой позже! Тфу! тфу! тфу! Рогоносецъ! рогоносецъ! рогоносецъ!

(*Уходитъ.*)

СЦЕНА III.

Лѣсъ подлѣ Виндзора.

Входятъ: **Кайюсъ** *и* **Регби.**

Кайюсъ. Джекъ Регби!

Регби. Что прикажете, сэръ?

Кайюсъ. Который часъ, Джекъ?

Регби. Тотъ часъ прошелъ, въ который обѣщалъ придти сэръ Гугъ.

Кайюсъ. Чортъ возьми, не придя, онъ спасъ свою душу; полагаю, онъ горячо молился на своей библіи, что не пришелъ. Онъ былъ бы уже мертвъ, если бы пришелъ, за это я поручусь, дьяволъ его побери.

Регби. Хитрая онъ штука, сэръ; онъ зналъ, что ему не жить, если бы онъ пришелъ.

Кайюсъ. Я убилъ бы его, какъ какую-нибудь селедку. Берите вашу рапиру, Джекъ, я покажу вамъ, какъ буду убивать его.

Регби. Увы! сэръ, я не умѣю фехтовать.

Кайюсъ. Негодяй, говорю вамъ, берите свою рапиру.

Регби. Остановитесь! сюда идетъ цѣлая компанія.

Входятъ: **Хозяинъ** *гостинницы «Подвязка»,* **Шалло, Слендеръ** *и* **Пэджъ.**

Хозяинъ. Благослови тебя Богъ, буйный докторъ.

Шалло. Храни васъ Господь, м-ръ докторъ Кайюсъ.

Пэджъ. Здраствуйте, добрѣйшій м-ръ докторъ.

Слендеръ. Добраго утра, сэръ.

Кайюсъ. Одинъ, два, три, четыре. Чего вы всѣ пришли сюда?

Хозяинъ. Мы пришли посмотрѣть, какъ ты дерешься, мы хотѣли видѣть, какъ ты фехтуешь, какъ защищаешься, какъ нападаешь, какъ парадируешь и наносишь удары; мы хотѣли видѣть, какъ ты станешь въ позицію, какъ будешь выпадать, дѣлать вольты, реверсы. Умеръ мой ефіоплянинъ? Погибъ мой Франциско? Ну, буянъ! Говори же мой Эскулапъ! Мой Галенъ! Моя сердцевина изъ бузины! Умеръ онъ, моя буйная Моча? Погибъ?

Кайюсъ. Чортъ побери этого трусишку попа; онъ не осмѣлился показать своей физіономіи.

Хозяинъ. Ты кастильскій король Уриналъ! Гекторъ Греціи! Добрый малый!

Кайюсъ. Прошу васъ, засвидѣтельствуйте, что я ожидалъ его шесть или семь, два или три часа и что онъ не явился.

Шалло. Онъ только человѣкъ осторожный, м-ръ докторъ. Онъ врачъ души, какъ вы врачъ тѣла. Если вы подеретесь, то этимъ самымъ вы погладите противъ шерсти. Правду я говорю, м-ръ Пэджъ?

Пэджъ. М-ръ Шалло, хоть вы теперь и мировой судья, но, скажу по правдѣ, прежде вы всегда были готовы драться.

Шалло. Чортъ возьми, м-ръ Пэджъ, хотя я уже старъ и мировой судья, но какъ увижу мечъ, сейчасъ же чувствую зудъ въ моихъ пальцахъ. У всѣхъ у насъ, и судей, и докторовъ, и священниковъ, м-ръ Пэджъ, всегда остается что-нибудь отъ нашей молодости; мы сыновья женщинъ, м-ръ Пэджъ.

Пэджъ. Вы правы, м-ръ Шалло.

Шалло. И всегда такъ будетъ, м-ръ Пэджъ. М-ръ докторъ Кайюсъ, я пришелъ сюда затѣмъ, чтобы отвести васъ домой. Я мировой судья, давшій присягу; вы показали себя мудрымъ врачемъ; а сэръ Гугъ выказалъ себя мудрымъ и терпѣливымъ служителемъ церкви. Вамъ необходимо идти вмѣстѣ со мною.

Хозяинъ. Простите проницательный судья. Ну, г. Мокрый Навозъ.

Кайюсъ. Мокрый Навозъ! Что это значитъ?

Хозяинъ. Для насъ, англичанъ, мой буянъ, мокрый навозъ имѣетъ большую цѣну.

Кайюсъ. Чортъ возьми, во мнѣ столько же мокраго навоза, сколько и во всякомъ англичанинѣ. Этотъ пасторъ негодная собака. Чортъ возьми, я обрублю ему уши.

Хозяинъ. Накладетъ онъ тебѣ въ затылокъ, забіяка.

Кайюсъ. Накладетъ? Что это значитъ?

Хозяинъ. Онъ дастъ тебѣ удовлетвореніе.

Кайюсъ. Чортъ побери, пусть онъ мнѣ накладетъ въ затылокъ; только этого я и требую.

Хозяинъ. А я подтолкну его на это; иначе, пускай дьяволъ возьметъ его къ себѣ.

Кайюсъ. Благодарю васъ.

Хозяинъ. Къ тому же, мой забіяка... (*Тихо прочимъ:*) Но прежде вы, м-ръ судья, и вы м-ръ Пэджъ, и вы, cavalero Слендеръ, ступайте въ городъ черезъ Фрогморъ.

Пэджъ. Сэръ Гугъ, кажется, тамъ?

Хозяинъ. Тамъ. Вы увидите, какъ онъ себя чувствуетъ; я же проведу доктора полями. Не дурно придумано?

Шалло. Мы пойдемъ.

Пэджъ, Шалло и **Слендеръ.** Прощайте, м-ръ докторъ. (*Уходятъ.*)

Кайюсъ. Чортъ побери, я хочу убить пастора за то, что онъ хлопочетъ у Анны за обезьяну.

Хозяинъ. Пусть онъ умретъ! Вложи въ ножны свое нетерпѣніе, облей холодной водой свой гнѣвъ и пойдемъ полями до Фрогмора; я заведу тебя на ферму, гдѣ теперь празднуютъ; тамъ ты увидишь Анну Пэджъ и можешь поволочиться за нею. Нравится тебѣ это?

Кайюсъ. Чортъ возьми, благодарю васъ за это! Чортъ возьми, я люблю васъ! Я приведу въ ваше заведеніе кучу гостей, моихъ паціентовъ; это все графы, лорды, джентльмены.

Хозяинъ. А за это я буду твоимъ противникомъ у Анны Пэджъ. Хорошо сказано?

Кайюсъ. Хорошо, чортъ возьми, хорошо сказано.

Хозяинъ. Ну, идемъ.

Кайюсъ. Иди слѣдомъ за мною, Джекъ Регби!

(*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Поле близъ Фрогмора.

Входятъ: **сэръ Гугъ Эвансъ** *и* **Семпль.**

Эвансъ. Прошу васъ, добрый слуга м-ра Слендера, другъ Семпль по имени, скажите, съ которой стороны вы смотрѣли, не идетъ-ли м-ръ Кайюсъ, титулующій себя докторомъ медицины.

Семпль. И съ лондонской дороги, и со стороны парка, и со старой виндзорской дороги; я смотрѣлъ вездѣ, кромѣ городской дороги.

Эвансъ. Настоятельно прошу васъ посмотрѣть и съ этой стороны.

Семпль. Исполню, сэръ. (*Уходитъ.*)

Эвансъ. Боже, помилуй мою душу. Какой сильный гнѣвъ овладѣлъ мною, въ какомъ смятеніи находится духъ мой! Я буду радъ, если онъ обманетъ меня! Вотъ посѣтила меня и меланхолія! Разобью я на его негодной головѣ всѣ его сосуды съ мочей. Господи прости! (*Поетъ:*)

У тихихъ ручейковъ, въ честь коихъ птички малы
Со звучнымъ голоскомъ слагаютъ мадригалы,
Изъ розъ содѣлаемъ мы ложе и на немъ
Мы тысячи вѣнковъ пахучихъ заплетемъ! *)

Спаси меня Боже! У меня явилась страшная охота плакать. (*Поетъ:*)

Со звучнымъ голоскомъ слагаютъ мадригалы...
Когда я возсѣдалъ у вавилонскихъ водъ... **)
Мы тысячи вѣнковъ пахучихъ заплетемъ...
У тихихъ ручейковъ...

Семпль (*возвращаясь*). Сэръ Гугъ, онъ идетъ съ этой стороны.

Эвансъ. Радъ гостю. (*Поетъ:*)

У тихихъ ручейковъ, въ честь коихъ птички малы...

Да защититъ Господь правое дѣло! При какомъ онъ оружіи?

Семпль. Не видать никакого, сэръ. По той же фрогморской дорогѣ, только впереди, идутъ мой хозяинъ, м-ръ Шалло и еще какой-то джентльменъ.

Эвансъ. Дайте мнѣ мое платье, или лучше подержите его на своей рукѣ.

Входятъ: **Пэджъ, Шалло** *и* **Слендеръ.**

Шалло. Какъ ваше здоровье, м-ръ пасторъ. Добраго утра, добрѣйшій сэръ Гугъ! Изумительно, когда видишь игрока не за костями, а ученаго не за книгами!

Слендеръ. Ахъ, драгоцѣнная Анна Пэджъ!

Пэджъ. Благослови васъ Богъ, добрый сэръ Гугъ.

Эвансъ. Да будетъ надъ вами всѣми Божіе милосердіе.

Шалло. Какъ! Мечъ и слово! Вы обладаете и тѣмъ и другимъ, м-ръ пасторъ?

Пэджъ. И какимъ молодцомъ онъ выглядитъ въ камзолѣ и короткихъ штанахъ; а въ такой сырой день не трудно схватить ревматизмъ.

Эвансъ. На это у меня есть и причины и поводы.

Пэджъ. Мы пришли сюда съ цѣлію совершить доброе дѣло, м-ръ пасторъ.

Эвансъ. Очень хорошо. Въ чемъ же оно заключается?

Пэджъ. Одинъ очень почтенный джентльменъ, вѣроятно, считая себя сильно оскорбленнымъ другимъ джентльменомъ, топчетъ ногами и свою солидность и свое терпѣніе.

Шалло. Мнѣ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ, но я никогда не видѣлъ, чтобы человѣкъ его профессіи, обладающій ученостью и важностью, могъ до такой степени потерять уваженіе къ самому себѣ.

Эвансъ. Кто же это такой?

Пэджъ. Думаю, вы его знаете; это докторъ Кайюсъ, извѣстный французскій врачъ.

Эвансъ. Боже упаси! Лучше бы вы говорили мнѣ о горшкѣ съ похлебкой.

Пэджъ. Почему же?

Эвансъ. Онъ также свѣдущъ въ наукѣ Гиппократа и Галлена, какъ и горшокъ съ похлебкой; къ тому же онъ негодяй, трусливѣйшій изъ негодяевъ, какихъ только можно встрѣтить.

Пэджъ (*обращаясь къ Шалло*). Я готовъ поручиться, что это онъ долженъ былъ драться съ докторомъ.

Слендеръ (*вздыхая*). О драгоцѣнная Анна Пэджъ!

Входятъ: **Хозяинъ, Кайюсъ** *и* **Регби.**

Пэджъ. Вложите въ ножны вашъ мечъ, добрый м-ръ пасторъ.

Шалло. Также и вы, добрѣйшій докторъ.

Хозяинъ. Обезоружимъ ихъ и пусть они объяснятся между собою; лучше если они сохранятъ нетронутыми свои члены и будутъ рубить только англійскій языкъ.

Кайюсъ (*Эвансу*). Позвольте сказать вамъ словечко на ухо. (*Тихо.*) Почему не хотѣли вы встрѣтиться со мною?

Эвансъ (*тихо*). Прошу васъ имѣйте терпѣніе, все придетъ въ свое время.

Кайюсъ (*тихо*). Чортъ васъ побери, вы трусъ, собака Джека, обезьяна Джона!

Эвансъ (*тихо*). Прошу васъ, не дѣлайте насъ предметомъ всеобщаго посмѣянія; я желаю вашей дружбы и, такъ или иначе, но непремѣнно дамъ вамъ удовлетвореніе. (*Вслухъ.*) Я разобью ваши склянки съ мочей о вашу плѣшивую голову, чтобы проучить васъ за то, что вы не явились на свиданіе, вами же назначенное.

Кайюсъ. Diable! Джекъ Регби и хозяинъ Jarterre, скажите ему, развѣ я не ждалъ его, чтобы убить? Развѣ не ожидалъ я его на мѣстѣ, которое самъ назначилъ.

Эвансъ. Клянусь моей христіанской душой, мѣсто, назначенное вами, именно это самое. Я могу сослаться на хозяина гостинницы «Подвязка».

Хозяинъ. Замолчите, говорю вамъ, Галлія и Валлисъ, французъ и валліецъ, врачъ души и врачъ тѣла.

Кайюсъ. Это очень хорошо! Это прекрасно!

Хозяинъ. Замолчите, говорю вамъ! Слушайте хозяина «Подвязки». Политикъ я? Коваренъ? Макіавель? Удобно мнѣ потерять моего доктора? Нѣтъ; онъ даетъ мнѣ промывательныя и полоскательныя. Удобно мнѣ потерять моего пастора, моего священника, моего сэра Гуга? Нѣтъ, онъ меня поучаетъ и научаетъ. Дай мнѣ твою руку, ученый земной, вотъ такъ; дай мнѣ твою руку ученый небесный, вотъ такъ. Дѣти науки, я обманулъ васъ обоихъ; я указалъ вамъ различныя мѣста для свиданія. Ваши сердца могучи, но ваши кожи остались нетронутыми; пусть же теплое вино потушитъ это дѣло. Возьмемъ въ залогъ ихъ мечи. Слѣдуйте за мною, люди мира! Слѣдуйте! слѣдуйте!

Шалло. Честное слово, хозяинъ помѣшался. Слѣдуйте за нимъ, джентльмены, слѣдуйте!

Слендеръ (*вздыхая*). О, драгоцѣнная Анна Пэджъ!

Уходятъ: **Шалло, Слендеръ, Пэджъ** *и* **Хозяинъ.**

Кайюсъ. А! я теперь вижу, вы сдѣлали дураковъ изъ насъ обоихъ! А! А!

Эвансъ. Это хорошо! Онъ сдѣлалъ насъ своими игрушками. Прошу васъ, будемъ друзьями; соединимъ наши мозги, чтобы придумать мщеніе этому гнусному, паршивому, подлому хозяину «Подвязки».

Кайюсъ. Отъ всего сердца, чортъ меня побери! Онъ обѣщалъ, что я увижу Анну Пэджъ! Чортъ его побери, надулъ бездѣльникъ!

Эвансъ. Хорошо, я раздроблю ему черепъ. Прошу васъ, слѣдуйте за мною.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА II.

Улица въ Виндзорѣ.

Входятъ **Мистрисъ Пэджъ** *и* **Робенъ.**

М-съ Пэджъ. Идите впереди, маленькій любезникъ; вы привыкли слѣдовать, а теперь ведите. Что вамъ болѣе нравится, руководить-ли моими глазами или смотрѣть на пятки вашего хозяина?

Робенъ. Разумѣется, мнѣ болѣе нравится идти впереди васъ, какъ человѣкъ, чѣмъ слѣдовать за нимъ, какъ карликъ.

М-съ Пэджъ. О, вы маленькій льстецъ; видно, что изъ васъ выйдетъ придворный.

Входитъ **Фордъ.**

Фордъ. Очень радъ, что встрѣтилъ васъ м-съ Пэджъ. Куда вы идете?

М-съ Пэджъ. Повидать вашу жену. Дома она?

Фордъ. Дома и ничего не дѣлаетъ; ей не съ кѣмъ заняться дѣломъ. Я увѣренъ, что еслибъ ваши мужья умерли, вы обѣ непремѣнно бы вышли замужъ тотчасъ.

М-съ Пэджъ. Непремѣнно, за двухъ другихъ мужей.

Фордъ. Гдѣ вы пріобрѣли этого маленькаго пѣтушка?

М-съ Пэджъ. Не могу припомнить дьявольское имя господина, отъ котораго мой мужъ получилъ его. Какъ зовутъ вашего рыцаря, мой другъ?

Робенъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ.

Фордъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ!

М-съ Пэджъ. Онъ самый, онъ самый! Никакъ не могу запомнить его имя. Онъ въ дружбѣ съ моимъ добрякомъ мужемъ. Дѣйствительно ваша жена дома?

Фордъ. Дома.

М-съ Пэджъ. Съ вашего позволенія, сэръ. Я больна, когда долго ее не вижу.

Уходятъ **м-съ Пэджъ** *и* **Робенъ.**

Фордъ. Не потерялъ-ли разсудокъ Пэджъ? Куда дѣвался его здравый смыслъ? Гдѣ его глаза? Очевидно, все это заснуло у него, находится безъ употребленія. Этому мальчику такъ же легко снести письмо за двадцать миль, какъ пушкѣ попасть на двѣсти пятьдесятъ шаговъ. Пэджъ готовъ исполнять всѣ прихоти своей жены, самъ даетъ ей возможность творить всякія безумства и вотъ она пошла къ моей женѣ вмѣстѣ съ пажемъ Фальстафа. Каждый въ этомъ свистѣ вѣтра узналъ бы приближеніе бури. Вмѣстѣ съ пажемъ Фальстафа! Хорошій заговоръ! Ловко устроено! Наши жены приготовляютъ себя для ада. Прекрасно! Я поймаю его, задамъ своей женѣ, сорву съ лицемѣрки Пэджъ покрывало цѣломудрія, взятое ею на прокатъ, и тѣмъ докажу Пэджу, что онъ добровольный и самоувѣренный Актеонъ; и сосѣди одобрятъ эти мои насильственные поступки.

---

*) Этотъ куплетъ взятъ изъ пасторали, приписываемой Шекспиру, но Исаакъ Вальтонъ доказалъ, что эта пастораль была написана извѣстнымъ Марло.

**) Здѣсь Эвансъ вставляетъ по разсѣянности стихъ изъ 137 псалма въ пастораль, которую началъ пѣть.

(*Звонятъ часы.*) Часы даютъ мнѣ сигналъ; мое убѣжденіе твердитъ мнѣ, что надо сдѣлать разслѣдованіе. Я найду тамъ Фальстафа и меня не только не будутъ порицать, но я заслужу еще похвалу. Что Фальстафъ тамъ, это такъ же вѣрно, какъ то, что земля стоитъ на мѣстѣ. Иду!

Входятъ **Шалло, Пэджъ, Слендеръ, Хозяинъ, Эвансъ, Кайюсъ** *и* **Регби.**

Всѣ. Рады встрѣчѣ съ вами, м-ръ Фордъ.

Фордъ. Честное слово, славная компанія! У меня хорошій обѣдъ и я прошу всѣхъ васъ обѣдать ко мнѣ.

Шалло. Прошу васъ извинить меня, м-ръ Фордъ.

Слендеръ. И меня, сэръ. Мы обѣщали обѣдать съ мистрисъ Анной и ни за какія деньги я не позволилъ бы себѣ измѣнить этому обѣщанію.

Шалло. Мы желаемъ устроить бракъ Анны Пэджъ съ моимъ племянникомъ Слендеромъ и сегодня мы получимъ отвѣтъ.

Слендеръ. Надѣюсь, я не получу отъ васъ отказа, батюшка Пэджъ.

Пэджъ. Вы получите мое согласіе, м-ръ Слендеръ; я совершенно за васъ. Но моя жена на вашей сторонѣ, докторъ.

Кайюсъ. Да, чортъ возьми! И дѣвица любитъ меня, судя по словамъ моей ключницы Куикли.

Хозяинъ. А что скажете вы о молодомъ м-рѣ Фентонѣ? Онъ порхаетъ, танцуетъ, смотритъ юношей, пишетъ стихи, говоритъ по-праздничному, пахнетъ апрѣлемъ и маемъ. Онъ побѣдитъ, онъ побѣдитъ; судьба за него; онъ побѣдитъ.

Пэджъ. Ему не будетъ моего согласія, даю вамъ слово. У этого джентльмена нѣтъ никакого состоянія; онъ въ дружбѣ съ нашимъ безпутнымъ принцемъ и Пойнсомъ; онъ высоко летаетъ; онъ знаетъ слишкомъ много. Нѣтъ, онъ не завяжетъ ни одного узла своей судьбы пальцами моего состоянія. Если онъ желаетъ жениться на моей дочери, пусть беретъ ее безъ всякаго приданаго. Мое имущество можетъ быть отдано только съ моего согласія, а эта сторона никогда его не получитъ.

Фордъ. Настоятельно прошу кого-нибудь изъ васъ отобѣдать у меня; кромѣ хорошаго обѣда я предложу вамъ и забаву: я покажу вамъ чудовище. М-ръ докторъ, вы согласны; и вы, м-ръ Пэджъ, и вы, сэръ Гугъ.

Шалло. Въ такомъ случаѣ прощайте. Тѣмъ болѣе представляется простора для нашего ухаживанія въ домѣ м-ра Пэджа.

Шалло *и* **Слендеръ** *уходятъ.*

Кайюсъ. Ступайте домой, Джекъ Регби. Я скоро вернусь.

Регби *уходитъ.*

Хозяинъ. Прощайте, мои дорогіе; я отправлюсь къ моему честнѣйшему рыцарю Фальстафу и хвачу съ нимъ канарскаго. (*Уходитъ.*)

Фордъ (*въ сторону*). Полагаю, раньше я хвачу его такъ, что онъ запищитъ. (*Громко.*) Прошу со мной, джентльмены.

Всѣ. Мы въ вашемъ распоряженіи. Посмотримъ на ваше чудовище. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Форда.

М-съ Фордъ. Эй! Джонъ! Робертъ!

М-съ Пэджъ. Скорѣе! скорѣе! Гдѣ корзина съ грязнымъ бѣльемъ?

М-съ Фордъ. Готова.

Входятъ **слуги** *съ корзиной.*

М-съ Пэджъ. Поворачивайтесь! поворачивайтесь!

М-съ Фордъ. Поставьте ее сюда.

М-съ Пэджъ. Отдайте приказаніе слугамъ; намъ нельзя терять времени.

М-съ Фордъ. Не забывайте, что я вамъ говорила Джонъ и Робертъ. Будьте въ пивномъ складѣ и слушайте внимательно; какъ только я позову васъ, живо являйтесь сюда, безъ замедленія берите эту корзину на плечи; затѣмъ бѣгомъ несите ее на Детчетскій лугъ къ прачкамъ, и тамъ вывалите изъ нея все въ грязный ровъ у берега Темзы.

М-съ Пэджъ. Сдѣлайте все, какъ сказано.

М-съ Фордъ. Я имъ толковала и толковала; болѣе толковать не зачѣмъ. Ступайте и приходите, когда я васъ кликну.

(**Слуги** *уходятъ.*)

М-съ Пэджъ. А вотъ и маленькій Робенъ.

Входитъ **Робенъ.**

М-съ Фордъ. Какія новости, мой маленькій кобчикъ?

Робенъ. Мой хозяинъ, сэръ Фальстафъ, дожидаетъ у задняго крыльца и проситъ позволенія войдти къ вамъ.

М-съ Пэджъ. Остались-ли вы вѣрны намъ, мой маленькій плутъ?

Робенъ. Да, клянусь вамъ; мой хозяинъ не знаетъ, что вы здѣсь; онъ угрожалъ мнѣ вѣчной свободой, если я открою вамъ, что онъ приходилъ сюда; короче, клялся, что прогонитъ меня.

М-съ Пэджъ. Ты хорошій мальчикъ. Твоя скромность послужитъ тебѣ портнымъ и сошьетъ тебѣ новый камзолъ и новые штаны. Я спрячусь.

М-съ Фордъ. Ступайте. А ты скажи своему хозяину, что я одна. (**Робенъ** *уходитъ.*) М-съ Пэджъ, припомните вашу роль.

М-съ Пэджъ. Отвѣчаю, что не испорчу ее; если не сыграю ее хорошо, освищите меня. (*Уходитъ.*)

М-съ Фордъ. За дѣло; отдѣлаемъ, какъ слѣдуетъ, эту зловредную сырость, эту толстую водяную тыкву; мы научимъ его отличать горлицу отъ сои.

Входитъ **Фальстафъ.**

Фальстафъ. «Ужель ты мой, брильянтъ небесный?» *) О, я готовъ умереть въ эту минуту, потому что я довольно пожилъ Вотъ! предѣлъ моего честолюбія. О, блаженный часъ!

М-съ Фордъ. О, дорогой сэръ Джонъ!

Фальстафъ. М-съ Фордъ, я не умѣю льстить, я не мастеръ говорить, м-съ Фордъ. У меня теперь грѣшное пожеланіе: я хотѣлъ бы, чтобы твой мужъ умеръ. Я готовъ объявить самому знатнѣйшему лорду, что желалъ бы сдѣлать тебя своей леди.

М-съ Фордъ. Меня — вашей леди, сэръ Джонъ. Увы, изъ меня вышла бы очень жалкая леди!

Фальстафъ. Пусть самъ французскій дворъ покажетъ мнѣ подобную тебѣ. Твои глаза, я это вижу, посоперничаютъ съ алмазомъ. Къ твоимъ прелестнымъ дугообразнымъ бровямъ одинаково идетъ какъ прическа кораблемъ, **) такъ вообще всякая прическа по венеціянскому образцу.

М-съ Фордъ. Простой платокъ, сэръ Джонъ, вотъ что идетъ къ моимъ бровямъ; пожалуй, и онъ слишкомъ хорошъ.

Фальстафъ. Говоря это, ты совершаешь преступленіе. Ты могла бы быть вполнѣ придворной дамой; самая твердая поступь твоей ноги придавала бы удивительную грацію твоимъ движеніямъ въ полукруглыхъ фижмахъ. Я знаю, чѣмъ могла бы ты быть, имѣя своимъ другомъ природу, еслибъ судьба не стала твоимъ врагомъ. Полно, не скрыть тебѣ того, чего нельзя скрыть.

М-съ Фордъ. Увѣряю васъ, во мнѣ нѣтъ ничего этого.

Фальстафъ. Но что-же побудило меня полюбить тебя? Моя любовь должна убѣдить тебя, что въ тебѣ есть что-то необыкновенное. Я не умѣю льстить, я не стану говорить тебѣ, что ты такая-то и такая-то, подобно сюсюкающимъ франтамъ, похожимъ на женщинъ и пахнующимъ какъ аптекарская лавка въ періодъ сбора свѣжей травы. Я не стану говорить этого, но скажу, что люблю тебя, люблю тебя одну и ты этого вполнѣ заслуживаешь.

М-съ Фордъ. Вы обманываете меня, сэръ; боюсь, что вы любите м-съ Пэджъ.

Фальстафъ. Это также вѣрно, еслибъ ты сказала, что я люблю прохаживаться подлѣ долговой тюрьмы, которая мнѣ столько же противна, сколько дымъ отъ обжигаемой извести.

М-съ Фордъ. Богу извѣстно, какъ я люблю васъ; наступитъ время, когда вы будете имѣть доказательство этому.

Фальстафъ. Не измѣняй этой любви, я буду достоинъ ея.

М-съ Фордъ. Вы и теперь ея достойны, иначе я не могла бы полюбить васъ.

Робенъ (*за сценой*). М-съ Фордъ! м-съ Фордъ! пришла м-съ Пэджъ; она вся въ поту, запыхалась и выглядитъ совсѣмъ растерянной; она желаетъ тотчасъ же говорить съ вами.

Фальстафъ. Не хорошо, если она увидитъ меня здѣсь, я спрячусь за занавѣской.

М-съ Фордъ. И я прошу васъ, спрячьтесь; она извѣстная болтушка.

Фальстафъ *прячется. Входятъ* **М-съ Пэджъ** *и* **Робенъ.**

М-съ Фордъ. Что случилось?

М-съ Пэджъ. Ахъ, м-съ Фордъ, что вы сдѣлали? Вы обезчещены, уничтожены, погибли на вѣки.

М-съ Фордъ. Въ чемъ дѣло, милая м-съ Пэджъ?

М-съ Пэджъ. Ради Бога, м-съ Фордъ, возможно-ли, имѣя мужемъ честнаго человѣка, давать ему поводъ къ подозрѣнію.

М-съ Фордъ. Какой поводъ къ подозрѣнію?

М-съ Пэджъ. Стыдитесь спрашивать: какой поводъ! Какъ я ошибалась въ васъ.

М-съ Фордъ. Боже мой! Но въ чемъ же дѣло?

М-съ Пэджъ. Вашъ мужъ, женщина, идетъ сюда со всѣми виндзорскими чиновниками отыскивать одного джентльмена, который, по его словамъ, находится въ вашемъ домѣ, съ вашего согласія, съ цѣлію получить преступную выгоду отъ его отсутствія. Вы погибли!

М-съ Фордъ. Все это выдумка.

М-съ Пэджъ. Дай Богъ, чтобы это было такъ. Однакожь, несомнѣнно то, что вашъ мужъ чуть не съ половиной Виндзора идетъ сюда отыскивать этого джентльмена. Я поспѣшила предупредить васъ. Если вы чувствуете себя невиноватой, я очень рада; но если у васъ тутъ спрятанъ другъ, выпрово-

---

*) Первая строка второй пѣсни поэмы Сиднея «Астрофель и Стелла».

**) Въ проповѣди, произнесенной въ Вайтголѣ въ январѣ 1607 года, капеланъ короля Якова I слѣдующими словами порицалъ эксцентричность дамскаго туалета: «Мы видимъ на головѣ женщины корабль съ парусами, съ мачтами, съ палубой и люкомъ, украшенный знаменами и значками! Не прискорбно-ли видѣть женщину, созданную по подобію Божію, обезображенную безумными модами Франціи и Испаніи».

дите его, выпроводите скорѣе. Не теряйтесь; прибѣгните къ вашему остроумію и защитите свою репутацію или скажите прости вашей счастливой жизни.

М-съ Фордъ. Что дѣлать? Здѣсь спрятанъ джентльменъ, мой дорогой другъ, и я не столько боюсь стыда, сколько страшусь угрожающей ему опасности. Я не пожалѣла бы и тысячи фунтовъ, только бы вывести его отсюда.

М-съ Пэджъ. Безстыдница! Оставьте ваше «я не пожалѣла бы». Вашъ мужъ въ двухъ шагахъ отсюда, подумайте, какъ бы выпроводить этого господина; въ домѣ немыслимо его спрятать. О, какъ вы обманули меня! Стойте! вотъ корзина; если онъ средняго роста, то какъ-нибудь помѣстится въ ней; вы накроете его грязнымъ бѣльемъ, которое будто бы посылаете въ стирку. Теперь какъ разъ время стирки и пусть двое вашихъ лакеевъ снесутъ бѣлье на Детческій лугъ.

М-съ Фордъ. Онъ слишкомъ толстъ, пожалуй, не помѣстится. Что дѣлать?

Фальстафъ *выходитъ.*

Фальстафъ. Дайте, я посмотрю. Покажите, покажите. Я влѣзу, непремѣнно влѣзу. Послѣдуйте совѣту вашего друга. Я помѣщусь.

М-съ Пэджъ (*тихо, ему*). Какъ! Это сэръ Джонъ Фальстафъ! Какую же цѣну можно давать вашимъ письмамъ, рыцарь?

Фальстафъ (*тихо*). Я люблю тебя, люблю только одну тебя! Спаси меня! Надо лѣзть въ корзину. Впередъ никогда..

(*Влѣзаетъ въ корзину. Дамы совершенно укрываютъ его грязнымъ бѣльемъ*).

М-съ Пэджъ. Мальчуганъ, помогайте прикрыть вашего хозяина. Зовите вашихъ слугъ, м-съ Фордъ! Рыцарь, какой вы притворщикъ!

М-съ Фордъ. Эй, Джонъ, Робертъ, Джонъ!

Робенъ *уходитъ. Входятъ* **Слуги.**

М-съ Фордъ. Берите это бѣлье, да поскорѣе. Гдѣ шестъ? Какъ вы копаетесь! Отнесите бѣлье къ прачкамъ на Детческій лугъ. Скорѣе, поворачивайтесь!

Входятъ **Фордъ, Пэждъ, Кайюсъ** *и* **Эвансъ.**

Фордъ. Прошу васъ, господа. Если мои подозрѣнія неосновательны, смѣйтесь надо мною, пусть я буду предметомъ общаго посмѣянія, я это заслуживаю. Куда вы тащите корзину?

Слуги. Къ прачкамъ.

М-съ Фордъ. Къ чему это понадобилось вамъ знать, куда несутъ они эту корзину. Не доставало только, чтобы вы стали вмѣшиваться въ мытье бѣлья.

Фордъ. Мытье! мытье! О, если бы я могъ омыть мою честь! Ручаюсь вамъ, что на ней есть пятно, страшное пятно! Вы сейчасъ это увидите. (*Лакеи уходятъ съ корзиной.*) Сегодня, джентльмены, я видѣлъ сонъ; я разскажу вамъ его. Постойте, вотъ мои ключи; идите въ мои комнаты, ищите, переройте все сверху до низу; я вамъ ручаюсь, что мы вытравимъ лисицу. Но прежде я затворю выходную дверь. Теперь, приступимъ къ травлѣ.

Пэджъ. Любезный м-ръ Фордъ, успокойтесь, не то вы повредите самому себѣ.

Фордъ. Ваша правда, м-ръ Пэджъ. Но пойдемте, господа, то-то будетъ потѣха! Слѣдуйте за мною, господа. (*Уходитъ.*)

Эвансъ. Странная ревность и страхъ!

Кайюсъ. Чортъ возьми, это не по французски; во Франціи не ревнуютъ.

Пэджъ. Все-таки пойдемъ за нимъ; посмотримъ, къ чему приведутъ его поиски.

Пэджъ, Кайюсъ *и* **Эвансъ** *уходятъ.*

М-съ Пэджъ. Не правда-ли, наша штука вышла вдвойнѣ прелестной?

М-съ Фордъ. Не знаю, что для меня пріятнѣе: то-ли, что мужъ опростоволосился, или же то, что съ Фальстафомъ мы сыграли злую шутку.

М-съ Пэджъ. Воображаю, какая дрожь пробрала его, когда вашъ мужъ спросилъ, что такое въ корзинѣ.

М-съ Фордъ. Думаю, что ему не мѣшаетъ помыться; приказавъ бросить его въ воду, мы тѣмъ оказываемъ ему услугу.

М-съ Пэджъ. Очумѣй онъ проклятый негодяй! Того же желаю и всѣмъ подобнымъ ему мерзавцамъ.

М-съ Фордъ. Вѣроятно, мой мужъ какъ-нибудь узналъ, что Фальстафъ будетъ непремѣнно здѣсь; я никогда не видала его такимъ грубымъ въ ревности.

М-съ Пэджъ. Постараюсь разузнать объ этомъ. Съ Фальстафомъ намъ придется сыграть еще нѣсколько штукъ; сегодняшняго лѣкарства недостаточно для излеченія его распутной болѣзни.

М-съ Фордъ. Я думаю, не дурно будетъ послать къ нему эту дуру-бабу Куикли съ извиненіемъ отъ нашего имени за невольное купанье; а также подать ему надежду и онъ, конечно, снова попадетъ въ просакъ.

М-съ Пэджъ. Да, пошлемъ ее; пусть она скажетъ, что мы ждемъ его завтра въ восемь часовъ и онъ получитъ вознагражденіе за сегодняшнее.

Входятъ **Фордъ, Пэджъ, Кайюсъ** *и* **сэръ Гугъ Эвансъ.**

Фордъ. Не могу найдти его; негодяй, можетъ быть, хвастался тѣмъ, чего получить не могъ.

М-съ Пэджъ (*тихо м-съ Фордъ*). Слышите.

М-съ Фордъ. Честно поступаете вы со мною, м-ръ Фордъ?

Фордъ. Полагаю.

М-съ Фордъ. Да поможетъ вамъ небо сдѣлаться лучше, чѣмъ ваши мысли.

Фордъ. Аминь.

М-съ Пэджъ. Вы вредите самому себѣ, м-ръ Фордъ.

Фордъ. Да, да, но я же и буду страдать за это.

Эвансъ. Если спрятанъ кто-нибудь въ этомъ домѣ, въ комнатахъ, въ сундукахъ, въ шкапахъ, пусть небо проститъ мнѣ мои прегрѣшенія въ день послѣдняго суда!

Кайюсъ. Чортъ побери, и я согласенъ съ вами. Здѣсь нѣтъ никого.

Пэджъ. Фи, фи, м-ръ Фордъ! Стыдитесь! Какой злой духъ, какой демонъ нашепталъ вамъ такой вздоръ? За всѣ богатства виндзорскаго замка я не хотѣлъ бы имѣть болѣзнь, подобную вашей.

Фордъ. Это мое несчастье, м-ръ Пэджъ; я сильно страдаю.

Эвансъ. Вы несете страданіе за нечистоту вашей совѣсти. Ваша жена — честная женщина; такой не отыщешь между пятью тысячами и еще пятьюстами женщинъ.

Кайюсъ. Чортъ возьми, слишкомъ очевидно, что она честная женщина.

Фордъ. Хорошо. Я обѣщалъ угостить васъ обѣдомъ. Пойдемте прежде прогуляться въ паркѣ. Прошу извинить меня, послѣ я объясню, почему я дѣйствовалъ такимъ образомъ. Пойдемъ, жена. Идите, м-съ Пэджъ. Извините меня, убѣдительно прошу, извините меня.

Пэджъ. Пойдемте, господа, но вѣрьте мнѣ, намъ слѣдуетъ хорошенько посмѣяться надъ нимъ. Приглашаю васъ завтра утромъ къ себѣ на завтракъ; а послѣ завтрака мы всѣ отправимся на птичью охоту: у меня отличный соколъ для лѣсной охоты. Согласны?

Фордъ. Будь по вашему.

Эвансъ. Есть одинъ соколъ, я составлю къ нему пару.

Кайюсъ. Есть одинъ и другой, я прибавлю третьяго.

Фордъ. Идемъ, м-ръ Пэджъ.

Эвансъ (*Кайюсу*). Прошу васъ, припомните завтра объ этомъ вшивомъ плутѣ, хозяинѣ гостинницы «Подвязка».

Кайюсъ. Я-то не забуду, чортъ бы его побралъ.

Эвансъ. Вшивый плутъ! Онъ осмѣлился позволить себѣ насмѣшки и издѣвательства надъ нами.

Уходятъ.

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Пэджа.

Входятъ **Фентонъ** *и* **Анна Пэджъ.**

Фентонъ.

Нѣтъ, ужь любви у твоего отца
Я не добьюсь, какъ видно; перестань же
Меня къ нему все отсылать, мой другъ.

Анна.

Что-жь дѣлать вамъ?

Фентонъ.

Ты собственную волю
Должна имѣть. Онъ говоритъ, что я
По своему рожденью слишкомъ знатенъ,
Что, будто бы, разстроивъ мотовствомъ
Отцовское наслѣдство, я желаю
Поправиться на ваши деньги. Онъ
Сверхъ этого находитъ и другія
Препятствія: прошедшія мои
Дурачества, безпутныя знакомства,
И говоритъ, что я тебя люблю
Не иначе, какъ славное наслѣдство.

Анна.

Онъ, можетъ быть, и правду говоритъ.

Фентонъ.

О, нѣтъ, клянусь всѣмъ счастьемъ, что отъ неба
Я жду себѣ. Не скрою отъ тебя,
Что твоего отца богатство было
Мнѣ первымъ побужденьемъ къ сватовству;
Но сблизившись съ тобой, я убѣдился,
Что ты цѣннѣй всѣхъ золотыхъ монетъ,
Всѣхъ сундуковъ съ червонцами—и только
Къ сокровищамъ, таящимся въ тебѣ,
Стремлюсь теперь!

Анна.

Но все таки старайтесь,
Чтобъ мой отецъ васъ полюбилъ, Фентонъ,—
Старайтесь постоянно. Если-жь просьбы
Покорныя, настойчивыя къ цѣли
Не приведутъ—тогда... Сюда идутъ!
(*Отходятъ въ сторону.*)

Входятъ **Шалло, Слендеръ** *и* **м-съ Куикли.**

Шалло. Прервите ихъ бесѣду, м-съ Куикли; мой родственникъ будетъ говорить самъ за себя.

Слендеръ. Выпущу одну или двѣ стрѣлы только для опыта.

Шалло. Не пугайся.

Слендеръ. Я и не пугаюсь ея; не это меня безпокоитъ, но я боюсь.

М-съ Куикли (*Аннѣ*). Слушайте. М-ръ Слендеръ хочетъ поговорить съ вами.

Анна.

Иду. (*Въ сторону.*)
Вотъ кто отцемъ мнѣ выбранъ!
О, сколько гадкихъ, безобразныхъ свойствъ
Прикрашены доходомъ въ триста фунтовъ!

М-съ Куикли. Какъ ваше здоровье, мой добрый м-ръ Фентонъ? Прошу васъ на одно слово.

Шалло. Она подошла. Впередъ, племянникъ! Другъ мой, у тебя былъ отецъ!

Слендеръ. У меня былъ отецъ, мистрисъ Анна. Мой дядя можетъ разсказать вамъ о

многихъ его штукахъ. Прошу васъ, дядя, разскажите мистрисъ Аннѣ, какъ однажды мой отецъ стянулъ двухъ гусей изъ курятника.

Шалло. Мистрисъ Анна, мой племянникъ любитъ васъ.

Слендеръ. Да, да, люблю; столько же люблю, сколько и всякую другую женщину въ Глостерширѣ.

Шалло. Онъ будетъ содержать васъ, какъ даму.

Слендеръ. Да, да, я буду жить, какъ живетъ всякій длинно или короткохвостый, званіемъ ниже эсквайра.

Шалло. Онъ обезпечитъ вамъ долю въ стопятьдесятъ фунтовъ.

Анна. Любезный м-ръ Шалло, пусть м-ръ Слендеръ объяснится самъ.

Шалло. Благодарю васъ; истинно благодарю за такое ободреніе. Она призываетъ васъ, племянникъ; я васъ оставлю.

Анна. Что же, м-ръ Слендеръ?

Слендеръ. Что же, моя добрая, мистрисъ Анна?

Анна. Какова ваша воля?

Слендеръ. Моя воля! Хвала Господу! Вотъ, по истинѣ, веселая шутка! Благодаря Господу, мнѣ не зачѣмъ еще думать о моей волѣ; мое здоровье какъ нельзя лучше.

Анна. Я хотѣла спросить васъ, м-ръ Слендеръ, чего вы отъ меня хотите?

Слендеръ. Собственно я съ своей стороны не желаю ничего или почти ничего. Вашъ отецъ и мой дядя заботятся обо мнѣ; если мое дѣло выгоритъ—хорошо; не выгоритъ—ну, я пожелаю удачи тому, кто будетъ предпочтенъ. Они лучше, чѣмъ я, могутъ объяснить вамъ, на чемъ остановилось дѣло. Спросите у вашего отца; вотъ онъ идетъ.

Входятъ **Пэджъ** *и* **м-съ Пэджъ.**

Пэджъ.

А, Слендеръ здѣсь!—Люби его, дочь Анна!
А это что? Фентонъ зачѣмъ у насъ?
Мнѣ частые визиты ваши, сэръ,
Ужасно непріятны. Я вѣдь вамъ
Уже сказалъ, что отдалъ дочь другому.

Фентонъ.

Прошу васъ не сердиться, м-ръ Пэджъ.

М-съ Пэджъ.

Да, сэръ Фентонъ, пожалуйста, оставьте
Мое дитя.

Пэджъ.

Она не пара вамъ.

Фентонъ.

Позвольте мнѣ два слова вамъ сказать.

Пэджъ.

Нѣтъ, сэръ Фентонъ. Пойдемте, м-ръ Шалло.
(*Слендеру.*) Пойдемъ, мой сынъ. — Рѣшеніе мое
Извѣстно вамъ и потому обиды
Мнѣ ваши предложенья, сэръ Фентонъ.

Пэджъ, Шалло *и* **Слендеръ** *уходятъ.*

М-съ Куикли. Потолкуемте съ м-съ Пэджъ.

Фентонъ.

О, м съ Пэджъ, я вашу дочь такъ чисто
И искренно люблю, что не смотря
На всѣ эти препятствія, отказы,
Не удалюсь и флагъ моей любви
Не опущу. Молю васъ снова—дайте
Согласье мнѣ.

Анна.

О, матушка моя,
Не отдавайте этому болвану
Моей руки.

М-съ Пэджъ.

Да я и не хочу;
Нашла тебѣ я партію получше.

М-съ Куикли. Моего хозяина, м-ра доктора.

Анна.

О, Господи! Ужь лучше пусть меня
Живой зароютъ въ землю, или рѣпой
Забьютъ на смерть.

М-съ Пэджъ.

Ну, полно, не тревожься.
Любезный сэръ Фентонъ, не буду я
Ни другомъ вамъ, ни недругомъ; я дочь
Порасспрошу, дѣйствительно-ли ею
Любимы вы, и съ чувствами ея
Свое расположенье согласую.
Покамѣстъ же прощайте—надо ей
Идти туда; отецъ сердиться станетъ.

Фентонъ.

Прощайте, Нанъ; прощайте, м-съ Пэджъ.

Анна *и* **м-съ Пэджъ** *уходятъ.*

М-съ Куикли. Это все я, я устроила. «Неужели, сказала я, вы рѣшитесь, м-съ Пэджъ бросить вашу дочь этому дураку или этому доктору. Возьмите лучше м-ра Фентона». Да, эта моя работа.

Фентонъ.

Благодарю—и передать прошу
Сегодня вотъ этотъ перстень
Прекрасной Нанъ. Вотъ и тебѣ за трудъ.
(*Уходитъ.*)

М-съ Куикли. Дай тебѣ Господи всяческаго успѣха! У него доброе сердце; за такое доброе сердце женщина готова будетъ пойдти въ огонь и въ воду. Но, что дѣлать, я должна желать, чтобы мистрисъ Анна досталась моему хозяину; или нѣтъ, кажется, я хочу, чтобы она досталась м-ру Слендеру; совсѣмъ не то, мое желаніе, чтобы ее взялъ м-ръ Фентонъ. Я сдѣлаю все, что могу, для всѣхъ троихъ; потому что я всѣмъ имъ обѣщала и сдержу свое слово. Но больше всего я буду хлопотать за м-ра Фентона. Хороша я, нечего сказать! Я и забыла, что имѣю порученіе отъ двухъ мистрисъ къ сэру Джону Фальстафу и прохлаждаюсь здѣсь; этакая я дура! (*уходитъ.*)

СЦЕНА V.

Комната въ гостинницѣ «Подвязка».

Входятъ **Фальстафъ** *и* **Бардольфъ.**

Фальстафъ. Бардольфъ, иди сюда!

Бардольфъ. Къ вашимъ услугамъ, сэръ.

Фальстафъ. Принеси мнѣ кварту вина, да захвати и поджареннаго хлѣба. (*Бардольфъ уходитъ.*) Столько времени я прожилъ и для чего? Чтобы меня, точно негодные обрѣзки мяса на бойнѣ, навалили въ корзину и бросили въ Темзу. Ну, если я позволю еще разъ сыграть съ собою подобную штуку, пусть у меня вырѣжутъ мозгъ, изжарятъ его въ маслѣ и отдадутъ собакѣ вмѣсто подарка на новый годъ. Каковы подлецы! Безъ всякаго зазрѣнія совѣсти они бросили меня въ воду, точно имъ приходилось топить пятнадцать слѣпыхъ щенятъ. А по моему тѣлосложенію вы можете судить, въ какой степени я обладаю способностью идти ко дну; будь оно глубиною до самаго ада я и тогда достигъ бы его. Я бы и теперь потонулъ, еслибъ рѣка въ этомъ мѣстѣ была болѣе глубока и не имѣла каменистаго дна. Такая смерть мнѣ противна; вода раздуваетъ человѣка. Какова фигура получилась бы изъ меня, если бы меня еще раздуло! Изъ меня образовалась бы цѣлая гора!

Входитъ **Бардольфъ** *съ виномъ.*

Бардольфъ. Сэръ, пришла м-съ Куикли и желаетъ видѣть васъ.

Фальстафъ. Прежде всего добавимъ немного вина въ воду изъ Темзы. Мой желудокъ замерзъ, точно я глоталъ пилюли изъ снѣга для охлажденія своихъ внутренностей. Зови ее.

Бардольфъ. Ступайте сюда, женщина.

Входитъ **М-съ Куикли.**

М-съ Куикли. Съ вашего позволенія... Прошу извинить... Позвольте пожелать добраго утра вашей милости.

Фальстафъ. Унеси эти сосуды и вскипяти мнѣ какъ можно лучше кувшинъ вина.

Бардольфъ. Съ яйцами, сэръ?

Фальстафъ. Безъ всякой примѣси. Я не желаю имѣть въ моемъ напиткѣ зарождающагося цыпленка. А ты что скажешь?

Бардольфъ *уходитъ.*

М-съ Куикли. Меня прислала къ вашей милости м-съ Фордъ.

Фальстафъ. М-съ Фордъ! Будетъ съ меня волны *); меня бросили на произволъ волнъ; въ моемъ брюхѣ ходятъ волны.

М-съ Куикли. Увы мнѣ! Она, голубка, не виновата. Послушали бы вы, какъ она бранила лакеевъ за то, что они взяли не то «управленіе».

Фальстафъ. Какъ и я, повѣривъ обѣщаніямъ безумной женщины.

М-съ Куикли. Ахъ, сэръ, у васъ разорвалось бы сердце, еслибы вы увидѣли ея горесть! Ея мужъ сегодня утромъ отправляется на птичью охоту и она проситъ васъ еще разъ придти, между восемью и девятью часами. Мнѣ поручено какъ можно скорѣе принести отвѣтъ. Вѣрьте, она вознаградитъ васъ.

Фальстафъ. Хорошо, я приду къ ней. Скажи ей это и посовѣтуй обсудить, что такое человѣкъ, какъ хрупка человѣческая натура, а эти мысли побудятъ ее воздать должную цѣну моему достоинству.

М-съ Куикли. Все это я передамъ ей.

Фальстафъ. Непремѣнно передай. Между восемью и девятью?

М-съ Куикли. Между восемью и девятью.

Фальстафъ. Хорошо. Ступай. Я не опоздаю.

М-съ Куикли. Да будетъ миръ съ вами, сэръ. (*Уходитъ.*)

Фальстафъ. Удивляюсь, что это не видать м-ра Брука; онъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я ожидалъ его. Мнѣ нравятся его деньги. А вотъ и онъ.

Входитъ **Фордъ.**

Фордъ. Благослови васъ Богъ, сэръ!

Фальстафъ. Ну, м-ръ Брукъ, вы пришли узнать, что произошло между мною и женою Форда?

Фордъ. Ваша правда, сэръ Джонъ, я пришелъ за этимъ.

Фальстафъ. М-ръ Брукъ, не хочу лгать вамъ; я былъ у нея въ назначенный часъ.

Фордъ. И вы добились, чего желали?

Фальстафъ. Дѣло вышло дрянь, м-ръ Брукъ.

Фордъ. Какъ же это, сэръ? Измѣнила она свое намѣреніе?

Фальстафъ. Нѣтъ, м-ръ Брукъ. Но проклятый рогоносецъ, ея мужъ, вѣчно обуреваемый ревностью, возвратился какъ разъ во время нашего свиданія, когда мы едва еще успѣли обняться, поцѣловаться и размѣняться клятвами въ любви,—въ то время, когда мы только-что окончили прологъ къ нашей комедіи. Съ нимъ вмѣстѣ пришла шайка его друзей, которымъ онъ сообщилъ свою свирѣпость; всѣ они пришли за тѣмъ, чтобы обыскать весь домъ и найдти любовника его жены.

Фордъ. Какъ! въ то самое время когда вы были тамъ?

Фальстафъ. Да, именно въ то время когда я былъ тамъ.

Фордъ. И онъ искалъ васъ и не могъ найдти?

Фальстафъ. Сейчасъ узнаете. Къ счастію,

*) Здѣсь игра словъ: ford означаетъ «волна».

РИСУНОКЪ Г. МАКАРТА.

РИСУНОКЪ Г. МАКАРТА.

ФАЛЬСТАФЪ ВЪ КОРЗИНѢ СЪ БѢЛЬЕМЪ.

Рѣзалъ на деревѣ Еттлингъ.

туда пришла м-съ Пэджъ и дала намъ знать, что идетъ Фордъ; по ея предложенію, жена Форда, совсѣмъ потерявшая голову, сунула меня въ корзину съ бѣльемъ.

Фордъ. Въ корзину съ бѣльемъ!

Фальстафъ. Да, въ корзину съ бѣльемъ! Меня прикрыли грязными рубашками и юбками, заношенными чулками и перепачканными салфетками. Все это, м-ръ Брукъ, производило смѣсь отвратительнѣйшаго запаха, когда-либо оскорблявшаго человѣческія ноздри.

Фордъ. Сколько времени вы оставались такъ.

Фальстафъ. Разскажу все по порядку и вы увидите, сколько я вытерпѣлъ, желая склонить эту женщину къ грѣху для вашего блага. Когда меня упаковали въ корзину, м-съ Фордъ призвала двухъ лакеевъ своего мужа и приказала этимъ негодяемъ отнести меня, какъ грязное бѣлье, на Детчетскій лугъ. Они подняли меня на свои плечи и понесли, но въ дверяхъ встрѣтились съ мерзкимъ ревнивцемъ, ихъ хозяиномъ; онъ спросилъ ихъ разъ или два, что несутъ они въ корзинѣ? Я дрожалъ отъ страха, что этотъ низкій лунатикъ вздумаетъ осмотрѣть корзину; но судьба, повелѣвающая ему быть на вѣчныя времена рогоносцемъ, удержала его руку. Хорошо. Онъ пошелъ на свои поиски, а меня вынесли въ видѣ грязнаго бѣлья. Но слушайте, м-ръ Брукъ, что было дальше. Я выносилъ агонію трехъ различныхъ смертей: прежде всего нестерпимый страхъ, что меня откроетъ этотъ ревнивый вонючій баранъ, потомъ мученіе лежать въ скрюченномъ положеніи, на манеръ бильбаоскаго клинка, въ пространствѣ, пригодномъ для какого-нибудь гарнца, такъ что голова моя сходилась съ пятками; наконецъ, мучительная укупорка меня, точно крѣпкаго спирта, въ вонючемъ бѣльѣ, которое разлагалось въ своемъ салѣ! Подумайте, какія муки долженъ былъ выносить человѣкъ моего тѣлосложенія. Представьте вы себѣ это! Все это приходилось терпѣть мнѣ, на котораго жаръ дѣйствуетъ, какъ на масло! Во мнѣ происходитъ непрерывное растапливанье, вѣчное таянье! Надо приписать чуду, что я не задохся. И въ то самое время, когда жаръ этой бани дошелъ до крайняго предѣла; когда я, подобно голландскому жаркому, на половину изжарился въ собственномъ жирѣ, меня бросили въ Темзу и мое разгоряченное тѣло охладили въ водѣ, точно лошадиную подкову. Каково! Разгоряченнаго вспотѣвшаго?.. Представьте себѣ это, м-ръ Брукъ.

Фордъ. Отъ чистаго сердца скажу вамъ, сэръ, мнѣ непріятно, что вы претерпѣли столько изъ-за меня. Слѣдовательно, мнѣ нечего болѣе надѣяться. Разумѣется, вы не захотите болѣе дѣлать попытки у нея?

Фальстафъ. Я позволю бросить себя въ Этну, подобно тому, какъ я былъ брошенъ въ Темзу, если откажусь отъ нея. Ея мужъ отправился сегодня утромъ на птичью охоту; она приглашаетъ меня на новое свиданіе между восемью и девятью часами, м-ръ Брукъ.

Фордъ. Теперь уже восемь часовъ, сэръ.

Фальстафъ. Вотъ какъ! Значитъ, мнѣ пора идти на свиданіе. Приходите ко мнѣ, когда найдете это удобнымъ и вы услышите о моемъ успѣхѣ; вѣрьте, дѣло окончится тѣмъ, что она будетъ вашей. Adieu! Она будетъ ваша, м-ръ Брукъ; м-ръ Брукъ, вы наставите рога Форду.

(*Уходитъ.*)

Фордъ. Гм! Гм! Что это? Видѣніе? Сонъ? Сплю я? М-ръ Фордъ, проснитесь! проснитесь, м-ръ Фордъ! Въ вашемъ лучшемъ платьѣ образовалась прорѣха, м-ръ Фордъ. Вотъ что значитъ быть женатымъ! Вотъ что значитъ имѣть бѣлье и корзины для грязнаго бѣлья! Хорошо, узнаете теперь вы всё, каковъ я! Этотъ негодяй не уйдетъ отъ меня; онъ въ моемъ домѣ, я захвачу его, спастись ему невозможно; не можетъ же онъ спрятаться въ кошелекъ для мелкихъ денегъ или въ перечницу. Теперь я обыщу вездѣ, даже въ самыхъ невозможныхъ мѣстахъ и его покровитель дьяволъ не поможетъ ему увернуться. Если я не могу избѣгнуть моей участи, то, по крайней мѣрѣ, эта ненавистная мнѣ участь не сломитъ меня. Если я долженъ носить рога, доводящіе меня до бѣшенства, то и я буду бѣшенъ, какъ рогатый звѣрь, и этимъ оправдаю народную поговорку.

(*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица.

Входятъ **м-съ Пэджъ, м-съ Куикли** *и* **Вильямъ Пэджъ.**

М-съ Пэджъ. Какъ по твоему, теперь онъ уже у м-съ Фордъ?

М-съ Куикли. Тамъ или сейчасъ придетъ. Но онъ въ страшномъ гнѣвѣ за то, что его бросили въ воду. М-съ Фордъ проситъ васъ пожаловать къ ней немедленно.

М-съ Пэджъ. Я не опоздаю, но прежде я должна проводить своего мальчика въ школу. А, вотъ идетъ его учитель, значитъ, сегодня дѣтямъ праздникъ.

Входитъ **сэръ Гугъ Эвансъ.**

Сегодня вѣрно не учатся въ школѣ, сэръ Гугъ?

Эвансъ. Нѣтъ, м-ръ Слендеръ уговорилъ меня позволить мальчуганамъ играть сегодня.

М-съ Куикли. Благослови его Богъ!

М-съ Пэджъ. Мой мужъ, сэръ Гугъ, находитъ, что нашъ мальчикъ плохо успѣваетъ въ школѣ. Прошу васъ, задайте ему нѣсколько вопросовъ изъ латинской книги.

Эвансъ. Подойдите ко мнѣ, Вильямъ, и смотрите мнѣ въ глаза.

М-съ Пэджъ. Подойди мальчикъ, подыми голову и отвѣчай твоему учителю; не бойся.

Эвансъ. Вильямъ, сколько чиселъ?

Вильямъ. Два.

М-съ Куикли. Вотъ тебѣ разъ, а я всегда думала, что ихъ гораздо больше; говорятъ же: двадцатое число, двадцать пятое.

Эвансъ. Перестаньте болтать. Какъ по латыни «прекрасный», Вильямъ?

Вильямъ. Pulcher.

М-съ Куикли. Куры! *) да неужто же куры самыя прекрасныя изъ всего, что есть на свѣтѣ?

Эвансъ. Вы не разсудительная женщина! Прошу васъ, молчите. Какъ перевести lapis, Вильямъ?

Вильямъ. Камень.

Эвансъ. А что такое камень, Вильямъ?

Вильямъ. Голышъ.

Эвансъ. Нѣтъ, это lapis. Пожалуйста, зазубрите это въ своемъ мозгу.

Вильямъ. Lapis.

Эвансъ. Хорошо, Вильямъ. Скажите, откуда исходятъ члены?

Вильямъ. Члены исходятъ отъ мѣстоименій; они склоняются такъ: singulariter, nominativo, hic, haec, hoc.

Эвансъ. Nominativo, hic, hag, hog. Будьте внимательны! Genitivo, hujus. Хорошо, а какъ винительный падежъ?

Вильямъ. Accusativo, hinc.

Эвансъ. Прошу васъ, дитя, запомните, что accusativo, hing, hang, hog.

М-съ Куикли. Вотъ-то тарабарщина; такъ, пожалуй, и языкъ переломаешь.

Эвансъ. Женщина, не болтайте. Какъ звательный падежъ, Вильямъ?

Вильямъ. О, vocativo. О!

Эвансъ. Припомните хорошенько, Вильямъ, звательный — caret.

М-съ Куикли. И очень хорошій корень.

Эвансъ. Женщина, молчите!

М-съ Пэджъ. Молчите!

Эвансъ. Какъ родительный падежъ множественнаго числа, Вильямъ.

Вильямъ. Родительный падежъ?

Эвансъ. Да

Вильямъ. Genitivo horum, harum, horum.

М-съ Куикли. Женни! Стыдъ какой! Не говори о ней, мальчикъ. Она извѣстная потаскуха.

Эвансъ. Женщина, и вамъ не стыдно говорить такъ.

М-съ Куикли. Стыдно не мнѣ, а вамъ учить ребенка такимъ вещамъ. Не годится ему знать о такихъ дѣвкахъ. Стыдъ вамъ!

Эвансъ. Женщина, ты бредишь! Ты не имѣешь никакого понятія о падежахъ, числахъ и родахъ. Ты глупѣйшее созданіе изъ всѣхъ христіанокъ, какихъ только мнѣ приходилось встрѣчать.

М-съ Пэджъ. Прошу тебя, помолчи.

Эвансъ. Теперь, Вильямъ, обратимся къ склоненіямъ мѣстоименій.

Вильямъ. Честное слово, я забылъ.

Эвансъ. Qui, quae, quod, а если забудете quies, quaes и quods будете наказаны. Теперь ступайте играть.

М-съ Пэджъ. Онъ больше знаетъ, чѣмъ я думала.

Эвансъ. У него хорошая память. До свиданія, м-съ Пэджъ.

М-съ Пэджъ. До свиданія, добрый сэръ Гугъ. (*Эвансъ уходитъ.*) Ступай домой, дитя. (*М-съ Куикли*) Пойдемъ и мы, не то опоздаемъ.

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Форда.

Входятъ **Фальстафъ** *и* **М-съ Фордъ.**

Фальстафъ. Ваше горе пожрало мои страданія. Я вижу, какъ сильна ваша любовь и сочту своей обязанностью отплатить за нее съ такой же точно силой и не только, м-съ Фордъ, простымъ долгомъ любви, но и во всѣхъ ея принадлежностяхъ, дополненіяхъ и обрядахъ. Но скажите, увѣрены вы теперь въ вашемъ мужѣ?

М-съ Фордъ. Онъ на птичьей охотѣ, милый сэръ Джонъ.

М-съ Пэджъ (*за сценой*). Гола, кумушка Фордъ! Гола!

М-съ Фордъ. Войдите въ эту комнату, сэръ Джонъ.

Фальстафъ *уходитъ. Входитъ* **М-съ Пэджъ.**

М-съ Пэджъ. Здравствуйте, дорогая! Кто это съ вами?

М-съ Фордъ. Въ домѣ нѣтъ никого, кромѣ прислуги.

М-съ Пэджъ. Правда?

М-съ Фордъ. Конечно. (*Тихо.*) Говорите громче.

М-съ Пэджъ. Правду сказать, я очень рада, что у васъ никого нѣтъ.

*) М-съ Куикли, основываясь на нѣкоторомъ созвучіи словъ, приняла «pulcher» за poulcots—куры. Къ негодованію почтеннаго педагога, она во время экзамена нѣсколько разъ прерываетъ его своими замѣчаніями, обманываясь созвучіемъ словъ.

М-съ Фордъ. Отчего же?

М-съ Пэджъ. Оттого, моя милая, что на вашего мужа снова нашелъ припадокъ ревности. Онъ тамъ съ моимъ мужемъ, кричитъ на всю улицу, ратуя противъ всего женатаго человѣчества; онъ проклинаетъ всѣхъ дочерей Евы, не дѣлая ни для одной исключенія; онъ бьетъ себя по лбу и оретъ «сверлите, сверлите!» Не мало бѣснующихся видѣла я на своемъ вѣку, но всѣ они, по сравненію съ свирѣпостью вашего мужа, сама кротость, вѣжливость и терпѣніе. Какъ я рада, что толстаго рыцаря здѣсь нѣтъ.

М-съ Фордъ. Какъ! Мужъ говорилъ о немъ?

М-съ Пэджъ. А то о комъ же? О немъ. Вашъ мужъ клянется, что въ тотъ разъ, когда онъ обыскивалъ домъ, рыцаря унесли въ корзинѣ; онъ увѣряетъ моего мужа, что рыцарь здѣсь, и увелъ его и всѣхъ другихъ охотниковъ съ охоты, прося ихъ сдѣлать новый опытъ для удостовѣренія правильности его подозрѣній. Очень рада, что рыцаря здѣсь нѣтъ. Вашъ мужъ убѣдится въ своемъ безумствѣ.

М-съ Фордъ. Далеко онъ отсюда, м-съ Пэджъ?

М-съ Пэджъ. Близко, въ сосѣдней улицѣ; онъ сейчасъ будетъ здѣсь.

М-съ Фордъ. Я погибла! Рыцарь здѣсь!

М-съ Пэджъ. Въ такомъ случаѣ вы совершенно обезчещены, а онъ—мертвый человѣкъ. Какая, однакожь, вы легкомысленная женщина! Пусть онъ уйдетъ, скорѣе уйдетъ. Лучше срамъ, чѣмъ смертоубійство.

М-съ Фордъ. Да какъ же онъ уйдетъ! Какъ его спасти! Если опять уложить его въ корзину...

Входитъ **Фальстафъ.**

Фальстафъ. Ни за что въ корзину! Развѣ я не могу уйдти раньше, чѣмъ онъ придетъ.

М-съ Пэджъ. Увы! Три брата м-ра Форда стоятъ у дверей съ пистолетами, сторожа, чтобы никто не могъ выйти изъ дому. Не будь этого, вы могли бы пробраться раньше, чѣмъ онъ придетъ. Что-же вы ничего не дѣлаете?

Фальстафъ. Что же мнѣ дѣлать? Я полѣзу въ каминъ.

М-съ Фордъ. Тамъ они обыкновенно разряжаютъ свои пистолеты. Лучше ужь въ печь.

Фальстафъ. Гдѣ она?

М-съ Фордъ. Нѣтъ, я увѣрена, и тамъ онъ станетъ искать васъ. Онъ хорошо помнитъ каждый шкапъ, ящикъ, сундукъ, подвалъ, колодезь въ нашемъ домѣ и непремѣнно будетъ осматривать. Рѣшительно нигдѣ въ домѣ нельзя спрятать васъ.

Фальстафъ. Тогда лучше я выйду.

М-съ Пэджъ. Выйдете вы въ своемъ видѣ, сэръ Джонъ,—и вы умерли. Надо вамъ переодѣться.

М-съ Фордъ. Но какъ же можемъ мы переодѣть его?

М-съ Пэджъ. Увы! не придумаю. При его толщинѣ на него не натянешь никакого женскаго платья; надѣвъ шляпку, плащъ и закрывшись вуалью, онъ легко могъ бы уйдти.

Фальстафъ. Придумайте что-нибудь, добрыя сердца, всякое крайнее средство лучше убійства.

М-съ Форфъ. Тетка моей горничной, толстуха изъ Брентфорда, оставила на верху свое платье.

М-съ Пэджъ. Право, оно будетъ ему впору; она такъ же толста, какъ и онъ; тамъ же, кажется, ея мѣховая шапка и плащъ. Скорѣй идите туда, сэръ Джонъ.

М-съ Фордъ. Поторопитесь, милый сэръ Джонъ, поторопитесь! Мы же съ м-съ Пэджъ, поищемъ платка вамъ на голову.

М-съ Пэджъ. Скорѣе, скорѣе! Мы сейчасъ придемъ одѣть васъ; а пока надѣвайте платье.

Фальстафъ *уходитъ.*

М-съ Фордъ. Хотѣла бы я, чтобы мужъ встрѣтилъ его переодѣтымъ; онъ не можетъ выносить брендфордской старухи; онъ клянется, что она колдунья; онъ запретилъ ей ходить къ намъ, угрожая, что прибьетъ ее, если она явится сюда.

М-съ Пэджъ. Да подведетъ его небо подъ палку твоего мужа, а потомъ пусть дьяволъ управляетъ этою палкою.

М-съ Фордъ. Въ самомъ дѣлѣ сюда идетъ мой мужъ?

М-съ Пэджъ. Идетъ. Онъ разсказывалъ исторію съ корзиной; откуда онъ узналъ ее.

М-съ Фордъ. Мы разъяснимъ это; я прикажу слугамъ опять понести корзину и устроить такъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ въ дверяхъ, какъ въ тотъ разъ.

М-съ Пэджъ. Онъ сейчасъ придетъ сюда. Пойдемъ превращать рыцаря въ брендфордскую колдунью.

М-съ Фордъ. Я прежде объясню слугамъ, что они должны дѣлать съ корзиной. Ступайте на верхъ; я сейчасъ принесу платокъ. (*Уходитъ.*)

М-съ Пэджъ. Очумѣй онъ, безсовѣстный! Какое бы наказаніе ему мы ни придумали, все для него будетъ мало.

Докажемъ мы теперь, что можно потѣшаться
И вмѣстѣ честною женою оставаться;
Мы зла не дѣлаемъ; смѣяться жь не бѣда:
Вѣдь «въ тихомъ омутѣ чортъ водится всегда».

М-съ Пэджъ *уходитъ.* **М-съ Фордъ** *возвращается съ двумя* **Слугами.**

М-съ Фордъ. Еще разъ возьмете корзину себѣ на плечи; хозяинъ сейчасъ придетъ; если онъ велитъ поставить ее на полъ— ставьте. Помните, что я сказала. (*Уходитъ.*)

Первый слуга. Подымай, что-ли!

Второй. Дай Господи, чтобы на этотъ разъ въ ней не лежалъ рыцарь.

Первый. Кажись, не лежитъ; лучше нести свинецъ, чѣмъ его.

Входятъ **Фордъ, Пэджъ, Шалло, Кайюсъ** *и* **Эвансъ.**

Фордъ. Да, а если я докажу вамъ, м-ръ Пэджъ, что я правъ, чѣмъ удовлетворите вы меня за ваши насмѣшки надо мною? На полъ корзину, негодяи! Позовите жену! Сорванецъ здѣсь, въ корзинѣ! О, бездѣльники! Здѣсь интрига, цѣлый заговоръ противъ меня! Но я заставлю покраснѣть самого дьявола! Гдѣ жена? Выходите, выходите! Знаемъ, какое бѣлье отправляете вы къ прачкѣ!

Пэджъ. Это переходитъ всякія границы, м-ръ Фордъ. Васъ нельзя оставлять на свободѣ; слѣдуетъ привязать васъ.

Эвансъ. Онъ, право, помѣшанный; онъ точно бѣшеная собака.

Шалло. Не хорошо, м-ръ Фордъ; право, это не хорошо.

Фордъ. Это самое говорю и я, сэръ.

Входитъ **М-съ Фордъ.**

Фордъ. Пожалуйте сюда, м-съ Фордъ; м-съ Фордъ, вы честная женщина, цѣломудренная супруга, добродѣтельное созданіе, а вашъ мужъ ревнивый болванъ! Мои подозрѣнія неосновательны, не такъ-ли, мистрисъ?

М-съ Фордъ. Беру небо въ свидѣтели, что они не основательны, если вы подозрѣваете съ моей стороны какой-нибудь безчестный поступокъ.

Фордъ. Хорошо сказано, мѣдный лобъ! Продолжайте запираться. Выходи, мерзавецъ! (*Выбрасываетъ часть бѣлья изъ корзины.*)

Пэджъ. Это переходитъ всякія границы.

М-съ Фордъ. Стыдитесь! Оставьте это бѣлье!

Фордъ. Сейчасъ все обнаружится.

Эвансъ. Это неразумно. Неужели вы станете показывать бѣлье вашей жены? Оставьте это.

Фордъ (*слугамъ*). Вонъ все изъ корзины, говорю вамъ.

М-съ Фордъ. Къ чему, мужъ, къ чему?

Фордъ. М-ръ Пэджъ, такъ же вѣрно, какъ то, что я человѣкъ,—вчера въ этой корзинѣ кого-то вынесли изъ моего дома; почему же не предполагать, что онъ находится въ ней и теперь? Я увѣренъ, что онъ въ домѣ, я имѣю о томъ точныя свѣдѣнія; моя ревность основательна. Бросайте все бѣлье.

М-съ Фордъ. Если вы найдете въ корзинѣ мужчину, пусть онъ умретъ, какъ блоха.

Пэджъ. Въ корзинѣ нѣтъ мужчины.

Шалло. Клянусь моей вѣрностью, м-ръ Фордъ, не хорошо, очень не хорошо. Этимъ вы наносите вредъ самому себѣ.

Эвансъ. Лучше помолитесь, м-ръ Фордъ, и не слѣдуйте воображаемымъ представленіямъ вашего сердца; васъ толкаетъ ревность.

Фордъ. Слѣдовательно, тотъ, кого я ищу, не здѣсь!

Пэджъ. Не здѣсь, и нигдѣ, онъ только въ вашемъ мозгу.

Фордъ. Еще разъ помогите мнѣ обыскать весь домъ. Если я не найду того, кого ищу, не щадите меня, карайте за мое сумасбродство. Потѣшайтесь надо мной за каждымъ вашимъ обѣдомъ; пусть войдетъ въ поговорку «ревнивъ, какъ Фордъ, искавшій любовника своей жены въ орѣховой скорлупѣ». Исполните мою просьбу, еще разъ поищите вмѣстѣ со мною.

М-съ Фордъ. М-съ Пэджъ, сойдите внизъ со старухой. Мой мужъ хочетъ идти въ ту комнату.

Фордъ. Старуха! Какая тамъ еще старуха?

М-съ Фордъ. Старуха изъ Брентфорда, тетка моей горничной.

Фордъ. Колдунья, старая потаскушка, подлая развратница! Развѣ не запретилъ я ей ходить къ намъ въ домъ? Навѣрное пришла съ какимъ-нибудь порученіемъ. Какъ просты люди! Знаемъ-ли мы, какую хитрость можно придумать подъ видомъ гаданья? Она пускаетъ въ ходъ заговоры и наговоры, ворожбу и колдовство и всякія другія хитрости, разъяснить которыя мы не въ состояніи. Мы ничего не знаемъ. Иди, колдунья, иди, вѣдьма; иди же, говорятъ тебѣ!

М-съ Фордъ. Успокойся, мой добрый, любезный мужъ! Прошу васъ, джентльмены, не позволяйте ему бить старуху.

Входитъ **Фальстафъ,** *въ женскомъ платьѣ, и* **м-съ Пэджъ.**

М-съ Пэджъ. Идемъ, матушка Пратъ, идемъ; дайте мнѣ вашу руку.

Фордъ. Я дамъ ей гостинца за вранье *). (*Бьетъ Фальстафа.*) Убирайся колдунья, вѣдьма, потаскуха, свиная туша! Вонъ отсюда! Я вамъ погадаю! Я открою вамъ вашу судьбу!

Фальстафъ *уходитъ.*

М-съ Пэджъ. Стыдитесь! вы едва не убили бѣдную женщину.

---

*) Здѣсь непереводимая игра словъ; prat—значитъ врать. Фордъ говоритъ I will prat her.

М-съ Фордъ. Можетъ быть и убилъ. Это дѣлаетъ вамъ честь.

Фордъ. На висѣлицу надо эту колдунью.

Эвансъ. Какъ я разумѣю, эта женщина дѣйствительно колдунья; не хорошо, когда у женщины большая борода, а я запримѣтилъ, что изъ-подъ платка у нея выставлялась большая борода.

Фордъ. Сдѣлаете-ли вы мнѣ одолженіе послѣдовать за мною, джентльмены. Прошу васъ, идите со мною и мы убѣдимся, основательна моя ревность или нѣтъ. Если мой крикъ не наведетъ васъ на слѣдъ, не довѣряйте мнѣ больше.

Пэджъ. Можно еще разъ удовлетворить его капризу. Идемте, джентльмены.

Уходятъ **Фордъ, Пэджъ, Шалло, Кайюсъ** *и* **Эвансъ.**

М-съ Пэджъ. Право, онъ побилъ его самымъ жалостнымъ образомъ.

М-съ Фордъ. Нѣтъ, мнѣ кажется, скорѣе самымъ безжалостнымъ.

М-съ Пэджъ. Я желала бы освятить эту палку и повѣсить ее надъ алтаремъ; она оказала сегодня услугу, которая во вѣкъ не забудется.

М-съ Фордъ. Какъ ваше мнѣніе, можемъ-ли мы, не унижая женской скромности и поступая по требованіямъ совѣсти, продолжать нашу месть?

М-съ Пэджъ. Думаю, что духъ распутства оставилъ его. Если онъ не связанъ съ чортомъ неразрывными узами, полагаю, онъ не предприметъ ничего болѣе противъ насъ.

М-съ Фордъ. А разскажемъ мы нашимъ мужьямъ, для чего мы продѣлали съ нимъ эти штуки?

М-съ Пэджъ. Надо разсказать, хотя бы для того, чтобы изгнать изъ мозга вашего мужа всѣ его безразсудства. Если они по совѣсти рѣшатъ, что этого бѣднаго, жирнаго, развратнаго рыцаря слѣдуетъ наказать еще болѣе, мы поможемъ этому.

М-съ Фордъ. Увѣрена, они захотятъ осрамить его публично; и мнѣ кажется, наша шутка не будетъ оконченной, если онъ не подвергнется публичному осмѣянію.

М-съ Пэджъ. Идемъ ковать желѣзо, пока оно горячо. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА III.

Комната въ гостинницѣ «Подвязка».

Входятъ **Хозяинъ** *и* **Бардольфъ.**

Бардольфъ. Сэръ, нѣмцы просятъ трехъ изъ вашихъ лошадей; самъ герцогъ долженъ прибыть завтра ко двору и они ѣдутъ къ нему на встрѣчу.

Хозяинъ. Кто можетъ быть этотъ герцогъ, пріѣзжающій такъ таинственно? Ничего не слыхалъ я о немъ при дворѣ. Поговори самъ съ этими нѣмцами. Говорятъ они по англійски?

Бардольфъ. Говорятъ, сэръ. Я пришлю ихъ къ вамъ.

Хозяинъ. Лошадей дать можно; но они здорово за нихъ заплатятъ; я съ нихъ повыцѣжу. Цѣлую недѣлю мой домъ былъ въ ихъ распоряженіи; я не пускалъ другихъ гостей; справедливо, чтобы они раскошелились; я выцѣжу съ нихъ все, что можно. Идемъ!

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Форда.

Входятъ **Пэджъ, Фордъ, м-съ Пэджъ, м-съ Фордъ** *и* **Эвансъ.**

Эвансъ. Это одна изъ лучшихъ женскихъ идей, какія мнѣ только приходилось видѣть.

Пэджъ. Въ одно и тоже время онъ прислалъ письма вамъ обѣимъ.

М-съ Пджъ. Въ одну и туже четверть часа.

Фордъ.

Прости жена—и съ этихъ поръ ужъ дѣлай,
Что вздумаешь. Скорѣе буду я
Подозрѣвать въ холодности свѣтъ солнца,
Чѣмъ въ вѣтренной невѣрности — тебя.
И честь твоя для человѣка,
Который былъ недавно еретикъ,
Незыблема, какъ вѣра.

Пэджъ.

Ну, прекрасно.
Не будьте въ извиненьяхъ такъ же крайни,
Какъ прежде въ оскорбленьяхъ. Лучше мы
Обдумаемъ нашъ планъ. Пусть наши жены
Еще разокъ, чтобы доставить намъ
Публичную комедію, назначутъ
Свиданье этой старой тушѣ тамъ,
Гдѣ мы могли-бъ поймать его на мѣстѣ
И проучить.

Фордъ.

Намъ лучше ничего
Не выдумать придуманнаго ими.

Пэджъ. Какъ! Вы думаете пригласить его въ полночь на свиданіе въ паркѣ! Фи! Онъ не придетъ.

Эвансъ. Вы говорили, что его бросали въ рѣку и жестоко били переодѣтаго старой женщиной. Нѣтъ, мнѣ кажется, его обуялъ такой страхъ, что онъ ни за что не пойдетъ. Плоть его, мнѣ кажется, настолько наказана, что едва-ли онъ можетъ ощущать теперь какое-нибудь желаніе.

Пэджъ. И я думаю такъ же.

М-съ Фордъ.

Придумайте вы только, чѣмъ его
Вамъ угостить, когда придетъ; а средство,
Чтобъ онъ пришелъ, ужъ мы вдвоемъ пріищемъ.

М-съ Пэджъ.

Есть старое преданье, что охотникъ
И бывшій стражъ въ лѣсу виндзорскомъ, Гернъ,
Въ полночный часъ всю зиму бродитъ въ паркѣ,
Съ огромными, вѣтвистыми рогами,
Вкругъ одного изъ тамошнихъ дубовъ,
И тамъ деревья сушитъ, портитъ скотъ
И молоко коровье превращаетъ
Въ коровью кровь, гремя при этомъ цѣпью.
Вы слышали, я думаю, объ этомъ
И знаете, что суевѣрно-глупый
Старинный вѣкъ ту сказку принималъ
За истину и нашимъ поколѣньямъ
За истину ее же передалъ.

Пэджъ.

Да, и теперь еще такихъ не мало,
Которые боятся проходить
Въ полночный часъ въ сосѣдствѣ дуба Герна *).
Но что же намъ изъ этого?

М-съ Фордъ.

А то,
Что сэръ Фальстафъ придетъ къ намъ на свиданье
Подъ этотъ дубъ, въ одеждѣ страшной Герна,
Увѣнчанный огромными рогами.

Пэджъ.

Ну, хорошо, положимъ, что и точно
И въ этомъ одѣяньи онъ придетъ —
Чтожъ сдѣлать съ нимъ потомъ? Какъ ваше мнѣнье?

М-съ Пэджъ.

Объ этомъ мы подумали уже:
Мы дочь мою, Нанетту, и меньшого
Изъ сыновей моихъ, да четверыхъ,
Или троихъ дѣтей такого-жъ роста
Одѣнемъ эльфами и феями, въ цвѣта
Зеленый съ бѣлымъ; головы украсимъ
Гирляндами изъ восковыхъ свѣчей
И погремушками снадбимъ. Когда же
Фальстафъ и мы вдвоемъ сойдемся — вдругъ
Они изъ рва сосѣдняго всѣ вмѣстѣ,
И дико распѣвая, налетятъ
На насъ троихъ. Увидѣвъ ихъ, мы обѣ
Отъ ужаса ударимся бѣжать;
Они же окружатъ тотчасъ Фальстафа
И рыцаря поганаго начнутъ
Щипать, толкать и спрашивать, какъ смѣетъ
Онъ, въ этотъ часъ волшебныхъ ихъ забавъ,
Въ священный ихъ пріютъ и въ этомъ видѣ
Войдти?

М-съ Фордъ.

И пусть, пока всей правды онъ
Не скажетъ—пусть лѣсные духи щиплютъ
Безъ устали его и тутъ же жгутъ
Свѣчами восковыми.

М-съ Пэджъ.

А какъ только
Сознается, мы выйдемъ всѣ, рога
Съ чудовища мы снимемъ и проводимъ
Домой, въ Виндзоръ, съ насмѣшками.

Фордъ.

Да вы
Должны дѣтей настроить хорошенько,
Иначе имъ не сдѣлать ничего.

Эвансъ. Я возьму на себя обученіе дѣтей. И самъ я преображусь въ какого-нибудь урода, чтобы имѣть возможность подпаливать рыцаря факеломъ.

Фордъ. Это будетъ прелестно. Пойду покупать маски.

М-съ Пэджъ.

Царицей фей моя Нанетта будетъ,
Въ чудесномъ бѣломъ платьѣ.

Пэджъ.

Для него
Матеріи сейчасъ куплю я.
(*Въ сторону.*) Тутъ же
Ее похититъ Слендеръ и тотчасъ
Въ Итонѣ обвѣнчается. (*Вслухъ.*) Скорѣе
Къ Фальстафу посылайте.

Фордъ.

Нѣтъ, я самъ
Пойду къ нему опять подъ видомъ Брука,
И онъ свои предположенья мнѣ
Разскажетъ. Да, онъ явится навѣрно.

М-съ Пэджъ.

Ужъ это несомнѣнно. Ну, идемъ
Костюмы припасать для нашихъ духовъ.

Эвансъ. За работу! Это пріятнѣйшее изъ развлеченій и обманъ самый честный.

Эвансъ, Пэджъ *и* **Фордъ** *уходятъ.*

М-съ Пэджъ.

Ну, м-съ Фордъ, теперь скорѣй къ Фальстафу
Пошлите, чтобъ узнать его отвѣтъ.
(**М-съ Фордъ** *уходитъ.*)
Я—къ доктору; мое расположенье
Онъ пріобрѣлъ и ужъ никто другой
На Аннѣ Пэджъ не женится. Вотъ Слендеръ,
Хоть и богатъ, но idіотъ — а мой
Супругъ его другимъ предпочитаетъ.
У доктора — и деньги, и друзья
Съ значеньемъ при дворѣ. Да, я ручаюсь—
Хоть двадцать тысячъ будь достойнѣйшихъ людей,
Но женится лишь онъ на дочери моей!
(*Уходитъ.*)

СЦЕНА V.

Комната въ гостинницѣ «Подвязка».

Входятъ **Хозяинъ** *и* **Семпль.**

Хозяинъ. Чего тебѣ нужно здѣсь, деревенщина? Чего желаешь ты, толстокожій? Говори, бормочи, разъясняй, но только короче, быстрѣе, живѣе, скорѣе.

*) Имѣются несомнѣнныя доказательства, что фамилія Гернъ существовала въ Виндзорѣ въ XVI столѣтіи. Одинъ изъ Герновъ, Джиль, женился въ 1569 году. По старинному преданію, этотъ Гернъ, боясь наказанія за совершенный имъ проступокъ, повѣсился на дубѣ, на которомъ съ этой поры появлялся его призракъ. Объ этомъ дубѣ, получившемъ безсмертіе, благодаря Шекспиру, упоминается въ «Планѣ города Виндзора, его замка и парка», изданномъ въ 1742 году.

Семпль. Я пришелъ, сэръ, поговорить съ сэромъ Джономъ Фальстафомъ, а прислалъ меня м-ръ Слендеръ.

Хозяинъ. Вотъ его комната, его домъ, его замокъ, его постель постоянная и временная; надъ нею только-что заново росписана притча о блудномъ сынѣ. Иди, стучи и зови; онъ тебѣ отвѣтитъ, какъ антропофагъ. Колоти кулаками, говорю тебѣ.

Семпль. Въ его комнату вошла сейчасъ старая женщина, толстая такая; я беру смѣлость подождать ея ухода, сэръ. Съ нею именно я и хочу говорить.

Хозяинъ. А! Толстая женщина! Рыцаря, пожалуй, обокрадутъ. Надо позвать его. Необъятный рыцарь! Толстѣйшій сэръ Джонъ! Отвѣчай во всю силу твоихъ воинскихъ легкихъ. Въ своей-ли комнатѣ ты? Тебя призываетъ твой хозяинъ, твой ефесянинъ.

Фальстафъ (*за сценой*). Зачѣмъ меня надо, хозяинъ?

Хозяинъ. Здѣсь татаринъ-цыганъ ожидаетъ ухода отъ тебя толстой женщины. Пусть она уходитъ, неизмѣримый, пускай идетъ вонъ. Мои комнаты чистыя. Фи! Уединяться съ нею! фи!

Входитъ **Фальстафъ.**

Фальстафъ. Это правда, со мною только-что бесѣдовала старая толстая женщина, но она уже ушла.

Семпль. Не брентфордская-ли это колдунья, смѣю спросить, сэръ?

Фальстафъ. Да, чортъ побери, она самая. Чего ты хочешь отъ нея, устричная ты раковина?

Семпль. Мой господинъ, сэръ, м-ръ Слендеръ, увидалъ, что она идетъ по улицѣ и послалъ меня къ ней узнать, сэръ, находится-ли до сихъ поръ у нѣкоего Нима цѣпочка, украденная имъ, этимъ Нимомъ, у моего господина.

Фальстафъ. Я говорилъ объ этомъ со старухой.

Семпль. Могу я узнать, сэръ, что она сказала?

Фальстафъ. Чортъ возьми, она сказала, что человѣкъ, стянувшій цѣпочку у м-ра Слендера, есть тотъ самый, который укралъ ее.

Семпль. Мнѣ самому хотѣлось бы поговорить съ этой женщиной; мнѣ нужно передать ей еще кое-что другое отъ имени моего господина.

Фальстафъ. Говори, что ты долженъ былъ передать ей.

Хозяинъ. Живѣе разсказывай.

Семпль. Не смѣю скрывать этого отъ васъ, сэръ.

Хозяинъ. Попробуй скрыть—живой не выйдешь отсюда.

Семпль. Ничего нѣтъ въ этомъ важнаго, сэръ; дѣло касается мистрисъ Анны Пэджъ; надо узнать, назначено-ли ей быть женою моего господина или нѣтъ.

Фальстафъ. Назначено.

Семпль. Что назначено?

Фальстафъ. А назначено, что онъ женится на ней или не женится. Можешь идти и сказать, что старуха это самое говорила мнѣ.

Семпль. Могу я осмѣлиться передать такъ, сэръ?

Фальстафъ. Можете осмѣлиться, сэръ.

Семпль. Позвольте поблагодарить вашу милость. Какъ будетъ счастливъ мой господинъ, когда я передамъ ему эти извѣстія.

(*Уходитъ.*)

Хозяинъ. Ты ученый, ты ученый, сэръ Джонъ! У тебя была колдунья?

Фальстафъ. Была, мой хозяинъ, и такая, что отъ нея я узналъ больше, чѣмъ выучился во всю мою жизнь; и я ничего ей не заплатилъ; напротивъ, мнѣ заплатили за то, что я выучился.

Входитъ **Бардольфъ.**

Бардольфъ. Бѣда, сэръ! Грабительство! чистое грабительство!

Хозяинъ. Гдѣ мои лошади? Отдавай отчетъ, varletto.

Бардольфъ. Уведены грабителями! Я сидѣлъ на крупѣ лошади позади одного изъ нихъ; когда мы проѣхали Итонъ, меня столкнули въ грязную яму; затѣмъ разбойники пришпорили лошадей и исчезли, какъ три нѣмецкіе дьявола, три доктора Фауста.

Хозяинъ. Пустяки! они поспѣшили на встрѣчу герцогу, болванъ; не говори, что они убѣжали; нѣмцы честные люди.

Входитъ **Эвансъ.**

Эвансъ. Гдѣ мой хозяинъ?

Хозяинъ. Что требуется, сэръ?

Эвансъ. Наблюдайте за вашими жильцами; сейчасъ пріѣхавшій въ городъ одинъ изъ моихъ друзей разсказалъ мнѣ, что трое какихъ-то нѣмцевъ ограбили хозяевъ гостинницъ въ Ридингѣ, Мэденгидѣ и Кольбрукѣ; они похитили деньги и увели лошадей. Говорю вамъ объ этомъ, желая принести вамъ пользу. Вы умны, за словомъ въ карманъ не полѣзете и мастеръ говорить остроты; непристойно вамъ потерпѣть отъ этихъ грабителей. Прощайте. (*Уходитъ.*)

Входитъ **Кайюсъ.**

Кайюсъ. Гдѣ мой хозяинъ?

Хозяинъ. Здѣсь, м-ръ докторъ, и находится въ большомъ смущеніи; передъ нимъ поставлена затруднительная дилема.

Кайюсъ. Не знаю, что произошло здѣсь, но мнѣ сказали, что у васъ дѣлаются большія приготовленія для встрѣчи германскаго герцога. Честное слово, при дворѣ не ожидаютъ никакого герцога. Говорю вамъ объ этомъ, желая вамъ пользы. Adieu.

(*Уходитъ.*)

Хозяинъ. Кричи, ори, бѣги, негодяй! Помогите мнѣ, рыцарь, иначе я буду раззоренъ. Живѣе, бѣги, негодяй, сзывай на помощь! Негодяй, я погибъ!

(**Хозяинъ** *и* **Бардольфъ** *уходятъ.*)

Фальстафъ. Я желалъ бы, чтобы весь свѣтъ былъ обманутъ; потому что меня обманули, меня прибили. Еслибы дошло до двора, какія я испыталъ превращенія и какъ во время этихъ превращеній меня окунули въ воду и отдубасили, изъ меня живо вытопили бы, капля за каплей, мой жиръ и смазали бы имъ сапоги рыбаковъ; я увѣренъ, до тѣхъ бы поръ бичевали меня своими остротами и шутками, пока я не сжался бы на манеръ высушенной груши. Нѣтъ мнѣ удачи съ той поры, когда я сплутовалъ, играя въ примеро. Если бы я былъ въ состояніи молиться, я непремѣнно покаялся бы.

Входитъ **М-съ Куикли.**

Фальстафъ. Кто прислалъ васъ?

Куикли. Обѣ, сэръ.

Фальстафъ. Чтобы чортъ побралъ одну, а его мать другую! Обѣ будутъ тогда на своемъ мѣстѣ. Изъ любви къ нимъ я вытерпѣлъ больше, гораздо больше, чѣмъ можетъ вынести несчастная человѣческая натура!

М-съ Куикли. А развѣ онѣ не страдали? Вѣрьте мнѣ, сильно пострадали, въ особенности одна изъ нихъ, м-съ Фордъ. По всему тѣлу у нея, моей голубушки, синяки да черныя пятна; не найдете ни одного мѣстечка бѣлаго, сколько не ищите.

Фальстафъ. Что разсказываешь ты мнѣ о синякахъ и черныхъ пятнахъ! Меня такъ приколотили, что на мнѣ ты найдешь всѣ цвѣта радуги; еще могли засадить, принявъ за брентфордскую колдунью. Если бы не обычное мое присутствіе духа, которое помогло мнѣ вывернуться, представившись обыкновенной старухой, подлецъ констебль надѣлъ бы на меня колодки, обыкновенные колодки, пристойные колдуньѣ.

М-съ Куикли. Сэръ, позвольте мнѣ переговорить съ вами въ вашей комнатѣ; я передамъ вамъ кое-что и вы останетесь довольны. Вотъ письмо, изъ котораго вы много узнаете. Голубчики, какъ трудно сводить васъ! Вѣрно одинъ изъ васъ не исполняетъ, какъ слѣдуетъ, заповѣдей Господнихъ, иначе не приходилось бы столько изъ-за васъ хлопотать.

Фальстафъ. Идемъ въ мою комнату.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА VI.

Другая комната въ гостинницѣ.

Входятъ **Фентонъ** *и* **Хозяинъ.**

Хозяинъ. Не говорите со мною, м-ръ Фентонъ. У меня такъ тяжело на сердцѣ, что я отказываюсь отъ всего.

Фентонъ.

Но выслушай меня. Коль согласишься
Ты мнѣ помочь, клянусь, какъ джентльменъ,
Я дамъ тебѣ сто фунтовъ золотыми
Сверхъ денегъ тѣхъ, что потерялъ ты нынче.

Хозяинъ. Я выслушаю васъ, м-ръ Фентонъ, и, даю вамъ слово, сохраню вашу тайну.

Фентонъ.

Уже не разъ ты слышалъ отъ меня,
Что Анну Пэджъ прекрасную люблю я
Отъ всей души; моей любви она
Отвѣтила, на сколько можетъ лично
Собой распоряжаться и какъ разъ,
Какъ я желалъ. Теперь она прислала
Ко мнѣ письмо вотъ это; удивитъ
Оно тебя. Потѣха, о которой
Въ немъ пишется, съ намѣреньемъ моимъ
Такъ связана, что разсказать о первой
И о другомъ не объявить—нельзя.
Въ потѣхѣ той большую роль играетъ
Толстякъ Фальстафъ; изъ этого письма
Узнаешь всѣ подробности. Такъ слушай,
Любезнѣйшій хозяинъ. Нынче ночью,
Межъ полночью и часомъ, Нанъ моя
Изображать должна у дуба Герна
Царицу фей; съ какою цѣлью—это
Ты изъ письма узнаешь. Но отецъ
Ей приказалъ, чтобъ въ этомъ самомъ видѣ,
Когда совсѣмъ въ разгарѣ будетъ фарсъ,
Она въ Итонъ со Слендеромъ бѣжала
И тамъ съ нимъ обвѣнчалась—и она
На это согласилась. Слушай дальше:
Но мать ея, которой этотъ бракъ
Не по сердцу—она всегда стояла
За Кайюса—рѣшила такъ, что дочь
Похититъ онъ, когда всѣ остальные
Ролями увлекутся, и тотчасъ
Съ ней подъ вѣнецъ пойдетъ въ своемъ приходѣ,
Гдѣ ждетъ уже священникъ. Притворясь
Покорною такому плану, Анна
И доктору согласье ужь дала.
Теперь вотъ дѣло въ чемъ: отецъ желаетъ,
Чтобъ дочь была вся въ бѣломъ, и когда
Въ удобную минуту Слендеръ руку
Ея возьметъ и скажетъ, что пора—
Она уйдетъ съ нимъ въ этомъ самомъ платьѣ.
Напротивъ, мать рѣшила для того,
Чтобъ докторъ могъ узнать ее — всѣ будутъ
Подъ масками—зеленый балахонъ
Надѣть на дочь и лентами украсить
Всю голову; и долженъ докторъ къ ней
Приблизиться въ удобную минуту
И за руку щипнуть, давая знакъ
За нимъ идти. И Анна согласилась.

Хозяинъ.

Кого-жь она рѣшилась обмануть —
Отца иль мать?

Фентонъ.

Обоихъ, мой добрѣйшій,
Чтобъ убѣжать со мною. И теперь
Все дѣло въ томъ, чтобъ ты добылъ пастора,
Который бы насъ въ церкви ожидалъ
Межъ полночью и часомъ и навѣки
Торжественнымъ обрядомъ намъ сердца
Соединилъ.

Хозяинъ.

Ну, хорошо, идите
Улаживать вашъ планъ, а я сейчасъ
Къ викарію. Давайте лишь дѣвицу—
Священника вамъ не придется долго ждать.

Фентонъ.

Навѣки ты меня обяжешь этимъ;
Да и сейчасъ тебя я награжу.

(*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ гостинницѣ «Подвязка».

Входятъ **Фальстафъ** *и* **м-съ Куикли.**

Фальстафъ. Ну, будетъ болтавни. Ступай, я буду точенъ. Это уже въ третій разъ; нечетныя числа приносятъ счастье, буду надѣяться. Иди же, иди. Говорятъ, что въ нечетныхъ числахъ заключается божественная сила, все равно относятся-ли они къ рожденію, удачѣ или смерти. Убирайся же!

М-съ Куикли. Я вамъ добуду цѣпь, постараюсь отыскать также пару роговъ.

Фальстафъ. Убирайся, говорятъ тебѣ; голову къ верху и мелкой рысью! Пошла!

М-съ Куикли *уходитъ. Входитъ* **Фордъ,** *переодѣтый*

Фальстафъ. Какъ можете, м-ръ Брукъ? Наше дѣло должно порѣшиться сегодня ночью или его придется совсѣмъ оставить. Будьте около полуночи въ паркѣ, у дуба Герна; вы увидите много чудесъ.

Фордъ. Значитъ, вы не были вчера на условленномъ свиданіи, о которомъ мнѣ говорили.

Фальстафъ. Былъ у нея, м-ръ Брукъ; пошелъ туда бѣднымъ старикомъ, а вернулся бѣдной старухой. Этотъ негодяй Фордъ, ея мужъ, м-ръ Брукъ, одержимъ неистовымъ демономъ ревности; мнѣ никогда не приводилось видѣть такого бѣшенства въ бѣшеномъ человѣкѣ. Онъ меня страшно избилъ въ моемъ женскомъ нарядѣ; потому что, скажу вамъ, въ мужскомъ видѣ я, хотя и съ веретеномъ въ рукѣ, не побоюсь и Голіафа. Да что такое жизнь? она тоже, что и ткацкій челнокъ. Я спѣшу, пойдемте со мною; дорогой я разскажу вамъ все, м-ръ Брукъ. Съ той поры, какъ я щипалъ гусей, отлынивалъ отъ уроковъ и пускалъ волчекъ, до вчерашняго дня я не зналъ, что значитъ быть прибитымъ. Пойдемъ вмѣстѣ, я разскажу вамъ удивительныя вещи объ этомъ негодяѣ Фордѣ; сегодня ночью я отомщу ему и передамъ его жену въ ваши руки. Идемте. Будетъ чему удивляться, м-ръ Брукъ; идемъ. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА II.

Виндзорскій паркъ.

Входятъ **Пэджъ, Шалло** *и* **Слендеръ.**

Пэджъ. Идемъ, идемъ. Мы спрячемся въ ровъ замка и останемся тамъ до тѣхъ поръ, пока не увидимъ огоньковъ нашихъ фей. Помнишь, какъ будетъ одѣта моя дочь, сынъ мой Слендеръ.

Слендеръ. Какъ же можно забыть объ этомъ. Я переговорилъ съ нею и мы условились какъ намъ узнать другъ друга. Я пойду къ той, которая будетъ одѣта въ бѣлое, и скажу ей: «молчи!» а она отвѣтитъ мнѣ: «бюджетъ!» Такъ-то мы и признаемъ другъ друга.

Шалло. Это хорошо. Но какая надобность въ этихъ: «молчи!» и «бюджетъ!» Вы можете узнать ее и по бѣлому платью. Десять часовъ давно пробило.

Пэджъ. Какъ темна ночь! Свѣтъ отъ огней и призраки произведутъ большой эфектъ. Да пошлетъ небо удачу нашей забавѣ! Никто изъ насъ не замышляетъ зла; одинъ дьяволъ думаетъ о немъ, но мы узнаемъ его по рогамъ. Идемъ. Слѣдуйте за мной.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА III.

Улица въ Виндзорѣ.

Входятъ **м-съ Пэджъ, м-съ Фордъ** *и* **Кайюсъ.**

М-съ Пэджъ. М-ръ докторъ, моя дочь будетъ въ зеленомъ платьѣ. Когда представится удобный случай, возьмите ее за руку, ведите въ церковь и какъ можно скорѣе кончайте дѣло. Теперь идите въ паркъ. Мы же съ м-съ Фордъ не должны разлучаться.

Кайюсъ. Я знаю, что слѣдуетъ мнѣ дѣлать. Adieu.

М-съ Пэджъ. До свиданія, сэръ. (*Кайюсъ уходитъ*) Потѣха надъ Фальстафомъ развеселитъ моего мужа менѣе, чѣмъ разсердитъ извѣстіе, что на нашей дочери женился докторъ. Но зачѣмъ безпокоиться: лучше маленькое ворчаніе, чѣмъ большое горе.

М-съ Фордъ. Гдѣ же Нанъ и ея отрядъ фей, а также валійскій дьяволъ, Гугъ?

М-съ Пэджъ. Онѣ спрятались во рву подлѣ дуба Герна и скрыли пока свои свѣчи, но въ тотъ моментъ, когда Фальстафъ сойдется съ нами, онѣ внезапно освѣтятъ ночную мглу.

М-съ Фордъ. Я думаю такая внезапность перепугаетъ его.

М-съ Пэджъ. Если онъ не испугается, онъ все-таки будетъ осмѣянъ; а испугается—его осмѣютъ вдвое.

М-съ Фордъ. Мы ловко обманемъ его.

М-съ Пэджъ.

Такихъ развратниковъ дурачить, надувать—
Не значитъ никогда безчестно поступать.

М-съ Фордъ. Часъ приближается. Поспѣшимъ къ дубу.

СЦЕНА IV.

Виндзорскій паркъ.

Входятъ **Эвансъ** *и* **Феи.**

Эвансъ. Летите, летите феи! Идемъ! Помните ваши роли. Прошу васъ, не torробейте! Слѣдуйте за мною въ ровъ, а когда я подамъ знакъ, дѣлайте то, что я говорилъ. Идемъ, идемъ! летите, летите! (*Уходятъ.*)

СЦЕНА V.

Другая часть парка.

Входитъ **Фальстафъ,** *переодѣтый, съ олеными рогами на головѣ.*

Фальстафъ. Виндзорскій колоколъ пробилъ полночь; приближается минута наслажденья. Теперь да помогутъ мнѣ боги съ пламенной кровью! Вспомни Юпитеръ, что ты превращался въ быка для твоей Европы; изъ-за любви ты самъ надѣлъ на себя рога. О, всемогущая любовь, ты животныхъ превращаешь въ людей, а людей дѣлаешь животными! Любовь къ Ледѣ заставила тебя, Юпитеръ, обратиться въ лебедя. О, всемогущая любовь! Какъ мало требовалось для того, чтобы богъ сталъ гусемъ. Первый грѣхъ, содѣянный тобою, о, Юпитеръ, въ видѣ животнаго, былъ животный грѣхъ; второй грѣхъ, который совершилъ ты, принявъ видъ красивой птицы былъ ужь вовсе не красивый; подумай, Юпитеръ, грѣхъ грязный! Но если у боговъ такая пламенная кровь, то чтоже остается дѣлать бѣднымъ людямъ? Хоть-бы я? Я сдѣлался виндзорскимъ оленемъ, думаю, самымъ жирнымъ въ этомъ лѣсу. Теперь время течки для оленьей породы; навѣй для меня прохладу, о Юпитеръ, иначе, пусть не порицаютъ меня, если я весь истеку жиромъ. Кто-то идетъ сюда? Моя лань!

Входятъ **м-съ Фордъ** *и* **м-съ Пэджъ.**

М-съ Фордъ. Сэръ Джонъ, ты здѣсь мой милый, мой олень?

Фальстафъ. О моя черноокая лань! Пусть съ неба льется картофельный дождь; пусть громъ гремитъ на голосъ пѣсни о зеленыхъ рукавчикахъ; пусть идетъ градъ изъ возбуждающихъ конфектъ; пусть снѣжитъ ванилью; пусть разразится буря искушеній, я найду себѣ пріютъ здѣсь.

(*Цалуетъ м-съ Фордъ.*)

М-съ Фордъ. Милый мой, со мною пришла м-съ Пэджъ.

Фальстафъ. Дѣлите меня, какъ дѣлятъ оленя, полученнаго въ подарокъ; пусть каждая беретъ по одной ногѣ. Бока я оставлю себѣ; лопатки отдамъ сторожу здѣшняго лѣса, а рога завѣщаю вашимъ мужьямъ. Не правда-ли, я настоящій охотникъ? Не правда-ли, я говорю такъ, какъ говорилъ-бы Гернъ, охотникъ? На этотъ разъ мальчишка Купидонъ поступилъ совѣстливо; онъ вознаграждаетъ меня. Вы для меня дорогія гости, клянусь словомъ истиннаго привидѣнія!

(*За сценой шумъ.*)

М-съ Пэджъ. Спаси Господи! Что это за шумъ?

М-съ Фордъ. Да проститъ намъ Господь наши прегрѣшенія!

Фальстафъ. Что тамъ случилось?

М-съ Фордъ и **м-съ Пэджъ.** Убѣжимъ! Убѣжимъ! (*Убѣгаютъ.*)

Фальстафъ. Я полагаю, дьяволъ не желаетъ, чтобы я былъ проклятъ, изъ страха, что сало, которымъ я пропитанъ, можетъ произвести пожаръ въ аду; иначе онъ не сталъ бы вѣчно мѣшать мнѣ.

Входятъ: **Эвансъ,** *въ костюмѣ сатира,* **м-съ Куикли, Пистоль, Анна Пэджъ,** *какъ царица фей въ сопровожденіи брата и другихъ, одѣтыхъ феями и имѣющихъ на головѣ зажженныя восковыя свѣчи.*

Царица фей (*Анна Пэджъ*).

Феи зеленыя, черныя, бѣлыя, сѣрыя феи,
Луннаго свѣта подруженьки, дѣти-сиротки судьбинъ,
Тѣни ночной темноты, принимайтесь за дѣло скорѣе,
Долгъ исполняйте! Зови ихъ на дѣло, герольдъ Гобгоблинъ.

Пистоль.

Эльфы, внемлите, внемлите! умолкните рѣзвые духи!
Слушай сверчокъ: облети ты всѣ кухни Виндзора, и тамъ,
Гдѣ очага не убрали, огня не гасили стряпухи,
Тамъ ихъ щипли ты, чтобъ цвѣтъ ежевики придать синякамъ:
Не терпитъ владычица свѣтлая фей
Ни грязныхъ покоевъ, ни грязныхъ людей!

Фальстафъ.

Здѣсь феи собрались. Я знаю—кто рѣшится
Имъ слово хоть сказать, тотъ съ жизнью распростится.

Зажмурясь, лягу я. Ничей на свѣтѣ глазъ
Не долженъ видѣть ихъ затѣйливыхъ проказъ.
(*Ложится ничкомъ.*)

Эвансъ.

Гдѣ Пидъ? Лети! Когда-бъ найдти тебѣ случилось
Дѣвицу, что предъ сномъ три раза помолилась—
Ты грезы сладкія на душу ей навѣй,
И пусть уснетъ она невиннымъ сномъ дѣтей;
Но тѣхъ, которые въ минуту усыпленья
Не вздумали просить грѣхамъ своимъ прощенья—
Тѣхъ щиплетъ пусть твоя сердитая рука
Въ голени, спину, грудь, и плечи, и бока.

Царица фей.

За дѣло, за дѣло! О, духи, летите,
Весь замокъ виндзорскій снаружи, внутри обыщите;
Разсыпьте вы счастье повсюду въ жилищѣ священномъ,
Чтобъ вѣчно стоялъ онъ въ величьѣ своемъ неизмѣнномъ,
Достойный властителя дома сего,
Какъ этотъ властитель достоинъ его!
Натрите старательно кресла всѣхъ орденскихъ членовъ почтенныхъ
Бальзамомъ душистымъ и сокомъ изъ разныхъ цвѣтовъ драгоцѣнныхъ,
И пусть благодатное небо съ сѣдалищъ, одеждъ и щитовъ
Во вѣкъ не стираетъ ихъ честныхъ гербовъ!
Вы, феи луговъ, образуйте кружокъ на подобье подвязки
И пойте ночною порою свои вдохновенныя сказки,
И мѣсто, гдѣ вы соберетесь, пусть будетъ свѣжѣй, зеленѣй,
Чѣмъ зелень всѣхъ нашихъ полей!
Пурпурныхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ, изумрудной травы наберите
И ими Honni soit qui mal y pense напишите,
На мѣсто сафировъ и перловъ, шитья изъ шелковъ драгоцѣнныхъ,
Что блещутъ у рыцарей славныхъ кольцомъ на колѣняхъ согбенныхъ:
Цвѣты замѣняютъ вѣдь буквы у фей.
Разсѣйтесь же, духи, летите скорѣй!
Но первый пока не пробилъ еще часъ—не забудете, вѣрно,
Вы пляску обычную нашу вкругъ дуба охотника Герна.

Эвансъ.

Давайте же руки другъ другу; въ кружокъ становитесь сейчасъ;
А двадцать большихъ свѣтляковъ фонарями послужатъ у насъ,
Чтобъ мы танцовать, не сбиваясь, подъ дубомъ могли!
Но стойте! я чую, что здѣсь человѣкъ серединной земли!

Фальстафъ. Небо, защити меня отъ этой валійской феи; она превратитъ меня въ кусокъ сыра.

Пистоль.

Гнуснѣйшій червь, ты проклятъ отъ рожденья!

Царица фей.

Огнемъ испытанья коснитесь вы пальцевъ его.
Коль чистъ онъ, огонь не сожжетъ ничего
И тихо отклонится. Если-жъ отъ боли онъ вздрогнетъ—то смѣло
Рѣшайте, что носитъ онъ сердца развратнаго тѣло.

Пистоль.

Начнемъ испытанье!

Эвансъ.

Начнемъ—
Увидимъ, возьмется-ли дерево это огнемъ?
(*Всѣ жгутъ* **Фальстафа** *огнемъ своихъ свѣчей.*)

Фальстафъ. Охъ! охъ! охъ!

Царица фей.

Нечистъ, нечистъ, въ желаньяхъ развращенъ!
Скорѣе же его со всѣхъ сторонъ
Съ язвительною пѣснью окружите
И, вкругъ его несясь, щипите и щипите.

Пѣсня.

Срамъ всѣмъ грѣховнымъ помышленьямъ,
Срамъ похотливымъ вожделѣньямъ!
Огонь кровавый—сладострастье,
Огонь, зажженный грязной страстью!
Начало въ сердцѣ онъ кладетъ,
Но дунетъ мысль—и онъ все вверхъ и вверхъ идетъ!

Щипите безъ устали, феи,
Щипите за гнусныя, злыя затѣи,
Щипите и жгите, вертите въ рукахъ,
Пока не погаснутъ и свѣчи, и звѣзды съ луной въ небесахъ.

(*Во время этой пѣсни феи щиплятъ* **Фальстафа.** *Подходитъ* **докторъ Кайюсъ** *съ одной стороны и уводитъ фею въ зеленомъ платьѣ; а съ другой приближается* **Слендеръ** *и беретъ фею въ бѣломъ; въ это же самое время* **Фентонъ** *похищаетъ* **Анну Пэджъ.** *Слышится звукъ охотничьяго рога. Феи разбѣгаются.* **Фальстафъ** *сбрасываетъ съ головы рога, приподымается съ земли и намѣревается бѣжать.*)

Входятъ **Пэджъ, Фордъ, м-съ Пэджъ** *и* **м-съ Фордъ.** *Они останавливаютъ* **Фальстафа.**

Пэджъ.

Нѣтъ, стой! Куда? Надѣюсь, вы теперь
У насъ въ рукахъ. Неужто вы иначе
Не можете успѣть, какъ въ видѣ Герна
Охотника?

М-съ Пэджъ.

Довольно; этотъ фарсъ
Я васъ прошу окончить. Ну, добрѣйшій
Сэръ Джонъ, какъ вамъ виндзорскія супруги
Понравились? (*Мужу, указывая на рога Фальстафа.*) Не правда-ль, милый мужъ,
Что это украшенье дорогое
Не такъ пристало городу, какъ лѣсу?

Фордъ. Ну, сэръ, кто изъ насъ рогоносецъ? М-ръ Брукъ, Фальстафъ мерзавецъ, рогатый мерзавецъ; вотъ его рога, м-ръ Брукъ. Онъ попользовался, м-ръ Брукъ, изъ состоянія Форда, только корзиной съ грязнымъ бѣльемъ, палкой и двадцатью фунтами стерлинговъ, которые онъ долженъ возвратить м-ру Бруку. Его лошади задержаны въ обезпеченіе уплаты долга, м-ръ Брукъ.

М-съ Фордъ. Сэръ Джонъ, намъ незадача; мы никакъ не могли остаться наединѣ. Дѣлать нечего, я не желаю болѣе имѣть васъ своимъ любовникомъ, но вы всегда будете моимъ милымъ оленемъ.

Фальстафъ. Вижу теперь, что я чистѣйшій оселъ.

Фордъ. Еще и волъ; доказательства на лицо.

Фальстафъ. Значитъ, это были не феи. Три или четыре раза мнѣ приходило въ голову, что это не феи; но угрызенія совѣсти отуманили меня настолько, что я потерялъ способность правильно мыслить и, вопреки здравому смыслу и очевидности, при всей грубости этого маскарада, повѣрилъ, что вокругъ меня феи. Посмотрите, какимъ посмѣшищемъ является умъ, дурно направленный.

Эвансъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ служите Богу, откажитесь отъ грѣховныхъ помысловъ и никогда феи не станутъ щипать васъ.

Фордъ. Хорошо сказано, фея Гугъ.

Эвансъ. И вамъ необходимо оставить вашу ревность.

Фордъ. До тѣхъ поръ я не стану подозрѣвать свою жену, пока ты не объяснишься ей въ любви на чистомъ англійскомъ языкѣ.

Фальстафъ. Неужели мой мозгъ до того высохъ на солнцѣ, что не въ состояніи болѣе различать грубаго обмана? И меня можетъ одурачить какой-нибудь валійскій козелъ? Нарядить меня въ ослиный валійскій колпакъ? Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только задушить себя кускомъ жаренаго сыра.

Эвансъ. Сыръ жиру не товарищъ; а вашъ желудокъ весь заплылъ жиромъ.

Фальстафъ. Сыръ и жиръ! Неужели я дожилъ до того, что долженъ выносить остроты человѣка, неумѣющаго правильно сказать двухъ словъ по англійски. Этого достаточно, чтобы убить во всемъ королевствѣ развратъ и ночныя любовныя похожденія.

М-съ Пэджъ. Подумайте, сэръ Джонъ, если бы даже мы вышвырнули добродѣтель изъ нашихъ сердецъ; если бы мы, забывъ совѣсть, отдали себя аду, то и тогда дьяволъ не могъ бы заставить насъ почувствовать къ вамъ любовной склонности.

Фордъ. Къ нему? Къ этой горѣ жиру; къ этому вороху льняной пряжи!

М-съ Пэджъ. Раздутой махинѣ!

Пэджъ. Къ такому старому, холодному, потертому, провонявшему насквозь!

Фордъ. Злому на языкъ не хуже сатаны.

Пэджъ. Нищему, какъ Іовъ.

Фордъ. Нечестивому, какъ его жена.

Эвансъ. Преданному любодѣянію, тавернѣ и хересу, и вообще винамъ и меду, вѣчно пьяному, ругателю, мошеннику и прочее и прочее.

Фальстафъ. Чтожь вы остановились? Теперь я служу для васъ мишенью: перевѣсъ на вашей сторонѣ; я разбитъ; я не въ состояніи отвѣтить даже валійской фланели; само невѣжество господствуетъ надо мною; обращайтесь со мной, какъ хотите.

Фордъ. Хорошо; мы поведемъ васъ, сэръ, въ Виндзоръ, къ извѣстному вамъ м-ру Бруку, у котораго вы выманили деньги, давъ обѣщаніе служить ему сводникомъ; изъ всѣхъ мученій, вынесенныхъ вами, самымъ чувствительнымъ для васъ будетъ возвращеніе этихъ денегъ.

Пэджъ. Полно, развеселись рыцарь. Мы отлично поужинаемъ у меня и ты посмѣешься надъ моей женою, которая смѣется теперь надъ тобою: ты скажешь ей, что м-ръ Слендеръ женился на ея дочери.

М-съ Пэджъ (*въ сторону*). Я знаю доктора, который выскажетъ сомнѣніе въ этомъ. Если мою дочь зовутъ Анна Пэджъ, она теперь замужемъ за докторомъ Кайюсомъ.

Входитъ **Слендеръ.**

Слендеръ. Охъ! хо! хо! Батюшка Пэджъ!

Пэджъ. Что сынъ? Что такое сынъ? Все устроилось?

Слендеръ. Да, устроилось! Сомнѣваюсь, чтобы самый хитрый человѣкъ въ Глостершайрѣ въ состояніи распутать эту путаницу. Я не берусь, хотя бы мнѣ пришлось повѣситься.

Пэджъ. Да въ чемъ же дѣло?

Слендеръ. Пришелъ я въ Итонъ, чтобы вѣнчаться съ мистрисъ Анной Пэджъ, и оказывается, что со мною пришла не она, а здоровенный дѣтина. Если бы мы были не въ церкви, я бы приколотилъ его или онъ приколотилъ бы меня. Пусть у меня отсохнетъ рука, если я не думалъ, что со мною Анна Пэджъ, и вдругъ вмѣсто нея — почтальонъ.

Пэджъ. Значитъ, вы ошиблись.

Слендеръ. Зачѣмъ же говорить это? Я думаю, ошибся, если принялъ мальчика за дѣвушку. Но если бы я съ нимъ и обвѣнчался, то хотя онъ и въ женскомъ платьѣ, я не пожелалъ бы жить съ нимъ.

Пэджъ. Сами вы сдѣлали глупость. Объяснилъ я вамъ толкомъ, какъ узнавать мою дочь по платью.

Слендеръ. Ну, я подошелъ къ той, на ко-

торой было бѣлое платье и сказалъ ей: «молчи!», а она отвѣтила мнѣ: «бюджетъ!» Такъ мы условились съ Анной и все-таки оказалось, что это не Анна, а почтальонъ.

М-съ Пэджъ. Добрый Джоржъ, не сердитесь. Мнѣ извѣстно было ваше намѣреніе и я велѣла дочери надѣть зеленое платье; она, вѣроятно, обвѣнчалась съ докторомъ въ приходской церкви.

Входитъ **Кайюсъ.**

Кайюсъ. Гдѣ м-съ Пэджъ? Чортъ возьми, меня одурачили! Я женился на garçon, на мальчишкѣ, на paysan; чортъ побери, на мальчишкѣ, а не на Аннѣ Пэджъ; чортъ возьми, меня обманули.

М-съ Пэджъ. Взяли-ли вы ту, которая была одѣта въ зеленое платье?

Кайюсъ. Да, чортъ возьми! а это былъ мальчикъ! Чортъ побери, я взбудоражу весь Виндзоръ! (*Уходитъ.*)

Фордъ. Странно! Кто же взялъ настоящую Анну Пэджъ?

Пэджъ. У меня предчувствіе на сердцѣ! А, вотъ идетъ м-ръ Фентонъ.

Входятъ **Фентонъ** *и* **Анна Пэджъ.**

Пэджъ. Что вы намъ скажете, м-ръ Фентонъ?

Анна. Простите, добрый батюшка! Простите, добрая матушка!

Пэджъ. Какъ смѣли вы, мистрисъ, не пойдти съ м-ромъ Слендеромъ?

М-съ Пэджъ. Почему, дѣвчонка, не послушались вы меня и не пошли съ докторомъ?

Фентонъ.

Совсѣмъ ее смутили вы. Всю правду
Я вамъ скажу. Готовили вы ей
Постыдный бракъ безъ всякаго влеченья
Взаимнаго. Но знайте, что она
И я давно обручены; отнынѣ-жъ
Такъ крѣпокъ нашъ союзъ, что разорвать
Его ничто не въ силахъ. Святъ проступокъ,
Совершенный ею, и нельзя его
Назвать непослушаніемъ, обманомъ,
Отсутствіемъ почтенія; вѣдь этимъ
Она себя избавила навѣкъ
Отъ тысячи проклятій богохульныхъ,
Что вызывалъ бы постоянно въ ней
Насильный бракъ.

Фордъ.

Ну, полно огорчаться;
Вѣдь этому ничѣмъ не пособить.
Въ любви всѣмъ правитъ Богъ. Помѣстья покупаетъ
За деньги человѣкъ, женъ небо посылаетъ.

Фальстафъ. И мнѣ можно порадоваться; ваша стрѣла, которой вы прицѣливались въ меня, попала въ васъ самихъ.

Пэджъ.

Да, тутъ ничѣмъ не пособишь. — Фентонъ,
Пошли вамъ Богъ и радости, и счастье!
Чего нельзя избѣгнуть, то должны
Мы принимать.

Фальстафъ.

Когда собаки ночью
Охотятся — всю дичь легко поднять.

М-съ Пэджъ.

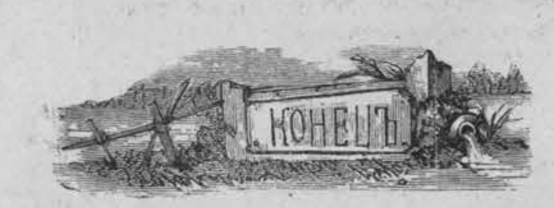
Довольно мнѣ сердиться
(*Фентону.*) Много, много
Веселыхъ дней пусть небо вамъ пошлетъ!
Любезный мужъ, теперь домой всѣ вмѣстѣ
Отправимся — (*Фальстафу*) вы тоже съ нами, сэръ —
И у камина вмѣстѣ посмѣемся
Надъ нашею продѣлкою въ лѣсу.

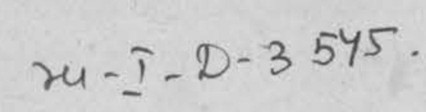
Фордъ.

Пусть будетъ такъ.
(*Фальстафу.*) Однако обѣщанье,
Что Бруку дали вы, сдержали вы, сэръ Джонъ:
Вѣдь точно съ м-съ Фордъ ночуетъ нынче онъ!

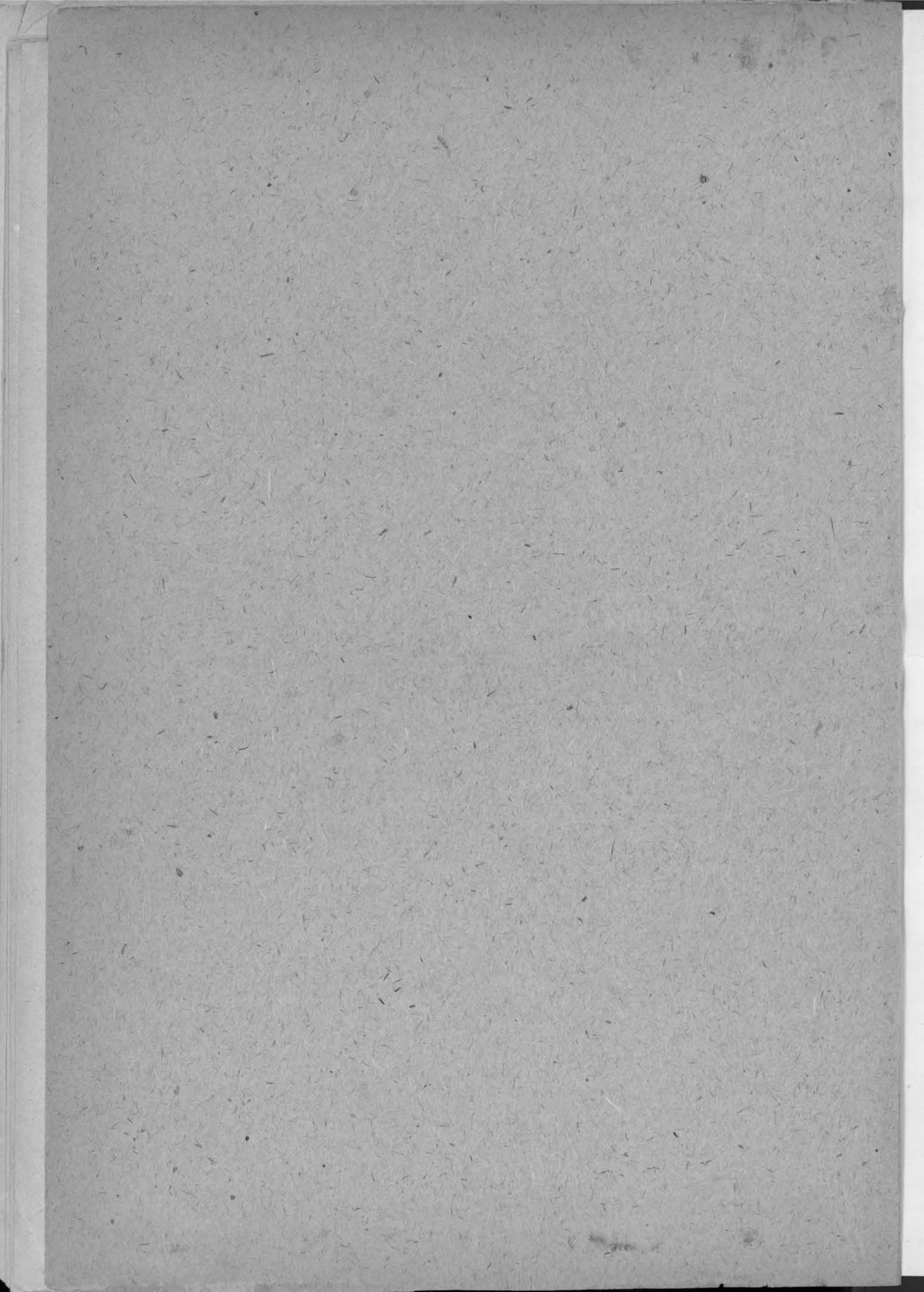
(*Уходятъ.*)

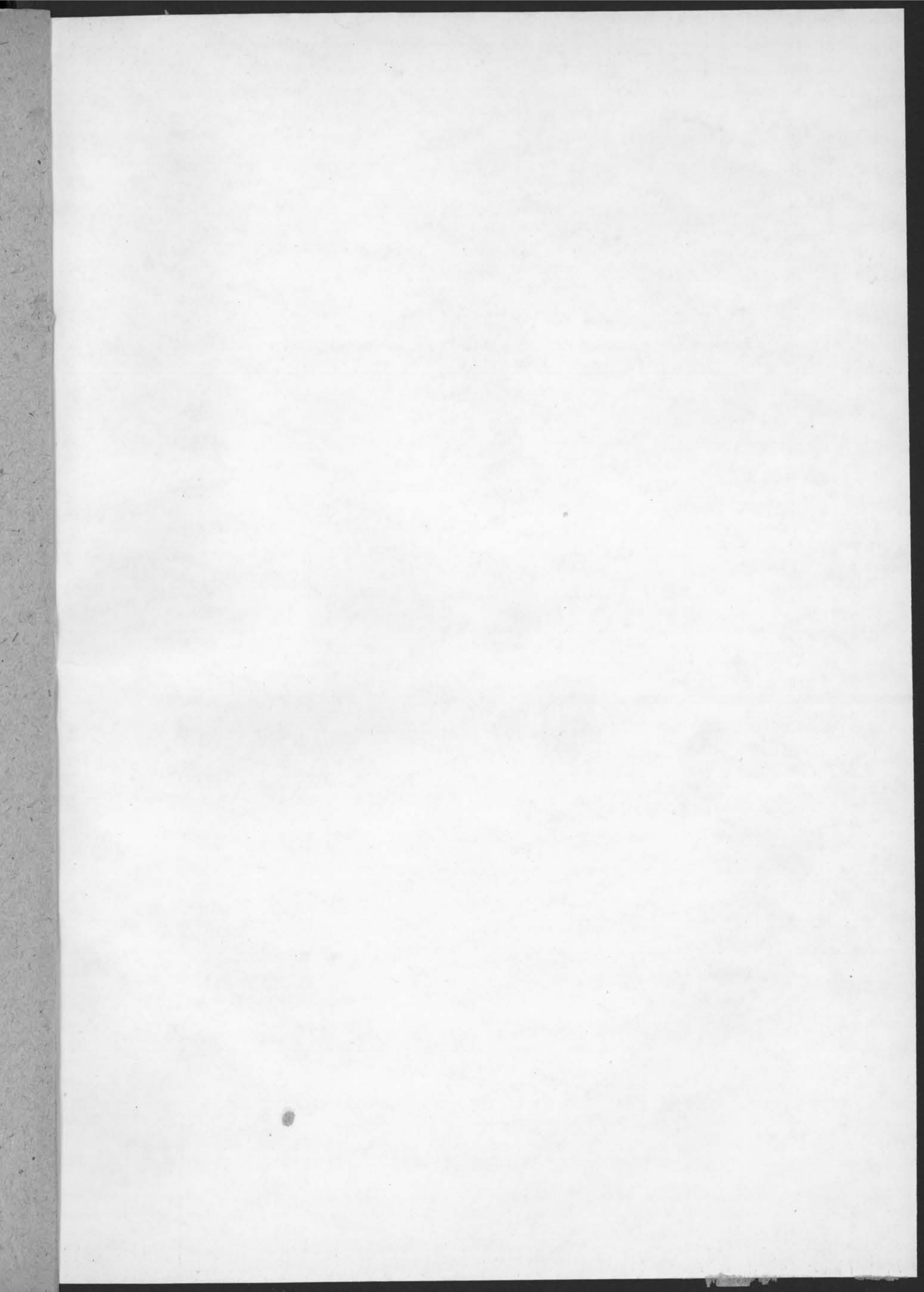

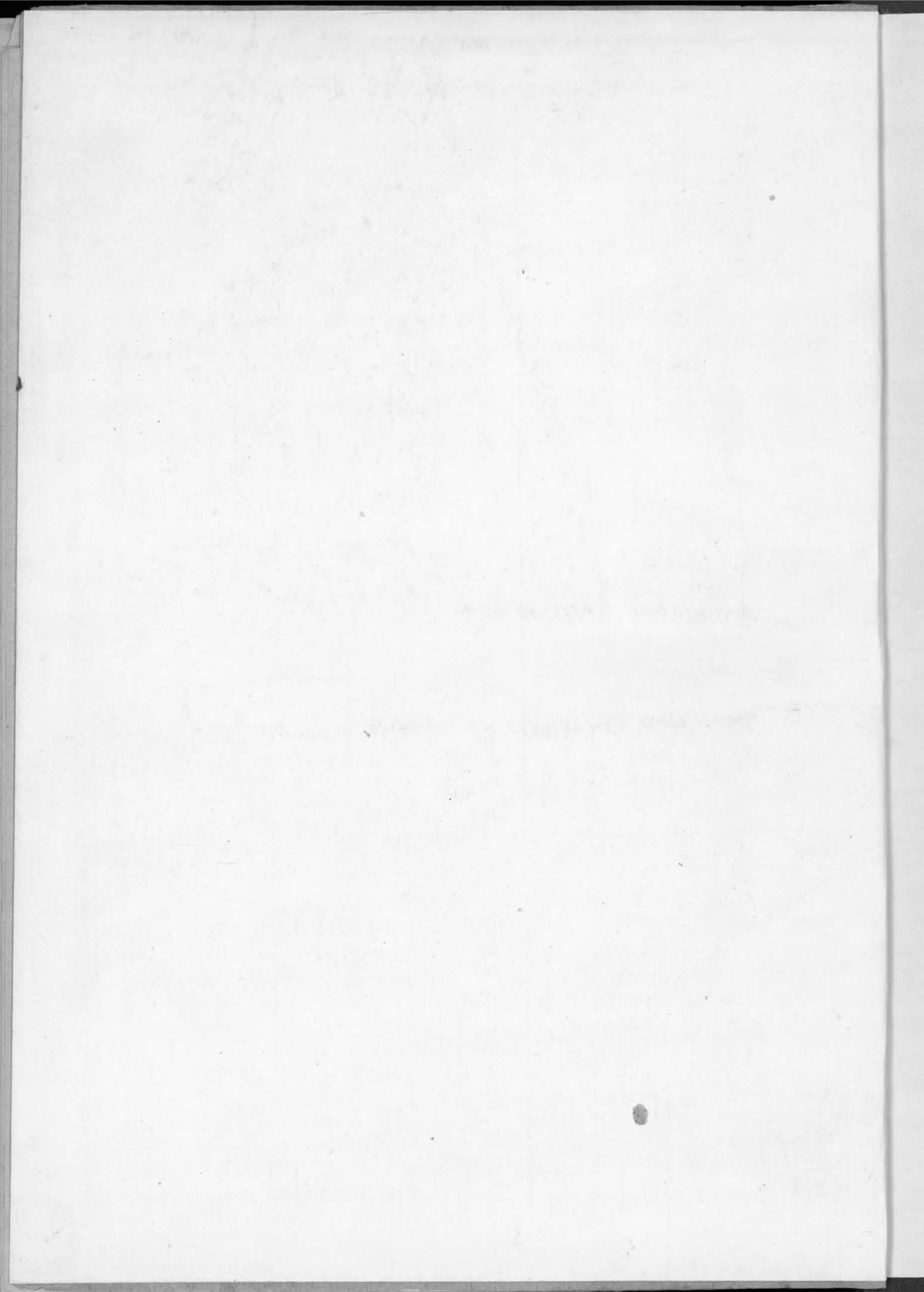

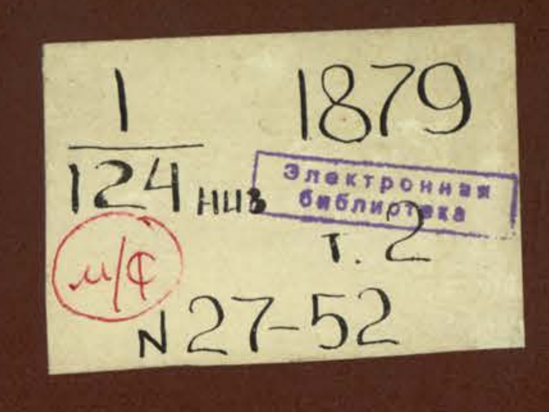

1926г. ДП

1 1879
124 нш Электронная библиотека
м/ф т. 2
N 27-52